

Министерство образования и науки Республики Татарстан
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Отдел новой истории

**Институты общинного
самоуправления в социальной жизни
многонационального крестьянства
Волго-Уральского региона
(XVIII в. – 20-е гг. XX в.)**

**МАТЕРИАЛЫ
Всероссийской научной конференции**

Казань – 2019

УДК 94(470.4+470.5)

ББК 63.3(2)5-334

И 71

**Серия «Исторические судьбы народов
Поволжья и Приуралья»**

Выпуск 12

*Утверждено к печати Ученым советом
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ*

Редакционная коллегия:

*И.К. Загидуллин (науч. ред. и сост.), А.В. Ахтямова (отв. ред.),
И.З. Файзрахманов (ред.), А.А. Арсланова (ред. английских текстов)*

И 71 Институты общинного самоуправления в социальной жизни многонационального крестьянства Волго-Уральского региона (XVIII в. – 20-е гг. XX в.): материалы Всероссийской научной конференции. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019. – 224 с.

ISBN 978-5-94981-335-5

В сборнике представлены статьи участников Всероссийской научной конференции «Институты общинного самоуправления в социальной жизни многонационального крестьянства Волго-Уральского региона (XVIII в. – 20-е гг. XX в.)», проведенной в рамках VI Всероссийского научного форума «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья» (г. Казань, 14–15 ноября 2019 г.).

Адресован историкам, преподавателям и студентам, всем интересующимся историей местного самоуправления и крестьянства России.

ISBN 978-5-94981-335-5

УДК 94(470.4+470.5)

ББК 63.3(2)5-334

© Авторы, 2019

© Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Загидуллин И.К. Предисловие	5
Акшиков А.Г. Образование волостных земств в Куллекиминской и Кшкловской волостях Царевококшайского уезда Казанской губернии в 1917–1918 гг.	10
Александров Н.М. Сельские старосты в пореформенной России (права, обязанности, место в социуме)	20
Гатина Ф.Ф., Гибадуллин М.З., Нуриева А.Р. Аграрные преобразования большевиков и изменения в характере землепользования в первые годы советской власти: региональные особенности	30
Гаффаров И.З. Обычное право в историко-правовом контексте развития народов Пермского края	43
Долгих А.Н. Дворовые люди в правительственном законодательстве и дворянском общественном мнении России XVIII – первой половины XIX века: к постановке проблемы	53
Егоров Д.В. Общинные суды и особенности крестьянской юстиции чувашей во второй половине XIX – начале XX века.....	62
Исхаков Р.Р. Демографические и миграционные процессы среди татар Зюрейской дороги в XVIII в. (на примере дер. Старые Зюри)	79
Маликов Р.И. Характеристика П.И. Пашино татарского мусульманского духовенства второй половины XIX века	89
Марискин О.И. Мирские сборы крестьянской общины Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века	95

Першин С.В., Шитова Т.В. Православное приходское духовенство в региональном социуме первой половины XIX в. (по материалам Краснослободского уезда Пензенской губернии и Ардатовского уезда Симбирской губернии)	107
Прохоров М.Ф. Роль крестьянской общины в социально-экономической жизни крепостной деревни России в середине XVIII века	117
Садыкова Р.Б. Школа в структуре сельского общества в 1920-е гг. (на примере ТАССР)	127
Степанов А.Ф. Сельские мусульманские общины Татарской АССР глазами ГПУ (1920-е гг.)	137
Субботина А.М. Взаимодействие органов крестьянского и земского самоуправления в Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в.	154
Султангалиева Г.С. Волость, волостные управители Казахской степи в XIX в.: особенности функционирования	160
Таймасов Л.А. Православный приход в Чувашском крае во второй половине XIX века	176
Тяпкин М.О. Традиции лесопользования и лесоохранная деятельность крестьянской общины в дореволюционный период (на примере Западной Сибири)	188
Файзрахманов И.З. Сельские общины Казанского уезда и оброчные казенные платежи в 1720–1760-х гг.	199
Шайдуллин Р.В. Взаимоотношения сельского общества и власти в Татарстане накануне коллективизации	211
Список сокращений	221

ПРЕДИСЛОВИЕ

Взаимодействие правителей Московского государства и впоследствии Российской империи с местными этническими и конфессиональными элитами по обеспечению политической лояльности основывалось на гарантии их особого статуса, а нерусским подданным – автономии религиозно-обрядовой жизни и этноконфессиональной системы образования. Классическим проявлением такой автономии была административная практика правительства Османской империи по урегулированию религиозно-культурных потребностей нетитульных групп подданных, получившая в исторической литературе название «система миллет».

Эта система претерпела серьезные изменения во второй трети XVIII в., когда осуществлялось насильственное крещение последователей традиционных верований и мусульман Среднего Поволжья. У новокрещен произошли деформация мировоззрения и формирование синкретической религиозности, в рамках которой сохранялась традиционная основа прежних верований. С последней трети XIX в., когда благодаря христианско-просветительской системе Н.И. Ильминского, чуваша, марийцы, удмурты, мордва, крещеные татары обзавелись алфавитом и учебниками на кириллице, сетью церковно-приходских школ с преподаванием на родном языке, учителями и приходским духовенством, проводившим богослужение на родном языке, следствием чего стало формирование национальной интеллигенции, также находились в российском варианте «системы миллет». Иначе говоря, у них сложилась имеющая свои особенности религиозно-культурная автономия, которая состоялась во многом благодаря содействию и финансовой помощи правительственных и миссионерских кругов. Из этой модели выпадали «язычники», традиционные верования которых вплоть до 1905 г. подвергались гонениям.

Православные священники и мусульманские духовные лица, благодаря делегированным им правительством административным полномочиям, выступали в своих приходах регистраторами актов гражданского состояния прихожан, муллы также по шариату осу-

Предисловие

шествовали раздел наследства и участвовали в регулировании семейно-брачных отношений.

Важнейшим институтом, обеспечивавшим самобытность сохранения этнокультурной жизни, также являлись крестьянские суды, юридические решения которых основывались на обычном праве и признавались имперской властью. Обычное право в сельской местности, наряду с государственными законами, занимало достойную нишу в повседневной жизни многонационального крестьянства и в период модернизации.

Важно отметить, что автономные права крестьянских общин и легитимность крестьянской юриспруденции являлись следствием сложившихся социально-экономических отношений между государством и сельским населением страны, регламентированных имперскими законами, и не имели отношения к этноконфессиональной политике властей. Эти институты играли заметную роль в повседневной жизни членов сельских сообществ, были важнейшими маркерами правового статуса сельских податных слоев, занимавших самую низшую нишу в иерархической структуре российского общества. Однако для установления тотального контроля над общественной жизнью крестьян имперская власть не имела ни средств, ни политической воли, ни подготовленных кадров.

Итак, ключевым институтом общинного и волостного самоуправления была крестьянская община – хозяйственно-социальная ячейка со статусом юридического лица. Все без исключения земельные общины являлись *этническим* социальным институтом, обеспечивавшим социальное выживание крестьянства в традиционном обществе. В консервативной крестьянской среде сохранялась историческая память, формировался менталитет сельских жителей, развивалось устное народное творчество, которые мы сегодня именуем ключевыми элементами национальной традиционной культуры. Именно поэтому институты самоуправления сельского населения способствовали укреплению и расширению религиозно-культурной автономии нерусских народов Российской империи, обеспечивали социально-экономическую стабильность ее членов и, особенно в случае с мусульманами, выступали источником финансирования ее дееспособности. Институты самоуправления у нерусских казаков,

Предисловие

благодаря определенной автономии поселковых обществ, также в значительной степени выполняли аналогичные функции.

Выбор научной проблемы VI Всероссийского научного форума «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья» в формулировке «Институты сельского самоуправления в Волго-Уральском регионе как исторический феномен (XVIII в. – 20-е гг. XX в.)» был обусловлен нашим стремлением системно рассмотреть социокультурный контекст истории крестьянской общины в национальной истории.

Комплексный научный подход заключается в том, чтобы изучить:

1) крестьянскую общину как закрытый социальный организм с собственными институтами самоуправления, регулирующими социальные отношения, производственно-общественную жизнь и развитие национально-крестьянской культуры; 2) обычное право и крестьянскую юриспруденцию – как институты автономии, регулирующие общественный порядок и в определенной степени социальное поведение крестьян; 3) религиозные общины – приходы – как центры удовлетворения этноконфессиональных потребностей крестьян. Такой подход призван способствовать переосмыслению роли крестьянской общины в национальных историях.

Представленные вниманию читателей материалы одного из четырех мероприятий Форума¹ – конференции «Институты общинного самоуправления в социальной жизни многонационального крестьянства Волго-Уральского региона (XVIII в. – 20-е гг. XX в.)» – содержат новые изыскания участников научного форума по данной проблеме.

Статья д.и.н. *Г.С. Султангалиевой*, посвященная особенностям функционирования казахских волостей и волостным управителям в

¹ Помимо данной научной конференции, также состоялись: круглый стол «Крестьянское общинное самоуправление в Волго-Уральском регионе: новые источники и методологические подходы», научный семинар «Казачье самоуправление в Приуралье в период модернизации и социальных сдвигов» и научный семинар «Религиозно-культурная автономия мусульман Волго-Уральского региона в последней четверти XVIII – 20-е гг. XX в.», посвященный 230-летию учреждения Оренбургского магометанского духовного собрания (14–15 ноября 2019 г.).

Предисловие

XIX в., придает теме евразийский контекст и предоставляет материал для сопоставления институтов сельского оседлого населения в губерниях и у кочевников на российской окраине.

Характеристике компетенций и деятельности важнейших институтов самоуправления – общинных судов и сельских старост у чувашей – посвящены статьи к.и.н. *Д.В. Егорова* и к.и.н. *Н.М. Александрова* соответственно. Объектом изысканий к.и.н. *И.З. Гаффарова* являются особенности применения в социальной жизни сельского населения норм обычного права. Д.и.н. *О.И. Марискин* исследует принципы самообложения в поземельных общинах Среднего Поволжья и основные статьи расходов «мирских сборов» во второй половине XIX – начале XX в.

Учреждение в революционном 1917-м и в 1918 гг. волостных земств в Царевококшайском уезде Казанской губернии рассматривает в своей статье к.и.н. *А.Г. Акишков*.

Немного особняком от общей темы стоит статья д.и.н. *Р.Р. Исакова*, посвященная реконструкции по материалам ревизий истории татарской деревни Старые Зюри Казанского уезда и губернии в XVIII в.

Роль крестьянской общины в социально-экономической жизни русской крепостной деревни в середине XVIII века и регламентация социальных отношений дворовых людей XVIII – первой половины XIX в. рассматриваются в исследованиях д.и.н. *М.Ф. Прохорова* и д.и.н. *А.Н. Долгих*.

Некоторые аспекты фискальной политики правительства в отношении сельского податного населения в 1720–1760-х гг. раскрываются в публикации к.и.н. *И.З. Файзрахманова*. Тема взаимодействия органов крестьянского самоуправления с «внешним миром» развивается в исследованиях к.и.н. *А.М. Субботиной*, которое посвящено взаимодействию сельских обществ с земствами Вятской губернии, и д.и.н. *М.О. Тяпкина* о деятельности общин по охране лесов, входивших в границы крестьянских наделов, в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. В совместной работе к.и.н. *Ф.Ф. Гатиной*, к.и.н. *М.З. Гибадуллина*, к.и.н. *А.Р. Нуриевой* внимание авторов сосредоточено на раскрытии приоритетов аграр-

Предисловие

ной политики советской власти в ТАССР, следствием которой стали изменения в характере землепользования в начале 1920-х гг.

Ряд авторов обратились к истории приходов и паствы в средне-волжской деревне. Так, д.и.н. *С.В. Першин* и к.и.н. *Т.В. Шитова* предприняли попытку охарактеризовать по ключевым параметрам сельское православное приходское духовенство дореформенного периода как корпоративно-сословную группу российских подданных; к.и.н. *Р.И. Маликов* стремится воссоздать по работам П.И. Пашино середины XIX в. типажи представителей мусульманского духовенства. Д.и.н. *Л.А. Таймасов* исследует взаимоотношения между причтом и паствой в пореформенной чувашской деревне. На примере социального поведения сельских мулл и деятельности мусульманских религиозных школ в Татарской АССР в 1920-е гг. представлены сюжеты об изменении в религиозном укладе сельского общества в работе *А.Ф. Степанова*. Вопросы функционирования начальных школ в структуре сельского общества практически в этот же период – в материале к.и.н. *Р.Б. Садыковой*.

Сборник завершается статьей д.и.н. *Р.В. Шайдуллина*, посвященной раскрытию причин формирования социальной напряженности в деревнях ТАССР накануне коллективизации.

Выражаю надежду, что заинтересованный разговор, который состоялся в ходе пленарного и секционных заседаний конференции, и обмен новой научной информацией послужат основой для новых проектов и творческих поисков участников форума, а представленные в данном сборнике материалы будут способствовать расширению наших знаний о роли институтов общинного самоуправления в социальной жизни многонационального крестьянства Волго-Уральского региона.

И.К. Загидуллин,
доктор исторических наук

**Образование волостных земств в Куллекиминской
и Кшкловской волостях Царевококшайского уезда
Казанской губернии в 1917–1918 гг.**

В статье рассматривается реализация земского волостного избирательного процесса в Куллекиминской и Кшкловской волостях Царевококшайского уезда Казанской губернии, населенных в основном татарами. Автор пришел к выводу, что национальный фактор хотя и присутствовал в определенной мере в ходе подготовки и проведения выборов в волостные земские собрания, но не имел принципиального значения. На избирательный процесс, как и в других волостях Царевококшайского уезда, оказывали влияние прежде всего социально-экономические и политические факторы, сложившиеся в России в 1917 г.

Ключевые слова: волостное земство, земский волостной избирательный процесс, Куллекиминская волость, Кшкловская волость, Царевококшайский уезд, Казанская губерния, татары, 1917 г.

A.G. Akshikov

**Formation of volost Zemstvos in Kullekiminsky and Kshklovsky volosts
of Tsarevokokshaysky district of Kazan province in 1917–1918**

The article deals with the implementation of the Zemstvo volost electoral process in Kullekiminsky and Kshklovsky volosts of Tsarevokokshaysky district of Kazan province, inhabited mainly by the Tatars. The author came to the conclusion that although the national factor was present to a certain extent during the preparation and holding of elections to the volost Zemstvo assemblies, it was not of fundamental importance. The electoral process, as in other volosts of Tsarevokokshaysky district, was influenced primarily by socio-economic and political factors developed in Russia in 1917.

Keywords: volost Zemstvo, Zemstvo volost electoral process, Kullekiminsky volost, Kshklovsky volost, Tsarevokokshaysky district, Kazan province, the Tatars, 1917.

Акшиков А.Г. Образование волостных земств в Куллекиминской и Кшкловской волостях Царевококшайского уезда Казанской губернии в 1917–1918 гг.

Уже в первые десятилетия существования земских учреждений в среде земских и общественных деятелей складывалось убеждение, что двухуровневой системы (уездное и губернское земство) недостаточно. Для нормального функционирования земства необходим был низовой уровень – мелкая земская единица. Высказывалось мнение, что она должна была действовать в рамках всеобщей земской волости. Однако провести реформирование земской системы в императорской России не получилось. Только после свержения самодержавия удалось приступить к введению волостного земского самоуправления.

Учреждение волостных земств в России было инициировано постановлением Временного правительства «О волостном земском управлении» от 21 мая 1917 г. В этот же день были приняты «Временное положение о волостном земском управлении» и «Правила о приведении в действие временного положения о волостном земском управлении».

Волостное земское учреждение включало в себя волостное земское собрание, состоявшее из гласных, избираемых жителями волости, и волостную земскую управу, формируемую земским собранием из своего состава. Количество волостных гласных определялось в 20–50 человек, в зависимости от численности населения волости. Управа состояла из председателя и не менее чем 2-х членов. Срок действия полномочий земского собрания и управы составлял 3 года. Но на первых выборах они избирались лишь до 1 января 1919 г. Земская волость образовывалась на основе крестьянской волости путем включения в нее земельных владений, находящихся вне городских поселений.

Выборы в земское собрание происходили на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. Выборы проводились по мажоритарной избирательной системе, но несколько позднее закон допустил избирать гласных и по пропорциональной системе. В выборах могли участвовать граждане обоего пола, проживавшие в волости на момент опубликования закона о волостном земстве и достигшие 20-летнего возраста, за исключением монахов, лиц, признанных «безумными, сумасшедшими и глухонемыми», и

Акшиков А.Г. Образование волостных земств в Куллекиминской и Кшкловской волостях Царевококшайского уезда Казанской губернии в 1917–1918 гг.

осужденных за определенные преступления в течение 3-х лет после отбытия наказания.

Для проведения выборов создавались волостные избирательные комиссии, включавшие в себя председателя, назначаемого уездной земской управой, и 4–8 членов. Волостная комиссия вела всю работу по подготовке выборов: приглашала председателей сельских избирательных комиссий, составляла избирательные списки, принимала и рассматривала заявления и жалобы, в которых отмечались нарушения избирательных прав местных жителей, и т.д. Волость делилась на сельские избирательные округа, в каждом из которых организовывались сельские избирательные комиссии (председатель и не менее 2-х членов), непосредственно проводившие выборы гласных.

Подготовительные и распорядительные действия по выборам в волостные земства должны были в будущем проводиться уездной земской управой совместно с волостными земскими управами. Но первые выборы земских волостных гласных проводились по решению уездной земской управы, расширенной представителями от общественных организаций.

При мажоритарной системе выборов избиратели голосовали посредством избирательных записок, в которых они писали имена тех, кого хотели видеть гласными волостного земского собрания. Голоса подсчитывались в присутствии избирателей. Избранными считались те, за кого проголосовали более половины избирателей, явившихся на выборы. Если избиралась только часть гласных, то назначались новые выборы. В этом случае избранными считались те, за кого было подано простое большинство голосов. Если количество гласных составляло $\frac{2}{3}$ от того числа гласных, которое возможно было избрать, то волостное земское собрание приступало к выполнению своих обязанностей.

В Царевококшайском уезде Казанской губернии предстояло образовать земские волости на основе 11 крестьянских волостей: Вараксинской, Арбанской, Петриковской, Ронгинской, Себеусадской, Моркинской, Шиньшинской, Кшкловской, Куллекиминской, Сотнурской и Большешигаковской. 3 июля 1917 г. состоялось первое заседание Царевококшайской уездной земской управы по выборам в волостные земства, пополненной представителями местных общест-

Акшиков А.Г. Образование волостных земств в Куллекиминской и Кшкловской волостях Царевококшайского уезда Казанской губернии в 1917–1918 гг.

венных организаций. На заседании были установлены пределы почти всех земских волостей (полностью этот вопрос был решен на других заседаниях управы), определено количество волостных гласных, приходящихся на каждую волость, выделены сельские избирательные округа, избраны председатели волостных избирательных комиссий и назначена дата выборов гласных в земские собрания – 3 сентября, которая, впрочем, в итоге была перенесена на 8 сентября. После заседания 3 июля на местах стали организовываться волостные и сельские избирательные комиссии, занявшиеся непосредственной подготовкой и проведением выборов гласных волостных земских собраний.

В данном исследовании мы попытались разобраться, как проходил земский волостной избирательный процесс в двух волостях Царевококшайского уезда – Куллекиминской и Кшкловской. Эти волости интересны тем, что по национальному составу они были почти моноэтническими. Так, в 1917 г. в Куллекиминской волости из 19 деревень 15 являлись татарским, а 4 – русскими. Из 11202 человек населения татар насчитывалось 9538 (85,15%), а русских – 1664 (14,85%) (ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1181. Л. 101 об.). В Кшкловской волости все деревни были татарскими. Из 12721 жителя русских было всего 10 (0,08%) (ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1181. Л. 99 об.). Ярko выраженный татарский состав населения волостей позволяет рассмотреть особенности подготовки и проведения выборов в волостные земства в нерусской национальной среде и сравнить эти процессы с аналогичными процессами в других волостях Царевококшайского уезда.

Куллекиминская волость была разделена на 11 сельских избирательных округов, в которых следовало избрать 35 волостных земских гласных (ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1181. Л. 120). В Кшкловской волости насчитывалось 7 сельских избирательных округов, в которых предстояло выбрать 35 гласных (ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1181 а. Л. 227). Заметим, что 25 августа 1917 г. один из округов был разделен, т.е. избирательных округов стало 8 (ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1181 а. Л. 228, 228 об.). Председателем Куллекиминской волостной избирательной комиссии был назначен учитель Куллекиминского училища У.Г. Шафиев, а Кшкловской комиссии – учитель Служи-

Акшиков А.Г. Образование волостных земств в Куллекиминской и Кшкловской волостях Царевококшайского уезда Казанской губернии в 1917–1918 гг.

ло-Уринского училища М.С. Галеев (ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1181. Л. 120, 120 об.).

Уже на стадии формирования волостных и сельских избирательных комиссий, составления избирательных списков председатели волостных избирательных комиссий стали испытывать трудности. И если в Куллекиминской волости они благополучно разрешились, то в Кшкловской волости они оказались непростыми. 18 июля М.С. Галеев писал в Царевококшайскую уездную земскую управу: «Никто не соглашается принять на себя исполнение функции председателя сельской избирательной комиссии и быть членом в волостной избирательной комиссии. Так как умеющих писать хорошо как по-татарски, так и по-русски почти нет, то составляю списки на всю волость сам, никто не помогает.

Сначала многие деревни отказывались от составления избирательных списков, говоря: "Теперь рабочая пора – заниматься выборами некогда да, Бог знает, зачем эти списки; может быть, вовсе не для выборов, а для того, чтобы крестьяне отказались в Учредительном собрании от земли".

Приходится убеждать каждую деревню в неопасности этих списков, но это не всегда удается. Есть деревни, которые заражены мыслями [газеты] «Правды» о сосредоточении всей власти в руках крестьян и представлении им неограниченной свободы и власти – к такому и подходить опасно» (ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1181. Л. 189, 189 об.).

Все же М.С. Галееву удалось сформировать волостную и сельские избирательные комиссии, но они оказались малоэффективными, а их деятели – пассивными. Почти весь груз работы по подготовке выборов в волости лег на плечи председателя волостной избирательной комиссии.

К 23 июля М.С. Галеев подготовил избирательные списки по всем деревням волости, кроме четырех – Ахметкозино, Кубян-Спочинок, Шаши-Спочинок и Малые Шаши, – жители которых считали, что списки нужны для введения хлебной монополии. «По волости ходят много провокаторов и темных сил, распространяя среди народа самые нелепые вести. Никакой власти в волости нет; никто никакого закона не признает. Почти каждая деревня представляет

Акшиков А.Г. Образование волостных земств в Куллекиминской и Кшкловской волостях Царевококшайского уезда Казанской губернии в 1917–1918 гг.

собою ни от кого независящую республику», – отметил он (ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1181 а. Л. 218, 218 об.).

К концу июля списки были готовы по всем деревням, за исключением д. Ахметкозиной. Только во второй половине августа удалось составить избирательный список по Ахметкозинскому сельскому обществу на основе посемейного списка (ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1181 а. Л. 229).

22 августа М.С. Галеев сообщал уездной земской управе о напряженной обстановке, сложившейся в волости накануне выборов. Он отмечал, что заниматься организацией выборов в волостное земство «очень рискованно и почти невозможно». Никто не желал брать на себя обязанности председателя сельской избирательной комиссии, опасаясь быть побитым и прослыть «продажным». Агитаторы подвергались «разным поруганиям и покушениям». Сам М.С. Галеев работал «с большой трудностью». Однако с каждым днем трудиться становилось все тяжелее. «При таком положении, – писал он, – мне невыносимо будет подвергать себя опасности» (ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1181 а. Л. 229, 229 об.).

Татарское население Куллекиминской и Кшкловской волости слабо владело русским языком и грамотой. Это осложняло агитацию в пользу волостного земства, так как законы и популярные брошюры о нем были на русском. В Казанской губернии изданием литературы о земстве на татарском языке занялся Казанский мусульманский комитет, который 19 августа обратился к Царевококшайской уездной земской управе с предложением приобрести у него наказ о производстве выборов волостных земских гласных и объявления о выборах в волостное земство для расклейки в деревнях на татарском языке (ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1181 а. Л. 182). Управа 26 августа телеграфировала «Товариществу Маариф» о срочной высылке отпечатанных экземпляров наказов (100 штук) и объявлений (200 штук) на татарском языке (ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1181 а. Л. 183). До дня выборов (8 сентября) управа разослала их по всем волостям Царевококшайского уезда, где жили татары (ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1181 а. Л. 184). М.С. Галеев и У.Г. Шафиев привезли в свои волости указы и объявления на татарском языке даже раньше, чем уездная земская управа решила их приобрести. Они были участниками мусульман-

Акшиков А.Г. Образование волостных земств в Куллекиминской и Кшкловской волостях Царевококшайского уезда Казанской губернии в 1917–1918 гг.

ского съезда, проходившего в Казани в первой половине августа (ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1181 а. Л. 59), на котором узнали об этих печатных материалах.

Несмотря на появление литературы о волостном земстве на татарском языке, недоверие к новым органам самоуправления в Кшкловской волости, в связи с обострением социально-экономической и политической обстановки, только возрастало. 27 августа М.С. Галеев сообщал уездной земской управе: «Несмотря на упорство и отказ населения к выборам, все зависящее от волостной комиссии сделано. Избирательные списки в трех экземплярах составлены; избирательные записки по деревням разосланы; объявления на татарском языке о дне выборов привезены из Казани и вывешены, как в здании волостного правления, так и в народных домах каждой деревни волости; брошюры на татарском языке о волостном земстве имеются в каждой деревне и читаются народом. Я бывал в каждой деревне волости почти по 10 раз и убеждал в необходимости введения волостного земства и объяснял порядок производства выборов. I и VI округа ... к выборам сочувствуют и соглашаются произвести оный. Остальные округа, хотя не отказываются, но колеблются. ... Сюда приезжают много провокаторов и распространяют самые нелепые слухи и советуют мужикам отказаться от всего. Не остаются без влияния и события на фронте, и в Казани. Принимая все это во внимание, нельзя удивляться, если остальные округа откажутся и от земства, но пока ожидать этого не следует. При первом случае остается лишь одно средство: вызвать вооруженную силу...

Если выборы не состоятся, то до усмирения делать будет нечего. Тогда здешний волостной комитет тоже подаст в отставку и выйдет всевозможное...

...Главное зло – отсутствие интеллигенции, кроме мулл, которым в Кшкловской волости не доверяют, нет почти ни одного хорошо понимающего момент и революцию человека. Например, в волостной избирательной комиссии восемь членов, но эти лица никогда в комиссии не бывают; так что я состою тут и председателем комиссии, и секретарем и самой волостной комиссии, и сельской избирательной комиссии, и лектором, и агитатором. Никто не помогает, тут отказы, упорство и боязнь!» (ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1181 б. Л. 7–8).

Акшиков А.Г. Образование волостных земств в Куллекиминской и Кшкловской волостях Царевококшайского уезда Казанской губернии в 1917–1918 гг.

В итоге выборы 8 сентября в Кшкловской волости оказались сованы. «...Население Кшкловской волости, – писал М.С. Галеев, – собравшись 10 сентября (больше 1000 человек) на волостном сходе, категорически отказалось от введения волостного земства и от производства выборов...

Дела здесь принимают опасный характер: волостной комитет свергнут, отказано от организации продовольственного комитета и служащим грозит опасность» (ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1181 в. Л. 56–57). М.С. Галеев сложил с себя полномочия председателя волостной избирательной комиссии.

В Куллекиминской волости выборы проходили также непросто. У.Г. Шафиев докладывал управе: «Выборы гласных в Куллекиминское волостное земское собрание идут очень медленно. Татары, следуя примеру татар Кшкловской волости, отказываются от подачи записок, думая, что подача записок это есть согласие на хлебное монополье, и что гласные, будучи выбраны с согласия всех, являются полномочными от всего населения и если их принудят согласиться на хлебное монополье, то это согласие будет считаться ни только согласием отдельных личностей на монополье, а – всего населения и из-за них будет страдать все население. Выборы пока из одиннадцати округов прошли только в четырех округах, а остальные округа все еще колеблются – выбрать или нет. Приезжаешь им, даешь наставления, соглашаются, как уехал, раздумывают опять. Трудно работать среди такого населения, который, будучи при здравом уме, ничего не хочет слушать и понимать. Среди такого населения никакие агитаторы и инструктора бесполезны. Выборы должны уже давно кончиться, а я все еще разъезжаю с агитацией, и когда я кончу выборы – не знаю. Вся вина на татарах Кшкловской волости, они путают все дело, ведя тайные агитации среди населения. Я уже один третий месяц работаю среди такого темного населения, устал, хочу отдыха, но совесть не дает отказываться, не доводя дела до конца» (ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1181 б. Л. 73, 73 об.). Тем не менее выборы в Куллекиминской волости удалось провести. К декабрю в волости была сформирована волостная земская управа.

В Кшкловской волости новые выборы в волостное земское собрание были назначены на 10 января 1918 г., но население от них «ук-

Акшиков А.Г. Образование волостных земств в Куллекиминской и Кшкловской волостях Царевококшайского уезда Казанской губернии в 1917–1918 гг.

лонилось» (ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1181 б. Л. 133, 133 об.). Все же волостное земское собрание удалось сформировать, так как по данным на 16 февраля 1918 г. в волости имелась волостная земская управа (ГА РМЭ. Ф. Р–275. Оп. 1. Д. 35. Л. 165). В Царевококшайском уезде не удалось сформировать волостное земство лишь в Сотнурской волости.

Если сравнивать особенности проведения мероприятий, связанных с образованием волостных земств в Кшкловской и Куллекиминских волостях с другими волостями Царевококшайского уезда, то можно убедиться, что трудности с их реализацией во многом совпадали и были связаны в основном с социально-экономической и политической ситуацией, складывавшейся в стране в 1917 г. (см.: Акшиков, 2018, с. 32–44). Трудности проистекали из следующих причин. Во-первых, из-за недостатка образованных лиц, которые могли бы вести разъяснительную работу среди населения. Во-вторых, сказывалась необразованность большинства крестьян, из-за чего они плохо представляли себе идею волостного земства, смешивая ее в сознании с вещами, которые не имели отношения к земству, например, с продовольственным вопросом. Агитаторы наткнулись на непонимание крестьянами сути их разъяснений и сетовали на «темноту» и невежество масс. В волостях, населенных татарами, ситуация усугублялась незнанием жителями русского языка. В-третьих, политический и социально-экономический кризис, быстро охватывавший страну в 1917 г., неудачи на фронте вызывали недоверие местного населения к политическим инициативам Временного правительства, в том числе и к земской реформе. Отсюда также проистекало росшее недоверие крестьян к интеллигенции и духовенству, как православному, так и мусульманскому, выступавшему за ее проведение. В-четвертых, в условиях разраставшегося кризиса, крестьяне оказались восприимчивыми к агитации леворадикальных партий, которые, в частности, внушали им мысль о бессмысленности и вредности волостных земств. В-пятых, резко обострившийся в 1917 г. продовольственный вопрос заставлял крестьян с недоверием относиться к выборам, связывая их с фактическим согласием с крайне непопулярной мерой Временного правительства – хлебной монополией. Леворадикальные пропаганди-

Акшиков А.Г. Образование волостных земств в Куллекиминской и Кшкловской волостях Царевококшайского уезда Казанской губернии в 1917–1918 гг.

сты знали об этом и, судя по всему, использовали страхи местного населения в своих агитационных выступлениях.

Общую суть недоверия татарских крестьян к введению волостных земств ярко выразил М.С. Галеев: «Ни монополия, ни земля их пугают, а ни на чем не основанное заблуждение. "Старый закон рухнул, а новый не существует", говорят мужики, и не признают никого и ничего. Война, монополия, продовольственная управа, земство, разные комитеты и др. – все это составляют для них одно понятие, и они отказываются от всего» (ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1181 б. Л. 5, 5 об.).

Источники и литература

1. Акшиков А.Г. Формирование волостных земств в Царевококшайском уезде Казанской губернии в 1917 году // Великая Российская революция и Марийский край: материалы Региональной научно-практической конференции. Йошкар-Ола, 2018. С. 32–44.
2. ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1181.
3. ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1181 а.
4. ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1181 б.
5. ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1181 в.
6. ГА РМЭ. Ф. Р–275. Оп. 1. Д. 35.

Информация об авторе

Акшиков Александр Геннадьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола); e-mail: akshikov.ag@mail.ru

Akshikov Aleksandr G. – Candidate of Historical Sciences, Senior Scientific Researcher, Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V.M. Vasilyev (Yoshkar-Ola).

Н.М. Александров

Сельские старосты в пореформенной России (права, обязанности, место в социуме)

В статье рассмотрены правовые основы деятельности одной из ключевых фигур крестьянского самоуправления в России второй половины XIX – начале XX в. – сельского старосты. Показана место и роль старосты в крестьянском социуме и структурах власти. На основе исследованных материалов делается вывод о том, что институт сельских старост не смог стать одним из основополагающих элементов в системе крестьянского самоуправления, опираясь на который она могла бы успешно развиваться. В то же время из старост не получился и эффективный проводник государственных интересов в деревне.

Ключевые слова: реформа 1861 г., крестьянское самоуправление, сельский сход, сельский староста, фискальные функции.

N.M. Aleksandrov

Village elders in post-reform Russia (rights, duties, place in society)

The article deals with the legal basis of the activity of one of the key figures of peasant self-government in Russia in the second half of the XIX – early XX century – the village elder. The place and role of the elder in the peasant society and power structures are shown. On the basis of the studied materials it is concluded that the Institute of village elders could not become one of the fundamental elements in the system of peasant self-government, based on which it could successfully develop. At the same time, the elders did not turn out to be an effective conductor of state interests in the village.

Keywords: reform of 1861, peasant self-government, rural gathering, village elder, fiscal functions.

Реформа 1861 г., по планам ее разработчиков, должна была затронуть многие стороны жизни российской деревни. Так, коренным образом менялось правовое положение крестьян. На место вотчинной

Александров Н.М. Сельские старосты в пореформенной России
(права, обязанности, место в социуме)

власти помещика должна была прийти система крестьянского словного самоуправления. Авторы законодательства считали, что эта система, кроме выполнения фискальных функций, сможет не только защитить получивших свободу крестьян от бывших хозяев, но и подготовит их к участию во всех сословных органах местного самоуправления (Захарова, 1983, с. 201). По мнению ряда исследователей, «крестьянское самоуправление стояло в центре реформы и было одним из инструментов ее проведения» (Краснова, 1989, с. 68).

Проблема крестьянского самоуправления в пореформенной России не обделена вниманием историков. По данной теме существует довольно большое количество работ. Мнения специалистов о роли крестьянского самоуправления в пореформенной деревне часто диаметрально противоположны. Одни ученые считают, что крестьянское самоуправление являлось фикцией и имело формальный характер (Зайончковский, 1968, с. 305; Дружинин, 1978, с. 44). Другие – что во второй половине XIX – начале XX в. «сельское и волостное управление основывалось на полном крестьянском самоуправлении», а сельская община превращалась в общественную корпорацию (Миронов, 1999, с. 462, 467).

Целью данной работы является выяснение правовых основ деятельности одной из ключевых фигур крестьянского самоуправления – сельского старосты и определении его места и роли в крестьянском социуме и структурах власти пореформенной России.

Согласно «Общему Положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 г., была образована двухъярусная система местных органов самоуправления, по образцу той, которая была введена в государственной деревне реформой П.Д. Киселева. Для получивших свободу крестьян создавались новые органы крестьянского управления: сельский сход во главе со старостой и волостной сход, возглавляемый волостным старшиной.

Сельский сход был главным распорядительным органом на низшем уровне. Он образовывался в каждом селении из всех домохозяев и выборных должностных лиц. Сход принимал постановления по хозяйственным и другим вопросам деревенской жизни. На нем избирался староста, который был основным исполнителем его приговоров. По решению схода могли избираться также помощники

Александров Н.М. Сельские старосты в пореформенной России
(права, обязанности, место в социуме)

старосты – сборщик податей, сельский писарь, полевые и лесные сторожа, смотрители хлебных магазинов, училищ, больниц и богаделен.

В «Общем положении» права и обязанности сельского старосты прописаны достаточно подробно. Для облегчения изучения сельской администрацией юридических норм, в связи с тем, что «Общее положение» представляло довольно объемный документ, тираж которого к тому же был ограничен, а также из-за того, что в законодательство о сельском самоуправлении после 1861 г. вносились изменения, был издан ряд специальных пособий (Книжка для волостных старшин и сельских старост, 1874; Волчков, 1880; Масальский, 1883). Однако самостоятельно пользоваться этими изданиями, по причине слабой распространенности грамотности среди сельского населения России, могла лишь часть выборных из крестьян. Так, в начале 80-х гг. XIX столетия даже в Ярославской губернии, которая из-за сильно развитого отхода крестьян в столицы была одной из самых «образованных» районов страны, сельские старосты, владевшие грамотой, составляли 72,8%. В Воронежской губернии, где сельское население было менее мобильно, таких оказалось только 5% (Статистические материалы, 1886, табл. 16, с. 43).

Согласно законодательству, кандидат в старосты должен был отвечать ряду критериев. Эту должность не могли занимать: «1) лица моложе 25-ти лет, 2) люди, телесно наказанные по суду или оставленные судом в подозрении, а также состоящие под судом и следствием и заведомо развратного поведения» (Общее положение, ст. 114). Интересен тот факт, что человек, приговоренный волостным судом к аресту, имел возможность в дальнейшем занимать выборные должности, в то время как приговоренный к телесному наказанию такое право терял. Н.М. Астырев, некоторое время служивший волостным писарем, приводит случай, когда он возражал против желания волостных судей наказать розгами конфликтовавшего с отцом взрослого сына и предлагал подвергнуть его аресту, так как это не лишало последнего возможности в дальнейшем быть избранным старостой (Астырев, 1886, с. 205).

Староста выбирался на трехлетний срок (Общее положение, 1889, ст. 117). Избранный на эту должность, как и на другие выбор-

Александров Н.М. Сельские старосты в пореформенной России
(права, обязанности, место в социуме)

ные должности, крестьянин, не имел права от нее отказаться, за исключением следующих случаев: 1) если ему более шестидесяти лет, 2) если он уже прослужил по выбору полный срок и 3) если он одержим сильными телесными недугами. Сход имел право уволить старосту и по другим причинам, если считал их уважительными (Там же, ст. 119).

По закону староста должен был выполнять как общественные, так и полицейские функции. Общественный интерес представляли следующие виды его деятельности: созыв, роспуск сельского схода, определение рассматриваемых на нем вопросов, проведение в жизнь приговоров схода; наблюдение за сохранностью межевых знаков, дорог, мостов и прочих объектов на подведомственной территории; контроль за порядком в училищах, больницах и богадельнях, учрежденных за счет общины. Кроме того, в обязанности старосты вменялось заведывание мирским хозяйством и мирскими суммами, надзор за сохранностью и правильным распределением запасных общественных хлебов. Полицейские функции старосты состояли в охране «благочиния, порядка и безопасности лиц и имущества от преступных действий». Староста был обязан задерживать бродяг, дезертиров и передавать их полиции. В случае совершения преступления он должен был до прибытия полиции или судебного следователя провести предварительное расследование. В обязанности старосты входило принуждение жителей села к исполнению договоров, заключенных между собой, а также с помещиками и посторонними лицами. Одной из основных обязанностей старосты было наблюдение за своевременной оплатой крестьянами различных налогов и выполнение лежащих на них повинностей (Там же, ст. 58).

Согласно «Общему положению», староста должен был исполнять беспрекословно все законные требования мирового посредника, судебного следователя, земской полиции и всех установленных властей по предметам их ведомства (Там же, ст. 63). В случае ненадлежащего исполнения своих обязанностей, староста, по решению уездного мирового съезда, мог быть отстранен от занимаемой должности. Тем самым закон ставил сельских старост в сильную зависимость от местной администрации (Там же, ст. 122).

Александров Н.М. Сельские старосты в пореформенной России
(права, обязанности, место в социуме)

Староста имел право наказывать крестьян за совершенные ими проступки назначением их «на общественные работы до двух дней, или денежному, в пользу мирских сумм, взысканию до одного рубля, или аресту не более двух дней» (Там же, ст. 64).

Действия сельских старост могли обжаловаться крестьянами мировым посредникам, а после упразднения этой должности в 1874 г. – непременно членам уездных по крестьянским делам присутствий и в сами присутствия, а с 1889 г. – земским начальникам.

На особый статус крестьянина, избранного старостой, указывали имевшийся у него специальный знак из светлой бронзы, на лицевой стороне которого было изображение герба губернии и надпись «Сельский староста», а на оборотной стороне – вензелевое изображение имени императора и дата «19 февраля 1861 года» (Волчков, 1880, с. 65).

Старосте, как и другим служащим по выбору, сельское общество могло устанавливать жалованье (Общее положение, ст. 123). Кроме того, во время службы с него снималась обязанность выполнения натуральных повинностей и он освобождался от телесных наказаний (Там же, ст. 124).

Староста для крестьян, по мнению, Н.М. Астырева, хорошо знавшего систему крестьянского самоуправления, был «свой, мирской человек», от качества работы которого во многом зависела повседневная жизнь деревни (Астырев, 1886, с. 316). На большое значение для крестьянского общества личных качеств старосты указывал и корреспондент «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева из Пошехонского уезда Ярославской губернии. Он отмечал, что на сходе, где решались основные вопросы жизни села, «при хорошем и умном старосте сельском соблюдается порядок и правильное рассуждение о делах, но при плохом и не толковом старосте бывает много шума и беспорядок» (Русские крестьяне, 2006, т. 2, ч. 1, с. 551).

Власти, как и крестьяне, хотели видеть на посту старосты человека с жизненным опытом, уважаемого односельчанами. Занятие общественной должности было почетно в деревне. «Степень этого почета, – как отмечал современник, – сообразуется как с характером и значением отправляемой известным миром должности, так и с личными достоинствами человека, занимающего эту должность»

Александров Н.М. Сельские старосты в пореформенной России
(права, обязанности, место в социуме)

(Там же, с. 154). Однако крестьяне обычно не стремились быть избранными в старосты. Дело в том, что материальной заинтересованности выполнять многочисленные обязанности старосты у деревенского жителя, как правило, не было. Жалованье не компенсировало время и силы, потраченные на общественную работу в ущерб собственному хозяйству. По-видимому, предвидя это, законодатель и внес в положение о выборах запрет на отказ крестьянина без уважительных причин отказываться от должности. Наибольший ущерб бюджету семьи занятие выборной должности наносило в районах с развитым отходом крестьян на заработки. Так, средний годовой заработок отходника в Костромской губернии в начале 80-х гг. XIX в. составлял 46 руб. (Рындзюнский, 1966, с. 253), а среднее жалованье старосты составляло 34 руб. 79 коп. (Статистические материалы, 1886, табл. 3б, с. 108), т.е. меньше на 1/3. Во Владимирской губернии средний годовой заработок фабричного рабочего в этот период равнялся 121 руб. (Кириянов, 1979, с. 129), а жалованье старосты – всего 29 руб. 71 коп. (Статистические материалы, 1886, табл. 3б, с. 104), т.е. в 4 раза меньше.

Вот как описывает ситуацию при избрании старосты в Буйском уезде Костромской губернии корреспондент «Этнографического бюро»: «В сельские старосты избирается грамотный. Так как жалованье старосты ограниченное, не свыше 40 рублей в год, то желающих на эту ответственную должность не находится и выбор старосты крестьяне производят из "винных", это из таких семей, в которых благодаря счастливому жребию или браковке, кто-нибудь миновал рекрутской повинности» (Русские крестьяне, 2004, т. 1, с. 28). Н.М. Астырев рассказывает, как группа зажиточных крестьян Тамбовской губернии, конфликтовавших с одним из односельчан, в наказание за его неподчинение добилась избрания его на должность старосты. По их расчетам, исполнение обязанностей старосты мешало бы крестьянину заниматься столярным промыслом, благодаря которому кормилась его семья (Астырев, 1886, с. 96). Нередко представители богатой части крестьянства, для того, чтобы староста не мешал им быть фактическими хозяевами деревни, «проталкивали» на эту должность заведомо слабого управленца. В материалах «Этнографического бюро» приводится пример такого старосты из Даниловского уезда Ярослав-

Александров Н.М. Сельские старосты в пореформенной России
(права, обязанности, место в социуме)

ской губернии. «Этот староста – писал корреспондент бюро – не пользовался от своих однообщественников ни иотой уважения: его постоянно называли за глаза, а иногда и в глаза "Мишкой Белоглазovým". Причиной такого отношения было то обстоятельство, что староста был мужик небогатый и в тоже время любивший "выпить". На последнее он занимал деньги иногда у своих однообщественников, богатых мужиков, те давали ему их и в то же время глумились над ним» (Русские крестьяне, 2006, т. 2, ч. 2, с. 16).

В результате сложившейся ситуации при выборах в органы самоуправления, как отмечал в начале XX в. один из чиновников Черниговской губернии, «очень редки случаи, чтобы на должность старосты попал крестьянин солидный и добросовестный, действительно удовлетворяющий требований службы. Это и не удивительно: служебное и общественное положение слишком тяжело и незавидно. Не получая почти никакого вознаграждения или грошовое, которое не может иметь значения действительной платы за труд, он является ответственным за все неисправности и повинности общества. Все им помыкают – и урядник, и волостной старшина, и писарь, и становой пристав, и земский начальник (редкий случай, чтобы за время службы он не попал несколько раз под арест)» (Крестьянский правопорядок, 1904, с. 149).

Отстаивая интересы общества, старосте нередко приходилось вступать в конфликты как с односельчанами, так и с властью. В 1868 г. в Рязанской губернии волостной суд разбирает дело об избивании старосты Семена Васильева крестьянином Иваном Кирилловым. Староста, увидев, что последний начал проводить осеннюю вспашку земли, пытался помешать Кириллову потому, что сельское общество решило не обрабатывать землю до определенного срока и использовать ее для выпаса скота. В ответ на действия старосты Кириллов взял его «за шиворот и повалил и ударил раз до 5-ти» (Земцов, 2002, с. 94).

При сборе налогов и различного вида платежей староста часто оказывался в сложном положении. С одной стороны, он должен был выполнить указания властей и обеспечить поступление денег в бюджет, с другой стороны, он понимал, что у части крестьян в данный момент денег нет и даже принудительная распродажа части их

Александров Н.М. Сельские старосты в пореформенной России
(права, обязанности, место в социуме)

имущества не изменит ситуацию. При круговой поруке за появление недоимок у сельского общества следовало наказание старост в виде штрафов и арестов. Так, в 1891 г. в ходе борьбы с недоимками в Ярославской губернии были подвергнуты наказанию в виде штрафов 294 сельских старосты, а 248 – помещены под стражу (Статистический сборник, 1901, с. 64). Н.М. Астырев приводит случай, когда арестованные за недоимки общества старосты считались пострадавшими за «мир» и вознаграждались им в виде угощения за принятые страдания. Штрафы же в такой ситуации общество принимало на себя (Астырев, 1886, с. 148–150).

В ситуациях, когда староста в ущерб «миру», по выражению земского начальника, проявлял «энергию и распорядительность» и «энергично исполнял свои обязанности», крестьяне могли отомстить ему, совершив поджог его хозяйственных построек (Крестьянский правопорядок, 1904, с. 147).

Можно согласиться с мнением крестьян, которые метко определяли положение старосты, как «службу двум господам». Причем главным господином все же было крестьянское общество, а не власть (Там же, с. 151). Нахождение между этих двух центров часто с противоположными интересами вносило нестабильность в положение сельских старост. В связи с этим большинство, отслужив обязательные три года, в дальнейшем использовали свое право отказа от переизбрания на новый срок. Так, в Верхнем Поволжье (Владимирская, Костромская, Ярославская губернии) в начале 80-х гг. XIX в. только 10,8% из всех старост служили более трех лет (Статистические материалы, 1886, таб. 4, с. 36, 44, 68), а в целом по 34 губерниям России средний срок службы 85,1 тыс. старост составил 2,4 года (Миронов, 1999, с. 464).

Итак, из всего вышеизложенного следует, что планы разработчиков реформы 1861 г. не оправдались. Полная подконтрольность действий старост местной властью, слабый качественный состав и частая сменяемость этих должностных лиц привели к тому, что сельский староста не смог стать одной из основных фигур в системе крестьянского самоуправления, опираясь на которую она могла бы успешно развиваться.

Александров Н.М. Сельские старосты в пореформенной России
(права, обязанности, место в социуме)

В то же время из-за большой зависимости от «мира», нежелания портить отношения с ним из старосты не получился и эффективный проводник и оплот государственного «порядка» на селе.

Источники и литература

1. Астырев Н.М. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М.: тип. В.В. Исленьева, 1886. 299 с.
2. Волчков В. Руководство для крестьян: Сборник действующих узаконений, касающихся общественных их управлений и обязанностей сельских и волостных должностных лиц и нижних чинов уездной полиции / [соч.] В. Волčkова. М.: Тип. М.Н. Лаврова и К°, 1880. [2], IV, IV, 256 с.
3. Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе, 1861–1880 гг. М.: Наука, 1978. 287 с.
4. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Просвещение, 1968. 368 с.
5. Захарова Л.Г. Крестьянство России в буржуазных реформах 60-х гг. XIX в. // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России: Сб. ст. / АН СССР, Отд-ние истории, Ин-т истории СССР, Воронеж. гос. ун-т им. Ленинского комсомола; Редкол.: В.Т. Пашуто (отв. ред.) и др. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1983. С. 194–207.
6. Земцов Л.И. Волостной суд в России 60-х – первой половины 70-х годов XIX века: (По материалам Центрального Черноземья). Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. 447, [1] с.
7. Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1979. 287 с.
8. Книжка для волостных старшин и сельских старост: о хозяйственном управлении крестьян / сост. Вл. Фармаковский. Вятка: Печатня А.А. Красовского, 1874. 29 с.
9. Краснова В.Б. Положение 19 февраля 1861 г. и образование крестьянского самоуправления // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1989. № 1. С. 67–77.
10. Крестьянский правопорядок. (Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России) / Сост. А.А. Риттих. СПб.: тип. В.Ф. Киришбаума, 1904. [6], 447 с.
11. Масальский В.К. Сельский сход и сельские должностные лица. (Права и обязанности). Минск: Типо-Литография Б. И. Соломонова, 1883. 167 с.

Александров Н.М. Сельские старосты в пореформенной России
(права, обязанности, место в социуме)

12. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 548 с.

13. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 7. Документы крестьянской реформы / отв. ред. О.И. Чистяков. М.: Юрид. лит, 1989. С. 37–77.

14. Рындынский П.Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России. (60–80-е гг. XIX в.). М.: Наука, 1966. 261 с.

15. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева / авт.-сост.: Мадлевская Е.Л., Шангина И.И. Т. 1: Костромская и Тверская губернии. СПб.: Деловая полиграфия, 2004. 567 с.

16. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 2: Ярославская губерния. Ч. 1: Пошехонский уезд / авт.-сост.: И.И. Шангина и др. СПб., 2006. 607 с.

17. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 2: Ярославская губерния. Ч. 2: Даниловский, Любимский, Романово-Борисоглебский, Ростовский и Ярославские уезды / авт.-сост.: В.Г. Холодная и др. СПб., 2006. 551 с.

18. Статистические материалы по волостному и сельскому управлению тридцати четырех губерний, в коих введены земские установления: Свод данных, доставл. по циркуляру М-ва вн. дел от 17 янв. 1880 г. за № 4 / сост. в Канцелярии Особой комис. для сост. проектов мест. упр. СПб., 1886. 754 с.

19. Статистический сборник по Ярославской губернии / Стат. отд-ние Ярославск. губ. земск. управы. Вып. 8: Историко-статистические таблицы по Ярославской губернии за 1862 – 1898 гг. Ярославль: [Б.м.: Б.и.], 1901. [2], IV, 87 с.

Информация об авторе

Александров Николай Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (г. Ярославль); e-mail: dreem10@mail.ru

Aleksandrov Nikolay M. – Candidate of Historical Sciences, Senior lecturer, P.G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl).

Аграрные преобразования большевиков и изменения в характере землепользования в первые годы советской власти: региональные особенности

Революция 1917 г. в корне изменила характер мирового исторического процесса. Пришедшие к власти большевики провели в крупнейшей стране мира невероятный экономический эксперимент, создали новую экономическую систему, названную ими социалистической, и новый тип государства, соответствующего этой экономической системе, – первое в мире социалистическое государство. Суть новой системы управления национальной экономикой заключалась в ликвидации института частной собственности как такового. В аграрной стране, каковой являлась Россия в первой половине XX в., реформирование системы землевладения и землепользования имело первостепенное значение. Предпринятые советским правительством аграрные преобразования были направлены на решительную ломку традиционного хозяйственного уклада в российской деревне, постепенную замену частной собственности на землю коллективной, общественной, а индивидуально-семейного труда – общественным. При этом советские коллективные хозяйства по своему социально-экономическому содержанию, институциональной и управленческой организации отличались от коллективных форм ведения хозяйства, функционировавших в аграрном секторе дореволюционной России. Распространение социалистической системы организации сельскохозяйственного производства проходило трудно. В то же время она дала определенные позитивные результаты. В статье рассматриваются ход и особенности обобществления сельского хозяйства в регионе Казанского Поволжья.

Ключевые слова: сельское хозяйство, коллективизация, землепользование и землевладение, крестьянское хозяйство, частная собственность, совхозы.

Гатина Ф.Ф., Гибадуллин М.З., Нуриева А.Р. Аграрные преобразования большевиков и изменения в характере землепользования...

F.F. Gatina, M.Z. Gibadullin, A.R. Nurieva

Agrarian transformations of the Bolsheviks and changes in the nature of land-use in the early years of Soviet power: regional features

The revolution of 1917 fundamentally changed the nature of the world historical process. The Bolsheviks who came to power, conducted an incredible economic experiment in the largest country in the world, created a new economic system, which they called socialist, and a new type of state corresponding to this economic system — the world's first socialist state. The essence of the new system of managing the national economy was to eliminate the institution of private property, as such. In an agrarian country, which was Russia in the first half of the 20th century, reforming the system of land tenure and land use was of paramount importance. The agrarian transformations undertaken by the Soviet government were aimed at decisively breaking down the traditional economic structure in the Russian countryside, the gradual replacement of private ownership of land by collective, public, and individual-family labor-public by collective. At the same time, Soviet collective farms in their socio-economic content, institutional and management organization differed from the collective forms of farming that functioned in the agricultural sector of pre-revolutionary Russia. The spread of the socialist system of organizing agricultural production was difficult. At the same time, it gave certain positive results. The article discusses the course and features of the socialization of agriculture in the Kazan Volga region.

Keywords: agriculture, collectivization, land-use and land ownership, peasant farming, private property, state farms.

Уже в первые годы своего существования советская власть приступила к коренному переустройству системы земельных отношений. 27 октября 1917 г. Всероссийский Съезд Советов принял «Декрет о земле», отменивший в стране само понятие частной собственности на земельные ресурсы. Все частновладельческие земли, в том числе крестьянских и сельских обществ, переводились в юридически неопределенный разряд «всемирного достояния». Вместо понятия «собственность» вводились понятия «владение» и «пользование», причем декларировалось право пользования землей гражданами Российского государства при условии физической возможности собственными силами или силами домочадцев обра-

батывать полученный земельный надел. Таким образом, создавались правовые основания для невозможности применения наемного труда в сельском хозяйстве. Земли лесного и водного фонда переходили в собственность государственных органов управления.

Право распоряжения земельным фондом сельскохозяйственного назначения передавалось в компетенцию местной, региональной и федеральной власти.

Декретом предусматривалась возможность существования различных форм землепользования: надворная, общинно-хуторская, артельная, на усмотрение самих поселян. Однако органы государственной власти отдавали предпочтение коллективным формам организации сельскохозяйственного производства перед индивидуальными (Декрет ВЦИК, 1920, с.115–124).

В более поздних документах Советской власти, касающихся аграрных реформ, устанавливалась уже более четкая иерархия форм землепользования. Наиболее предпочтительными для социалистического государства считались советские хозяйства и трудовые коммуны. Далее следовали трудовые артели и товарищества. И, наконец, единоличные землепользователи.

Все категории земель выводились из рыночного оборота. Сделки по купле-продаже, аренде земельных участков прекращались. Вместо рыночных механизмов регулирования земельных отношений вводился административно-распорядительный. Теперь земельный фонд подвергался периодическому переделу и перераспределению между трудящимися.

«Декрет о земле» не оставил без внимания и попытался решить такую проблему российской деревни, как малоземелье крестьянских хозяйств, правда, эта проблема решалась также административным методом. В местностях, где наблюдался избыток трудовых ресурсов, несоответствие рабочей силы количеству земли, по отношению к запасам земельного фонда, избыток населения подлежал переселению (Декрет о земле, т.1, 1957, с.17–20).

Большевистская модель переустройства земельных отношений и землепользования в сельском хозяйстве была не единственной, предложенной теоретиками и практиками отечественной экономической науки в первой трети XX века. Альтернативный подход к

организации сельскохозяйственного производства предложил, например, выдающийся российский ученый-аграрник А.В. Чаянов. В своих трудах «Организация крестьянского хозяйства» (1925 г.), «Краткий курс кооперации» (1925 г.), «Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации» (1927 г.) он обосновал возможность существования, в условиях России, эффективного, с точки зрения самообеспеченности, индивидуального, семейно-трудового крестьянского хозяйства, задачей которого «...является доставление средств существования хозяйствующей семье путем наиболее полного использования имеющихся в ее распоряжении средств производства и рабочей силы» (Чаянов, 1989, с. 62). При этом А.В. Чаянов отнюдь не идеализировал такую форму организации труда в аграрном секторе экономики. Он отчетливо понимал ее ограниченность, препятствовавшую росту производства сельскохозяйственной продукции в масштабах всей национальной экономики. «Крестьянские хозяйства, владеющие значительными наделами и, следовательно, имеющие возможности использовать всю рабочую силу семьи при оптимальном уровне интенсивности сельскохозяйственных работ, не нуждаются в аренде или покупке земли с целью ее производственного использования, и любая затрата в этом направлении представляется крестьянину нерациональной, ибо она не способствует улучшению материального благополучия семьи и ведет лишь к расходованию средств», – отмечал ученый (Чаянов, 1989, с. 123).

Но выход он видел не в ограничении и ликвидации индивидуального сельхозпроизводителя, а в его добровольной, поэтапной кооперации.

К советской модели обобществления сельскохозяйственного производства ученый относился скептически. Судьба А.В. Чаянова сложилась трагически. Он был необоснованно репрессирован и расстрелян в 1937 г., а коллективизация сельского хозяйства в СССР пошла по жесткому административно-принудительному пути. Но это произойдет несколько позже. Пока же, в начале 20-х годов советская власть использовала инструменты «мягкой силы» для насаждения удобных ей форм организации производства в сельском хозяйстве.

Гатина Ф.Ф., Гибадуллин М.З., Нуриева А.Р. Аграрные преобразования большевиков и изменения в характере землепользования...

Но, несмотря на попытки повсеместно распространить общественные формы землевладения и землепользования, первый опыт построения социалистической модели управления сельским хозяйством оказался не вполне удачным. К 1919 г., в тогда еще Казанской губернии, было зарегистрировано лишь 35 совхозов, в распоряжении которых имелось 9,5 тыс. десятин удобной земли. По РСФСР эти показатели составляли соответственно 2020 ед. и 252,6 тыс. десятин земли. Таким образом, обеспеченность земельными ресурсами совхозов края была на порядок выше, чем по России (273,4 десятины против 125 десятин). Объясняется это, прежде всего, тем, что за период Первой мировой и Гражданской войн в крае образовался значительный неиспользуемый земельный фонд. Посевная площадь за 1913–1920 гг. сократилась с 2,198 тыс. десятин до 1,724 тыс. десятин, то есть на 19 процентов (История Татарской АССР, 1960, с. 151).

В 1920 г. ситуация с колхозно-совхозным строительством изменилась. За год число совхозов в крае возросло на 54% (до 54 единиц), а по РСФСР на 52% (до 3074 единиц). Но обеспеченность земельными ресурсами по региону снизилась до 264,5 десятин на один совхоз, в то время как по РСФСР ситуация с землеобеспеченностью советских хозяйств намного улучшилась: средний размер земельной площади, имевшейся в распоряжении совхозов, возрос до 278,6 десятин.

Вместе с тем совхозы, как, впрочем, и другие общественные формы сельскохозяйственного производства, не пользовались у сельского населения сколько-нибудь широкой поддержкой. В совхозное строительство было вовлечено по региону чуть более 4,2 тыс. человек, а по РСФСР – 159,5 тыс. человек. По сравнению с миллионной армией крестьянства это, конечно же, очень незначительное количество людей (см. табл. 1).

В первые годы социалистического строительства существовала реальная возможность множественности альтернатив по организации землеустройства в сельском хозяйстве. Поэтому структура социалистического землепользования, сложившаяся к 1920 г. в регионе Казанского Поволжья, заметно отличалась от той картины, которая наблюдалась по РСФСР (см. табл. 2). Если по России сельское

Гатина Ф.Ф., Гибадуллин М.З., Нуриева А.Р. Аграрные преобразования
большевиков и изменения в характере землепользования...

население склонялось к объединению в трудовые артели, доля которых существенно превышала все прочие формы социалистического землепользования (62,5%), то в Казанском Поволжье, при некотором преобладании совхозов (44,6%), тем не менее ни одна из форм обобществления сельскохозяйственного труда не получила ярко выраженного предпочтения (см. табл. 2).

Таблица 1
Социализация форм земельных отношений в первые годы
Советской власти (региональный и общенациональный разрез)

	1919	1920
Казанская губерния / ТАССР		
Число совхозов (ед.)	35	54
В 1920 г. к уровню 1919 г. (в%)	100,0	154,2
Земли (десятин)	9570	14284
В 1920 г. к уровню 1919 г. (в%)	100,0	149,3
Десятин на один совхоз	273,4	264,5
Едоков в них (чел.)	Св. нет	4224
Число коммун (ед.)	Св. нет	25
Число трудовых артелей (ед.)	Св. нет	42
РСФСР ¹		
Число совхозов	2020	3074
В 1920 г. к уровню 1919 г. (в%)	100,0	152,1
Земли (десятин)	252672	856657
В 1920 г. к уровню 1919 г. (в%)	100,0	339,0
Десятин на один совхоз	125,0	278,6
Едоков в них	Св. нет	159509
Число коммун	1448	1892
Число трудовых артелей	3562	8287

Составлено по: Статистический ежегодник. 1918–1920 гг., вып. 2, т. VIII, вып. 2, с. 111 (табл. III).

¹ По РСФСР 41 регион черноземной и нечерноземной полосы.

Гатина Ф.Ф., Гибадуллин М.З., Нуриева А.Р. Аграрные преобразования большевиков и изменения в характере землепользования...

Таблица 2

Структура социалистического землевладения в 1920 г.

[Форма социалистического землепользования]	ТАССР		РСФСР (41 регион)	
	Ед.	В %	Ед.	В %
Число совхозов	54	44,6	3070	23,2
Число коммун	25	20,7	1892	14,3
Число трудовых артелей	42	34,7	8287	62,5
Итого	121	100	13249	100

Составлено по: Статистический ежегодник. 1918–1920 гг., вып. 2, т. VIII, вып. 2, 1922, с. 111 (табл. III), с. 112–113 (табл. IV).

Следует напомнить, что все три институциональные формы обобществления сельскохозяйственного производства отличались друг от друга по степени контроля над средствами производства. Артели и коммуны относились к добровольным формам объединения трудового крестьянства, то есть являлись разновидностями колхозов. При создании коммун обобществлению подлежали все средства производства. При артельной форме коллективного хозяйства обобществлялись только полевые земли и основной инвентарь. Мелкий инвентарь, домашняя птица, мелкий рогатый скот оставались в собственности крестьян. Артельщики также сохраняли право на владение приусадебным участком.

В отличие от колхозов, совхозы представляли собой крупные государственные сельскохозяйственные предприятия, созданные на основе конфискованных помещичьих земель. Крестьяне в этом случае являлись наемными рабочими государства.

Советская власть пыталась укрепить социалистические элементы в сельском хозяйстве не только призывами, агитацией и пропагандой. Совхозы, например, получали от социалистического государства немалую финансовую поддержку. Объемы ассигнований росли из года в год. Как видно из таблицы 3, только за один 1920 г. общий объем финансовой помощи совхозам увеличился (по РСФСР) более чем в 10 раз. Финансирование совхозного строительства в ТАССР было скромнее. Но и здесь за год оно увеличилось более чем в 7 раз. Любопытно отметить, что в 1919 г. финансовое обеспечение

Гатина Ф.Ф., Гибадуллин М.З., Нуриева А.Р. Аграрные преобразования
большевиков и изменения в характере землепользования...

совхозов Татарии было более щедрым. Если по РСФСР в среднем на один совхоз выделялось 414 руб. ассигнований, то по Татарской Республике почти в два раза больше (802,8 руб.).

Таблица 3

Финансирование совхозного строительства в 1920 г.

	1919	1920
Казанская губерния / ТАССР		
Объем финансирования (тыс. руб.)	28100	214224
В 1920 г. к уровню 1919 г. (в %)	100	762,3
В среднем на один совхоз (тыс. руб.)	802,8	3967,1
РСФСР (41 регион)		
Объем финансирования (тыс. руб.)	836623	8531082
В 1920 г. к уровню 1919 г. (в %)	100	1019,7
В среднем на один совхоз (тыс. руб.)	414,1	2775,2

Составлено по: Статистический ежегодник. 1918–1920 гг., вып. 2, т. VIII, вып. 2, 1922, с. 111 (табл. III).

Предпринятая большевистским правительством, в первые годы нахождения у власти, попытка социализации аграрных отношений в стране не достигла поставленной цели.

Более успешными оказались мероприятия большевиков в реализации заявленной ими другой программной цели – ликвидации классово-имущественной дифференциации в деревне. Помещичье-церковные латифундии были ликвидированы сразу после революции. Сложнее обстояло дело с крестьянством, также весьма неоднородным по своему составу. Среди крестьянского населения имелись, хотя и в небольшом количестве, крупные собственники, в руках которых находилось по нескольку десятков десятин земли. Например, согласно данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., в 25 губерниях Центральной России 85 крестьянских хозяйств имело в своем распоряжении 50 и более десятин земли (Экономическое расслоение крестьянства, 1922, с. 8).

Данные, полученные в результате сельскохозяйственных переписей 1917, 1919, 1920 и 1922 годов позволяют раскрыть особен-

Гатина Ф.Ф., Гибадуллин М.З., Нуриева А.Р. Аграрные преобразования большевиков и изменения в характере землепользования...

ности аграрной политики советской власти в части перераспределения фонда земель сельскохозяйственного назначения (см. табл. 4).

Во-первых, из представленной таблицы видно, что органы государственного управления Советской России в определенной степени продвинулись в направлении решения главной проблемы российского крестьянства всего пореформенного периода – безземелья. Число крестьянских хозяйств, не имевших посевого клена, сократилось как в регионе Казанского Поволжья (с 11 до 4%), так и на общенациональном уровне (с 11 до 6%).

Во-вторых, за пятилетие произошло увеличение доли крестьянских хозяйств, в распоряжении которых имелись посевные площади от 1 до 4 десятин земли: в 1917 г. эта категория землепользователей, составлявшая по Казанской губернии и без того значительную величину (54%), к 1922 г. возросла до абсолютной – около 91%. По РСФСР наблюдалась схожая динамика: в 1917 г. крестьянские хозяйства с наделом от 1 до 4 десятин земли преобладали (54,5%), а к 1922 г. они уже доминировали (около 80%).

Иная картина вырисовывается в отношении двух следующих категорий крестьянских хозяйств – с земельным наделом от 4,1 до 6 десятин земли и свыше 6 десятин земли: по Казанскому Поволжью их удельный вес сократился с 34,5 до 5%, а по РСФСР 31 до 13,6%.

Таким образом, уже в первое пятилетие советской власти произошло существенное перераспределение земельного сельскохозяйственного фонда. Земельные ресурсы сконцентрировались в руках мелких пользователей (от 1 до 4 десятин). Сколько-нибудь мало-мальски крупные частные землепользователи последовательно выдавливались из системы аграрных отношений.

Следует сказать, что такого рода политика землеобеспечения в принципе не решала проблему самодостаточности крестьянского хозяйства и тем более его возможности по расширению производства. Сошлемся на мнение выдающегося отечественного экономиста Н.Д. Кондратьев, который еще в 1917 г. писал: «Первое зло наших земельных порядков – крестьянское малоземелье. Когда крестьян освобождали от крепостной неволи, их освободили в сущности малоземельными. Крестьяне не получили даже той земли,

Гатина Ф.Ф., Гибадуллин М.З., Нуриева А.Р. Аграрные преобразования большевиков и изменения в характере землепользования...

которой пользовались при помещиках. Приблизительно 1/5 этой земли у них отрезали в пользу помещиков. В общем, на одну ревизскую душу при падении крепостного права дали наделной земли несколько больше 4,5 дес.» (Кондратьев).

Таблица 4

Изменение доли отдельных категорий крестьянских хозяйств в 1917–1922 гг. по обеспеченности землей (в %)

Категории крестьянских хозяйств	Казанская губерния /ТАССР/				25 губерний Центральной России			
	1917	1919	1920	1922	1917	1919	1920	1922
Число хозяйств без посева	11,4	3,7	3,1	4,6	11,5	6,5	8,1	6,7
С посевом до 1 десятины	5,2	9,4	6,4	36,6	10,3	17,7	16,6	24,0
От 1,1 до 4 десятин	48,8	60,6	62,0	54,1	47,2	54,1	51,3	55,7
От 4,1 до 6 десятин	17,2	16,9	20,4	3,8	14,6	12,2	12,8	8,8
Более 6 десятин	17,3	9,4	8,1	0,9	16,4	9,5	11,4	4,8
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

Составлено по: Экономическое расслоение крестьянства в 1917–1919, т. VI, вып. 3, 1922, с. 8–10, 18–20; Статистический ежегодник 1922–1923, вып. 1, т. VIII, вып. 5, 1924, с. 174–175; Сборник статистических сведений по Союзу ССР 1918–1923 гг., т. XVIII, 1924, с. 116–119.

Малоземелье усугублялось недостаточной обеспеченностью крестьянского хозяйства рабочим и продуктивным скотом. Как видно из таблицы 4, за пять лет советской власти, удельный вес категории крестьянских хозяйств без рабочего скота, по Казанскому Поволжью возрос с 33 до 59%, а по РСФСР с 28 до 37%. Удельный вес всех категории крестьянских хозяйств, имевших рабочий скот,

Гатина Ф.Ф., Гибадуллин М.З., Нуриева А.Р. Аграрные преобразования большевиков и изменения в характере землепользования...

по Казанскому Поволжью сократился, причем доля зажиточного крестьянства (с тремя и более головами рабочего скота) стремилась к нулю. Аналогичные тенденции имели место и по РСФСР.

Одновременно произошло повсеместное увеличение доли безкоровных хозяйств: по региону Казанского Поволжья с 30 до 44%, а по Российской Республике с 28-и до 37%. Доля категорий хозяйств с одной и более коровами также сократилась (см. табл. 5).

Таблица 5

Изменение доли отдельных категорий крестьянских хозяйств в 1917–1922 гг. по обеспеченности рабочего и продуктивного скота (в %)

Категории крестьянских хозяйств	Казанская губерния /ТАССР				25 губерний Центральной России			
	1917	1919	1920	1922	1917	1919	1920	1922
Без рабочего скота	33,4	26,6	30,1	59,0	28,7	25,1	27,0	37,1
С 1 головой рабочего скота	48,3	65,6	63,1	39,0	47,6	60,1	52,1	50,0
С 2 головами рабочего скота	15,4	7,4	6,4	1,9	17,6	12,3	13,9	9,9
С 3 и более головами рабочего скота	2,9	0,4	0,4	0,1	6,1	2,5	7,0	3,0
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100
Без коров	30,6	24,7	23,6	44,8	18,2	15,9	16,3	23,5
С 1 коровой	62,8	72,0	73,2	53,2	56,7	60,9	60,2	59,3
С 2 коровами	5,9	3,2	3,2	1,6	18,9	18,7	17,8	14,3
С 3 коровами	0,7	0,1	0,0	0,4	6,2	4,5	5,7	2,9
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

Составлено по: Экономическое расслоение крестьянства в 1917–1919, 1922, с. 8–10, 18–20; Статистический ежегодник 1922–1923, вып. I, т. VIII, вып. 5, 1924, с. 174–175; Сборник статистических сведений по Союзу ССР 1918–1923 гг., т. XVIII, 1924, с. 116–119.

Гатина Ф.Ф., Гибадуллин М.З., Нуриева А.Р. Аграрные преобразования большевиков и изменения в характере землепользования...

Таким образом, данные, представленные в таблице 5, позволяют сделать вывод о произошедшей в первое пятилетие большевистского правления пролетаризации крестьянского хозяйства, которое на региональном уровне шло более быстрыми темпами. Разумеется, сокращение производительных сил российской деревни, в первые годы советской власти, нельзя всецело относить на счет аграрной политики, проводившейся большевистским правительством. Огромные потери понесло народное хозяйство в ходе Гражданской войны, изъявшей из производительного фонда не только материальные, но и людские ресурсы.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в первые годы советской власти существовали реальные возможности вариативности путей развития аграрных отношений в советской деревне. Для этого имелись как идейно-теоретические, так и организационно-административные предпосылки. Но эта альтернатива, в силу известных обстоятельств, не была использована. Советская деревня пошла по «чистой социалистической» модели развития, без частной собственности на землю, без самостоятельного сельхозпроизводителя.

Источники и литература

1. Декрет ВЦИК «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. Систематический сборник важнейших декретов. 1917–1920. М., 1920. С. 115–124.
2. Декрет о земле съезда Советов рабочих и солдатских депутатов // Декреты Советской власти. Т.1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Гос. Изд-во политической лит-ры, 1957. С.17–20.
3. История Татарской АССР. 2 т. Т.2: От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Казань: Таткнигоиздат, 1960. 584 с.
4. Кондратьев Н.Д. Аграрный вопрос: о земле и земельных порядках [Электронный ресурс]. URL: http://land-question.narod.ru/rus/kondr_1.html (дата обращения: 30.09.19).
5. Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923: За пять лет работы Центр. стат. упр. / Труды ЦСУ. Т. XVIII. М.: [Б. и.], 1924. XVI, 481 с.

Гатина Ф.Ф., Гибадуллин М.З., Нуриева А.Р. Аграрные преобразования большевиков и изменения в характере землепользования...

6. Статистический ежегодник. 1918–1920 гг. Вып. 2. С присоединением сведений за 1921 г. по промышленности и внешней торговле / Труды ЦСУ. Т. VIII. Вып. 2. М.: [Б. и.], 1922. 383 с.

7. Статистический ежегодник. 1922 и 1923 г. Вып. 1 / Труды ЦСУ. Т. VIII. Вып. 5. М.: [Б. и.], 1924. 355, II с.

8. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные произведения. М.: изд-во «Экономика», 1989. 492 с.

9. Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 г. / Труды ЦСУ. Отдел сельскохозяйственных переписей. Т. VI. Вып. 3. М.: [Б. и.], 14 типография МСНХ "Мосполиграф", 1922. [24] 183 с.

Информация об авторах

Гатина Фарида Фаргатовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и информационных технологий, Казанский государственный аграрный университет (г. Казань); e-mail: statiskazgau@mail.ru

Гибадуллин Марат Зуфарович – кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений, Институт международных отношений Казанского федерального университета (г. Казань); e-mail: n.g.789@mail.ru

Нуриева Айгуль Рустамовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений, Институт международных отношений Казанского федерального университета (г. Казань); e-mail: n.g.789@mail.ru

Gatina Farida F. – Candidate of Economic Sciences, Associate professor of the Department of Economics and Information Technology of Kazan State Agrarian University (Kazan).

Gibadullin Marat Z. – Candidate of Economic Sciences, Associate professor of the Department of International Economic Relations, Institute of International Relations, Kazan Federal University (Kazan).

Nurieva Aigul R. – Candidate of Economic Sciences, Associate professor of the Department of International Economic Relations, Institute of International Relations, Kazan Federal University (Kazan).

Обычное право в историко-правовом контексте развития народов Пермского края

Обычное право народов Пермского края стало основой для формирования особого территориального, социокультурного поля, которое способствовало сохранению уникального быта, уклада, ментальных и этнических особенностей. До начала XX века обычное право являлось источником правового обеспечения деревни. В пореформенный период еще существовал крестьянский обычный суд, который рассматривал дела согласно обычному праву. Это вполне объяснимо как с исторической точки зрения, в связи с традициями обыденной крестьянской жизни народов Пермского края на протяжении столетий, так и с социально-психологической стороны, выражающейся в недоверии официальному праву. В юридической сфере обращение к «обычному праву» объяснялось стремлением решить «вопрос» быстро, дешево и, что главное, «по правде». Очевидно и понимание государством не только факта существования, но и признание значения обычного права, сельской неформальной юстиции.

Ключевые слова: право, обычай, община, табу, пас, архетип, родовой знак.

I.Z. Gaffarov

Customary law in the historical and legal context of the development of Perm region peoples

The customary law of Perm peoples has become the basis for the formation of a special territorial, sociocultural field, which contributed to the preservation of a unique way of life, mental and ethnic features. Until the beginning of the 20th century, customary law was the origin of legal support for the village. During the post-reform period of the 19th century, there was still a peasant customary court, which adjudicated cases according to customary law. This is understandable from a historical point of view, in the connection with the traditions of everyday peasant life of the Perm region peoples over the centuries, and from

Гаффаров И.З. Обычное право в историко-правовом контексте развития народов Пермского края

the socio-psychological point of view, expressed in distrust of official law. In the legal sphere, the appeal to “customary law” was explained by the desire to resolve the “issue” quickly, cheaply and, most importantly, “in truth”. Obviously, the state understood of not only the fact of existence, but also recognized of the importance of customary law, rural informal justice.

Keywords: law, custom, community, taboo, pass, archetype, patrimonial sign.

Важнейшей составляющей народов России было наличие обычного права, способствовавшего сохранению их уникального жизненного уклада и этнических особенностей, обусловленных территориальными и социокультурными факторами. Народы Пермского края в силу этих факторов, как и другие народы России, оказывались в особом самостоятельном правовом поле, что в итоге привело к формированию обычного права, выполнявшего роль своеобразного правового обеспечения, и сыграло исключительную роль в жизни крестьянской деревни вплоть до начала XX века.

В осмыслении категории «обычное право» существует два подхода. Первый подход понимает «обычное право» как совокупность поведенческих норм или обычаев. Д.Г. Грязнов трактует обычное право как «совокупность норм общественного происхождения, которые закреплены в коллективном и индивидуальном сознании социальной группы, применяются вследствие убежденности людей в обязательности их соблюдения и обеспечиваются применением мер общественного принуждения в отношении нарушителя данных норм», проводя таким образом разграничение между обычным правом, применявшимся в более ранние времена, и современным его толкованием (Грязнов, 2001, с. 23–25). В XIX веке в обычном праве видели «право сословное, в том смысле, что оно составляет исключительно достояние и продукт крестьянского быта», стойко сохраняющееся, изменение которого было возможно только под влиянием «общегосударственной народной жизни» (Плоцкая, 2016, с. 26). А.А. Плеханов считает обычное право совокупностью неписаных норм и правил поведения, «санкционированных государственной властью» (Там же, с. 11).

Гаффаров И.З. Обычное право в историко-правовом контексте развития народов Пермского края

Вторая группа ученых понимает рассматриваемую дефиницию, не как в виде совокупности правовых обычаев, а в качестве своеобразных регуляторов. Так, В.В. Наумкина считает: «Включение земских судов в систему традиционного судопроизводства в качестве третьего уровня судов “словесной расправы” было направлено на создание единой судебной системы. Данная мера не обеспечивала контроль деятельности традиционных органов. Родовые судебные органы фактически сохранили свою самостоятельность» (Наумкина, 2010, с. 16). По мнению А.В. Дашина, роль и значение «обычного права» возросли после освобождения крестьян от крепостной зависимости, и появилась «потребность в нормах, способных регулировать общественные отношения с их участием» (Дашин, 2006, с. 86).

Можно лишь отметить, что у всех вышеперечисленных авторов прослеживается идея общественного происхождения элементов обычного права, что в конечном счете отражает уровень развития самого общества.

Обычное право народов Пермского края закрепляло, упорядочивало складывавшиеся веками общественные отношения, способствуя тем самым их дальнейшему развитию. Так, существовавшая система запретов предписывала женщине определенную линию поведения, в частности, во взаимоотношениях со старшими родственниками. П.С. Паллас в своей работе, посвященной исследованию различных провинций Российского государства, упоминает о существовании подобных табу у вотяков, раскрывая поведенческую модель замужней женщины по отношению к старшим родственникам-мужчинам и посторонним людям, зашедшим в гости. Замужней женщине предписывалось появляться перед ними только в закрытой одежде и обязательно в головном уборе (айшуне): «Никакая замужняя женщина не показывается без помянутого убора перед чужими, и когда приезжие к ночи в дом к Вотяку приходят, то женщины во всем своем головном уборе спать ложатся, и во всех работах и движениях не токмо не теряют онаго, но стараются и не покривить его. Только вдовы и самая престарелыя освобождаются от сего бремени, и обвязывают свою голову лоскутом сукна, которой с вышитым углом висит по спине» (Плоцкая, 2016, с. 55–56).

Гаффаров И.З. Обычное право в историко-правовом контексте развития народов Пермского края

Существовали табу и в сфере межличностных отношений между мужем и женой. Например, у охотников-зырян, собиравшихся на промысел, был запрет на интимные отношения, в том числе и с женой. В противном случае они якобы теряли свои профессиональные навыки. А на артельной охоте запрещалось само произношение слова «женщина», при необходимости его заменяли эвфемизмом «тшотшыд» (обрубленная). Кроме того, «охотники, отправляясь на промысел, никоим образом не должны упоминать имя зверя; рыбаки никогда не называют никакую рыбу, при сборе ягод и плодов деревьев не говорят об этом» (Там же, с. 56).

Воспитательная функция обычного права проходила в семье, во время детских игр и общения со старшими. Формирование и закладывание морально-нравственных устоев, таким образом, шло с детских лет. При этом вырабатывалось уважительное, бережное отношение к веками существовавшим обычно-правовым нормам, тем самым закладывалась основа для повышения правовой культуры. Синкретизм правовых и мифологических норм позволял людям сверять свое поведение с образами героев сказок, наделенных сверхъестественной силой.

Отношения собственности у народов Пермского края закреплялись в обычном праве в виде пожизненного (наследуемого) владения или по принципу трудового пользования. По мнению М.А. Большакова, изначально института права собственности на землю у коми-зырян не было, но равное право каждого занимать свободный участок земли существовало (Большаков, 1906, с. 167–188). Поведение субъектов также регламентировалось обычным правом, что предотвращало кражи и иные противоправные действия.

Обычное право также консолидировало внутренний социокультурный мир народов Пермского края, что способствовало сохранению наиболее важных морально-нравственных, этических, идеологических, социальных, правовых ценностей. При этом шел интенсивный обмен идеями, представлениями, интересами, чувствами для понимания их членами общины. Само поведение членов общины регулировалось веками наработанными правилами поведения. Так, у удмуртов был правовой обычай закрепления за женихом нескольких невест – «свестей» (Гришкина, 2010, с. 32–41).

Гаффаров И.З. Обычное право в историко-правовом контексте развития народов Пермского края

Общественные отношения регулировались обычными социально-правовыми нормами (табу, обычно-правовая ответственность и т.д.). Запреты (табу) угрожали санкциями не столько со стороны общинных органов, а сверхъестественных сил («духов»), которые являлись оберегами. Все это определяло уровень развития общества и основные принципы, присущие обычному праву.

Угроза наложения различных санкций побуждала индивида воздержаться от совершения проступка. При этом наказание за один проступок могло назначаться несколькими взаимообусловленными нормами, не имевшими четкой дифференциации. Например, охотник на промысле придерживался религиозных, магических норм. Понятие «табу» определялось комплексом положений обычного права и религиозных, магических норм, имевших определенный сакральный смысл, заключавшийся в страхе перед сверхъестественной (обожественной) силой.

Подобных примеров у народов Пермского края существовало множество в промысловом праве: запрещалось рубить лишнее дерево, неуважительно относиться к добыче и т.д. (Владыкин, 1994, с. 138).

Согласно обычному праву, обязательным являлось наличие семьи. Государство же было заинтересовано в увеличении тяглого населения и среди нерусского населения. Даже категория бобылей и захребетников переводилась на ясак (Димитриев, 1986, с. 258).

В целом нормы обычного права были направлены на соблюдение интересов индивида и всего общества. При этом последний является определяющим в судебной тяжбе, что характерно для патриархальных обществ. Кроме того, обычное право было лишено каких-либо казуистических форм предписаний, что исключало вынесение решений на основе аналогий. Это позволяет говорить о слабой систематизации и унификации норм обычного права. Судебные решения выносились, постулируя общими идеями справедливости, которые понимались и истолковывались по-разному. Принцип коллективного осуждения не позволял этого делать и тем самым обеспечивал выполнение правил поведения по отношению к ответчику. Это могло быть общественным осуждением и даже изгнанием за пределы общины. К сельским судам народ относился терпимо. Их

Гаффаров И.З. Обычное право в историко-правовом контексте развития народов Пермского края

функционирование воспринималось даже как необходимость, поскольку считалось, что они выполняют определенную задачу в среде крестьянского населения (Мельничук, 2007, с. 23). Все это вело к упорядочиванию общественных отношений путем определения границ должного и возможного поведения. Обычно-правовые нормы формируются внутри данного социума и отражают уровень его экономического состояния и правосознания, связанные с социокультурными, религиозными особенностями, которые и определяют запросы, потребности того или иного общества. В силу исторических коллизий обычное право подвергалось частичной ревизии или нередко под воздействием другой культуры забывалось, а в итоге утрачивалось. Это приводило к изменению, а порой к разрушению мировоззренческих и традиционных устоев, к обесцениванию нравственных ценностей. Разрушающаяся однородность, рвущиеся хозяйственные, личные связи приводили к разобщенности общества, снижению зависимости личности от коллектива. Совместный труд как форма поддержания единства снималась с повестки дня. В обществе терялось культурное и духовное единство, утрачивались важные социальные связи. В итоге сфера деятельности обычного права значительно сужалась. Несоблюдение обычно-правовых норм, их игнорирование неизбежно приводило к их отмиранию, а соответственно, разрушению традиционных устоев общества (Плоцкая, 2016, с. 62).

Таким образом, вследствие исторических, культурно-бытовых, социально-экономических, миграционных изменений была разрушена система обычного права на территории расселения народов Пермского края. Разрушение их замкнутости и изолированности привело к непостоянству применения, все меньшей востребованности норм обычного права, постепенной их утрате. Но отголоски обычно-правовых отношений фрагментарно уцелели и продолжали проявляться в местах компактного проживания народов Пермского края, где сохранились тесные родовые связи, выражавшиеся во взаимной поддержке и взаимопомощи, а также уважительном отношении к старшему поколению, обычаям и традициям. Возобновление традиционных промысловых занятий, таких как охота, рыболовство, оленеводство, также способствовало этому.

Гаффаров И.З. Обычное право в историко-правовом контексте развития народов Пермского края

При этом нормы обычного права умело сочетались с привнесенным позитивным правом. Народы Пермского края умело сочетали нормы обычного права с привнесенным позитивным правом, считая, что сопротивление последнему могло нанести вред их культурному, религиозному укладу, традиционному быту (Там же, с. 64).

Обычное право продолжало применяться внутри общины, связанное с завещанием предков: «Родоначальники перед смертью своей завещали своему роду обычаи, верования и при этом передавали золу из семейного очага, и зола эта впоследствии переходила из рода в род, как и ныне переходит» (Верещагин, 1889, с. 81). Нарушение, слушание каралось наказанием свыше, которое могло затронуть весь род.

Нормы обычного права сохранялись и передавались из поколения в поколение. Закрепление обычно-правовых знаний происходило при помощи своих систем символов и знаков. К примеру, юридический знак («пас», «пус», «бирка», «тамга», «клеймо» и т.д. – далее «пас») был достаточно распространенным правовым явлением среди финно-угорских и тюркских народов (Григорьев, 1981, с. 89).

В XII веке путешественник Абу Хамид Ал-Гарнати сообщал, что народ, живущий у моря Мраков (то есть у Северного Ледовитого океана) в области Йура, занимается охотой и продает свой промысловый товар со знаками: «И приносят с собой товары, и кладет [каждый] купец свое имущество отдельно, и делает на нем знак и уходит...» (Путешествие, 1971, с. 32). То есть родовой знак, простой на первый взгляд, нес значительный объем информации, которая, по мнению К.Г. Юнга, заключена в знаке – архетипе (Юнг, 1994, с. 31). В нашем случае архетипом является «пас», несущий в себе историческую память и мифологические мотивы и, тем самым, смягчал «коррозию» общинной жизни, в том числе и у народов Пермского края.

Система знаков защищала права собственника на какое-то имущество, тем самым одновременно выполняла функции распознавания и оповещения, закрепившись в нормах обычного права, сыграла немаловажную роль в жизни пермского этнокультурного сообщества, в частности, в промысловых отношениях. «Пас» наносился на предме-

Гаффаров И.З. Обычное право в историко-правовом контексте развития народов Пермского края

ты собственника путем нарезания на поверхности бытовой утвари (прялки, посуды, снастей для охоты и рыбалки, хозяйственных инструментов). При этом общинная собственность также имела свой знак, обозначавший ее принадлежность к той или иной общине. «Пас», или иначе «тамга», выполнял роль родового фамильного знака. Он одновременно служил знаком родовой принадлежности, оберегом и украшением к одежде. При этом магическая составляющая «тамги» со временем утрачивалась. Когда забывалась и фамильная принадлежность, оставался только орнамент, который играл лишь декоративную роль. Орнамент, узоры несли в себе схожие элементы, характерные для пермской общности. По мнению К.Королева и Э.Савельевой, пермские «пасы» имели магическое и ритуальное значение, а также были знаком собственности в форме своеобразной печати, штампа на предметах и объектах собственности. Семья могла владеть земельными угодьями, охотничьими тропами, орудиями труда, бытовыми предметами, утварью и т.п. По структуре «паса» можно было определить принадлежность его владельца к той или иной этнической группе (Плоцкая, 2016, с. 69).

Народы Пермского края использовали свою уникальную знаковую систему для идентификации и защиты права собственности на вещи посредством бирок. Одна бирка, приложенная к другой, указывала на вещи собственника. Это, в свою очередь, освобождало от бюрократических проволочек и осложнений, связанных с вопросами фамильно-родовой собственности. Если вторая бирка не подходила к первой, то право собственника не подтверждалась. Обычно-правовые знаки имели и юридическую силу семейной печати (всего 197) (Верещагин, 1889, с. 69).

Использование различных символов и знаков, ассоциация их с различными языковыми конструкциями, сложенные в определенные образы (мифологические, традиционно-религиозные знаки и ритуалы), отражали этнокультурные особенности и идеалы народов Пермского края. И.Б. Ломакина вполне обоснованно отмечает: «В разных языках выражающие понятия, концепты – это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его» (Цит. по: Плоцкая, 2016, с. 71). Необходимо отметить тесную связь менталитета, нравственного императива и, в целом, мировоззрения

Гаффаров И.З. Обычное право в историко-правовом контексте
развития народов Пермского края

этноса. При этом в последнее просачивалось обожествление, оставляя «место» для «вмешательства высших сил», что явно указывает ориентацию на обычаи предков в случаях практического применения. Исполнение было критически важным и необходимым, а в случае же неисполнения, виновное лицо должно было понести наказание свыше.

Все вышесказанное явилось результатом проявления сознания общности людей и упорядочивало общественные отношения той или иной социальной общности. При этом необходимо отметить, что, помимо обычно-правовых, есть социальные регуляторы, имеющие также правовое значение и общественные истоки (так называемое «народное право»). Эти регуляторы отличают обычное право от правовых систем более позднего времени. Тем не менее, обычное право было тесно связано с «писаным правом», фиксировавшим нормы обычного права, что нашло отражение в гражданско-правовых актах, а «обычай» сыграл незаменимую роль в дальнейшем становлении позитивного права (Мельничук, 2007, с. 4).

С.В. Пахман считал, что «нельзя сказать, чтобы наше законодательство развивалось совершенно независимо от тех юридических начал, которые в течение столетий вырабатывались самой жизнью в сфере частного народного быта» (Цит. по: Плоцкая, 2016, с. 52).

Само обычное право покоится не на собственных, а на привнесенных из других сфер социальной жизни общества принципах, имеет собственные «нормы поведения» в социуме и рассматривается как комплекс взаимосвязанных элементов с системообразующими связями.

Источники и литература

1. Большаков М.А. Община у зырян // Живая старина. 1906. №2. С. 167–188.
2. Верещагин Г.Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии // Записки императорского русского географического общества. По отделению этнографии. СПб., 1889. Т. XIV. Вып. 3. 198 с.
3. Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 383 с.

Гаффаров И.З. Обычное право в историко-правовом контексте развития народов Пермского края

4. Григорьев А.П. Официальный язык Золотой Орды XIII–XIV вв. // Тюркологический сборник / под ред. Кононова. М.: Наука, 1981. С. 81–89.
5. Гришкина М.В. Семья как хозяйственная единица и транслятор нравственных ценностей удмуртского крестьянства (XVII–XIX вв.) // Вестник Удмуртского университета. 2010. Вып. 3. С. 32–40.
6. Грязнов Д.Г. Соотношение категорий обычного права и правового обычая в юридической науке: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 21 с.
7. Дашин А.В. Обычное право: генезис, эволюция, современное состояние // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. №1. С. 85–89.
8. Дмитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX века). Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1986. 453 с.
9. Мельничук М.А. Институционализация волостных судов во второй половине XIX века: историко-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 26 с.
10. Наумкина В.В. Обычное право кочевых народов Восточной Сибири в правовой системе российского государства XIX – нач. XX веков: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 42 с.
11. Плеханов А.А. Обычное право, как социокультурный фактор общественного развития: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2006. 20 с.
12. Плоцкая О.А. Обычное право Пермских народов в Российской империи XVIII–XIX вв.: историко-правовой аспект: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 455 с.
13. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1113–1153 гг.) / публикация О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта). М.: Наука, 1971. 133 с.
14. Юнг К.Г. Аналитическая психология. СПб., 1994. 136 с.

Информация об авторе

Гаффаров Ильдар Завдатович – кандидат исторических наук, старший преподаватель, Казанский Приволжский федеральный университет (г. Казань); e-mail: ildarg67@gmail.com

Gaffarov Ildar Z. – Candidate of Historical Sciences, senior lecturer, Kazan Federal University (Kazan).

Дворовые люди в правительственном законодательстве и дворянском общественном мнении России XVIII – первой половины XIX века: к постановке проблемы

Статья посвящена вопросу о дворовых людях, составлявших в разные времена десятую часть или немногим более от общего числа владельческих крестьян России XVIII – первой половины XIX вв. и имевших некоторые особенности в своем правовом статусе в сравнении с остальными крепостными. Законодательство империи в значительно меньшей степени занималось определением их правового положения, оставляя преимущественно его на усмотрение помещиков-землевладельцев. Особенностью их положения являлось большее их угнетение в правовом смысле и неприязненное в целом отношение к ним всех (и в имущественном, и в идеологическом плане) категорий дворянства. Вместе с тем подходы к окончательному разрешению крестьянского вопроса в России начинались, как правило, именно с изменения статуса этой категории владельческой деревни.

Ключевые слова: крепостное право, владельческие крестьяне, дворовые люди, дворянские проекты, освобождение крестьян, продажа людей без земли, таксация повинностей, контроль за жестокими помещиками.

A.N. Dolgikh

Yard people in the government legislation and noble public opinion of Russia of the XVIII – first half of the XIX century: to problem statement

The article is devoted to the question of yard people, who at different times made up a tenth or a little more of the total number of owning peasants in Russia of the XVIII – the first half of the XIX centuries and had some peculiarities in their legal status in comparison with the rest of the serfs. The legislation of the Empire was much less concerned with determining their legal status, leaving it mainly to the discretion of landlords. Feature of their position was their greater oppression in legal sense and hostile, in a whole, attitude to them all (both in property and ideologically) categories of nobility. At the same time, approaches

Долгих А.Н. Дворянские люди в правительственном законодательстве и дворянском общественном мнении России XVIII – первой половины XIX века...

to the final settlement of the peasant question in Russia began, as a rule, with a change in the status of this category of the owner's village.

Keywords: serfdom, possessory peasants, servants, noble projects, liberation of the peasants, sales of people without land, the valuation of duties, control on cruel landlords.

Данная тематика имеет определенные особенности. О владельческих крестьянах написаны многочисленные исследования, посвященные и их юридическому статусу, и их социально-экономическому состоянию, а также тенденциям в их развитии применительно к России вообще и в отношении отдельных регионов в частности. А вот если попытаться найти исследования, непосредственно посвященные дворовым людям, то мы сразу окажемся почти в вакууме, разве что какие-то прямые сведения содержатся в статьях энциклопедий, которые вынуждены в силу своей специфики выделять их особенно от других лиц крепостного состояния. Итак, серьезных исследований, посвященных этой значительной категории крепостных (около 7% ко времени отмены крепостного права от их общего числа), практически нет. Так, например, практически ничего на эту тему нет даже в специальном курсе по истории сословий В.О. Ключевского (Ключевский, 1989, с. 225–391, 413–431; Иванова, Желтова, 2010, с. 570–576).

Такое положение в историографии вопроса сложилось вследствие нескольких обстоятельств. Очевиден значительно меньший интерес к ним у современников и потомков, нежели в отношении к собственно крестьянам (то есть «сидящим на земле») владельческим (или крепостным, что не совсем точно, так как крепостными, т.е. прикрепленными к земле и к лицу помещика, были все крестьяне в дореформенной России). Во многих случаях данные о дворовых включены в общие сведения о владельческих крестьянах; не всегда они отделены в источниках, например, от так называемых «деловых» и «задворных людей». А между тем данная категория населения играла важную роль в жизни крепостной России, особенно в жизни дворян-помещиков на службе и в усадьбе (так, например, ко времени смерти богача графа А.Г. Орлова в его доме насчи-

Долгих А.Н. Дворовые люди в правительственном законодательстве и дворянском общественном мнении России XVIII – первой половины XIX века...

тывалось их 370 человек, а наличие 50–60 человек дворовых даже у небогатого помещика не считалось излишеством). Кто входил в состав этой категории крепостных? Управители (вроде Настасьи Минкиной, «хозяйки» с. Грузино, вотчины А.А. Аракчеева), мажордомы, воспитатели детей помещика, кормилицы, дядьки, крепостные гувернеры и гувернантки и няни (например, известная Арина Родионовна), сенные девушки, актеры, музыканты, художники (скажем здесь с горькой иронией: лица, представляющие «свободные искусства»), повара, камердинеры, ключницы, казачки, форейторы, стремянные, гайдуки, егеря, лакеи, доживавшие свой век старики и старухи (также из дворовых) и др. (Дворовые люди (крепостные); Беловинский, 2002, с. 208–214).

Сложно, на наш взгляд, говорить об отношении к дворовым людям, служившим при помещиках, со стороны остального крестьянства, занятого тяжелыми полевыми работами. Полагаем, что это мнение, в основном, было негативным и заключалось в том, что дворовые в их глазах являлись «белоручками» (что было не всегда справедливо). С другой стороны, помещики обвиняли дворовых обычно в том, что те являлись скопищем всякого рода пороков, в значительно меньшей степени свойственных другим крестьянам (Беловинский, 2002, с. 222–225). Вспомним лишь здесь, в целом, негативное или просто сатирическое изображение представителей «дворни» в «Ревизоре» (Осип) и «Мертвых душах» (Селифан, Петрушка) Н.В. Гоголя.

Вполне очевидно также, что именно дворовые, жившие рядом с помещиками, чаще и подвергались притеснениям своих хозяев и их домогательствам разного рода. Конечно, неверным является утверждение, что все русские помещики той поры были оголтелыми крепостниками, однако все же существовала разница в отношении их к крестьянам собственно (т.е. «сидевшим на земле»), с которыми они (пожалуй, кроме мелкопоместных) общались мало и считали их своими «кормильцами», и к дворовым, особенно «комнатным» людям. Вспомним здесь литературных персонажей – госпожу Простакову из «Недоросля», помещицу из «Муму», реальную Салтычиху, измывавшихся в особенности над дворовыми. По словам мемуариста П.П. Семенова-Тянь-Шанского, в дореформенную эпоху эти последние находились «в личной кабале» у дворян-помещиков, при этом «право распоряжаться

Долгих А.Н. Дворяне в правительственном законодательстве и дворянском общественном мнении России XVIII – первой половины XIX века...

трудом дворовых людей и налагать на них дисциплинарные взыскания ничем не ограничивалось», доходя либо до патриархального рабства, либо до самых тяжких его форм (Мемуары П.П. Семенова-Тян-Шанского, 1917, с. 30–32; Беловинский, 2002, с. 215–217).

Кстати, хотелось бы заметить, что в нынешней историографии все в большей степени проявляется тенденция к оправданию крепостничества именно в данном аспекте; высказан тезис о том, что ужасы крепостничества были придуманы сначала А.Н. Радищевым, затем поддержаны В.И. Семевским, либералами и большевиками, а, на самом деле, помещик был для крестьян фактически «отцом родным» (Вахитов; Савельев). Налицо возвращение, на деле, как это ни прискорбно, к идеям апологетов крепостничества рубежа XVIII–XIX вв. – М.М. Щербатова, М.М. Филофова, А.С. Шишкова, Ф.В. Ростопчина, И.В. Лопухина, Н.М. Карамзина, О.П. Поздеева, Н.С. Мордвинова, В.Н. Каразина и др. (Долгих, 2018, т. 1, с. 265–266, 278, 296, 300, 303–304, 307–309, 312–313, 316–318; т. 2, с. 124, 133, 141–142).

Другое дело, что в литературе вопроса отсутствуют точные цифры, показывающие конкретные злоупотребления дворян-помещиков в отношении дворовых. Мемуаристы (те же дворяне) в силу ряда обстоятельств писали здесь часто правду о чужих имениях, но иногда приукрашивали положение «дворни» в своих домах или усадьбах, да и их данные – капля в море вариантов подобных отношений в огромной России. Очевидно также, что именно дворовые, по ряду причин более грамотные и больше видевшие, часто выдвигались в роли вожakov народных движений, хотя бывало и наоборот (вспомним пушкинского Савельича). Часто в этом отражалось их недовольство конкретным помещиком, нарушавшим некий паритет в их взаимоотношениях, – речь идет о жестокостях всякого рода в отношении «ближних людей», продаже людей без земли с разделением семейств, насильственном замужестве дворовых по капризу бар, а также о «взятии во двор» из крестьян (особенно для «блудного помышления» замужних молодниц, что наносило и моральный и материальный вред уже самим крестьянам и их хозяйству) (Каменская, 1991, с. 43–44, 101–103, 159–160; Мемуары П.П. Семенова-Тян-Шанского, 1917, с. 27–29; Беловинский, 2002, с. 217, 225–227).

Долгих А.Н. Дворяне люди в правительственном законодательстве и дворянском общественном мнении России XVIII – первой половины XIX века...

Отметим также, что в целом содержание данной категории крепостных было невыгодно их владельцам вообще: ведь их надобно было кормить и одевать, чем, по словам того же П.П. Семенова-Тян-Шанского, помещики тяготились, отсылая излишних дворовых «по паспортам» на собственное их «прокормление», запрещая им жениться и производить на свет детей. Между прочим, мемуарист приводил в воспоминаниях распространенное в ту пору в помещичьей среде мнение о том, что возврат дворовых «в крестьянство» был уже и невозможен, ибо они, отвыкнув от тяжелого полевого труда, уже не могли стать «исправными земледельцами» (Мемуары П.П. Семенова-Тян-Шанского, 1917, с. 30–32).

Конечно, были помещики типа Плюшкина, у которых одни сапоги приходились на всю дворню, были и довольно оборотистые дельцы, воспитывавшие дворовых с детства, дававших им то или иное образование, позволяя им приобрести ту или иную профессию с прицелом затем на выгодную их «реализацию» на рынках или частным образом, продавая их другим помещикам либо государственным крестьянам в период рекрутских наборов и с помощью подобных операций постепенно обогащаясь. Однако, в основном дворовые не приносили своим владельцам особых доходов, прежде всего, «старосветским помещикам», жившим «по-старинке» и не считавшим возможным в принципе обходиться без них и по привычке к слугам (да еще бесплатным и полностью подвластным господам), и «из форса» перед другими (вспомним только дом Ростова в «Войне и мире»). Ясно при этом, что содержание дворовых разоряло их хозяев лишними тратами на их содержание.

Приведем здесь в качестве примера разговор, зафиксированный мемуаристом С.П. Жихаревым в своем дневнике от 23 декабря 1806 г. Приехавший из чужих краев Д.И. Павлов, чиновник обер-егермейстерского ведомства, высказался в том смысле, что в России слишком много дворовых слуг у дворянина, отметив, что «давно бы пора приняться за ум: ввести у нас такой же порядок и уничтожить всю эту дворню, которая съедает половину доходов наших». В ответ О.К. Каменецкий, врач и явно не столь богат, заметил, что «дворня ваша составлена не вами, а вашими предками, и вы наследовали ее от них вместе с их привычками и вкусами, с их образом жизни и даже,

Долгих А.Н. Дворяне в правительственном законодательстве и дворянском общественном мнении России XVIII – первой половины XIX века...

большую часть, образом их мыслей. Этот образ жизни как прежде был основан на местных условиях, так и остался и теперь... Давно-давно придумывают средства, как бы уменьшить дворянство и даже совсем освободиться от нее, но до сих пор еще ничего не придумали. Автор дневника в связи с этим разговором вспоминал, что по данному поводу говорил граф Ф.Г. Орлов («русская здоровая голова»): «Хотите, чтоб помещик не имел дворянства, сделайте, чтоб он не был ни псовым, ни конским охотником, уничтожьте в нем страсть к гостеприимству, обратите его в купца или мануфактуриста и заставьте его заниматься одним – ковать деньги». При этом, замечал граф, совмещение этих двух явлений невозможно, так как содержание «специальных людей» для всякого рода услуги будет «втрое дороже», но они не смогут «представить никакого обеспечения в своей исправности...», обращая внимание на то, «куда девать своих»; если их вернуть в крестьянство, это «не удастся, потому что эти люди понатерлись около вас, более или менее образованы по вашей мерке, охотно за соху не примутся... Пусть ест: чем у вас ее (дворянство – А.Д.) больше, тем больше к вам уважения...» (Жихарев, 1989, с. 63–64).

Вместе с тем, с точки зрения определенной группы дворян-реформаторов типа М.М. Сперанского, именно с преобразований в отношении дворян должны были начаться (по логике вещей) изменения в сфере крепостного права, а ликвидация их зависимости от владельцев была той минимальной мерой, на которую могло бы согласиться большинство помещиков (кроме наиболее оголтелых), именно их продажа без земли (а продавали таким образом в особенности не «сидящих» на ней дворян), в том числе с раздроблением семейств, и вызывала чем дальше, тем больше негодование у просвещенных и не очень помещиков, живущих во времена Руссо и Монтескье. Именно она считалась важнейшей язвой крепостничества (хотя, между прочим, против нее не выступал особенно в свои зрелые годы такой адепт Просвещения, как А.С. Пушкин) (Пушкин, 1964, с. 295–296; Долгих, 2018, т. 2, с. 310–324).

Ведь, по сути дела, по обозначенной выше причине ликвидация или ограничение числа этой категории крепостных – либо через их освобождение, либо через запрет взятия крестьян во двор, либо через их приписку в городские цехи – в конечном счете, были выгод-

Долгих А.Н. Дворяне в правительственном законодательстве и дворянском общественном мнении России XVIII – первой половины XIX века...

ны дворянству. Однако общий консерватизм правящего сословия и привычка к «рабству» не давали (в том числе и просвещенному дворянству) возможности в той или иной степени реализовать до конца и эти мизерные реформы даже на уровне собственного имени. Показательно отношение к решению крестьянского вопроса в России относительно собственно крестьян и дворовых в дворянских проектах той поры. По нашим данным, собранным за последние 30 лет, за период с 1796 по 1855 год имели место 1471 дворянский проект по данной проблематике. При этом за то или иное решение проблемы владельческого крестьянства их авторы высказались в 1046 случаях (в 21 проекте при Павле I, в 517 при Александре I и в 508 при Николае I); авторы 545 проектов из их числа были за смягчение крепостного права, примерно столько же (501) высказывались за освобождение крестьян. Показательна разница в отношении собственно крестьян и дворовых со стороны создателей проектов (на 96% – потомственных дворян). Все цифровые параметры в отношении преобразований самих крестьян значительно (вдвое и более) опережают показатели в отношении дворовых. Лишь в 163 проектах (около 11% от их общего числа) говорится в той или иной степени об ограничении количества дворовых, а об их ликвидации (что, в общем-то, не означало обязательно получения ими свободы: речь могла, например, идти о сдаче их в рекруты, возврате в крестьянство и др.) – всего то в 49 проектах (3,3%).

Отдельно стоило бы сказать и об отношении к дворовым людям государственной власти. Помещик мог свободно переводить крестьян во двор и обратно (ПСЗ-I, № 4069, 18550, 24746; Свод законов, ст. 591). Вообще же законодательство в отношении этой категории крепостных было крайне незначительным, не считая здесь акты об ограничении продажи людей без земли, где подспудно речь идет в особенности о дворовых (ПСЗ-I, № 3770; ПСЗ-II, № 6163, 8047). Стоит заметить также, что всякого рода акты против жестоких помещиков говорят лишь о разорении собственно крестьян (т.е. опять же «сидящих на земле»); в отношении дворовых это менее заметно, так как они жили преимущественно на помещичьем «коште» и довольствии, а это представителей власти на разных уровнях интересовало гораздо меньше, хотя проблемы нищенства (в том числе и дворовых, как это

Долгих А.Н. Дворяне в правительственном законодательстве и дворянском общественном мнении России XVIII – первой половины XIX века...

было у Плюшкина) законодательство все же касалось (ПСЗ-I, № 13211; ПСЗ-II, № 2401, 10303, 16388, 24548, 24763, 27046). Пока-зательна здесь, например, ситуация с реализацией манифеста Павла I от 5 апреля 1797 г. об ограничении барщины и о запрете ее в отно-шении воскресных дней, а затем и законодательства на эту тему александровского и николаевского времени. Очевидно, что указы подобного рода дворовых вообще не касались, иначе бы помещикам и их женам пришлось бы по воскресным дням самим себе готовить еду, бриться, расчесывать волосы и др., в то время как их дворовые должны посещать церковь (как это формально предполагалось в до-кументе), что было невозможно по определению (ПСЗ-I, № 17909, 27270, 27549; ПСЗ-II, № 10306; Свод законов, ст. 590).

Вообще говоря, данной проблематикой, то есть непосредственно вопросом о дальнейшем существовании дворовых людей, власти занялись лишь в николаевскую эпоху, когда этой тематике были даже посвящены специально созданные секретные комитеты, но итоги их деятельности в этом отношении оказались, на деле, более мизерными, чем в других сферах крестьянского вопроса (Ружицкая, 2005, с. 38–68, 137, 145–146). Все здесь останется по-старому вплоть до реформы 1861 г. При этом при ее реализации дворовые, кроме личной свободы, больше ничего не получают.

Источники и литература

1. Беловинский Л.В. Изба и хоромы. Из истории русской повседневности. М.: ИПО Профиздат, 2002. 352 с.
2. Вахитов Р. Крепостное право в России: миф и реальность [Электронный ресурс]. URL: <https://fishki.net/anti/1700973-krepostnoe-pravo-v-rossii-mif-i-realnost.html> (дата обращения: 01.10.19).
3. Долгих А.Н. «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный...»: российское дворянство и крестьянский вопрос в XVIII – первой четверти XIX в. Историографические очерки. В 2 т. Т. 1. Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. 354 с.
4. Долгих А.Н. «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный...»: российское дворянство и крестьянский вопрос в XVIII – первой четверти XIX в. Историографические очерки. В 2 т. Т. 2. Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. 358 с.

Долгих А.Н. Дворовые люди в правительственном законодательстве и дворянском общественном мнении России XVIII – первой половины XIX века...

5. Жихарев С.П. Записки современника. Воспоминания старого театра. В 2 т. Т. 2. Л.: Искусство, 1989. 525 с.
6. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый хронограф, 2010. 752 с.
7. Каменская М.Ф. Воспоминания / Подг. текста, сост., вступ. ст. и коммент. В.Боковой. М.: Художественная литература, 1991. 383 с.
8. Ключевский В.О. История сословий в России // Соч. в 9 т. Т. VI. М.: Мысль, 1989. С. 225–391.
9. Мемуары П.П. Семенова-Тян-Шанского. В 4 т. Т. 1. Детство и юность (1827–1855 гг.). Пг.: Издание семьи, 1917. VII, [1], 322 с.
10. ПСЗ-I: В 40 т. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1832.
11. ПСЗ-II: В 55-ти т. с указ. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830–1885.
12. Пушкин А.С. Путешествие из Москвы в Петербург // Соч. в 10 т. Изд. 3-е. Т. VII. М.: Наука, 1964. С. 268–305.
13. Ружицкая И.В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М.: ИРИ РАН, 2005. 316 с.
14. Савельев А. Выдумки о «темном царстве крепостничества» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.russdom.ru/node/3671> (дата обращения: 01.10.19).
15. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. В 15 т. Т. 9. Свод законов о состоянии людей в государстве. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1842. [5], 447 с.
16. Дворовые люди (крепостные) [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Дворовые_люди_\(крепостные\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Дворовые_люди_(крепостные)) (дата обращения: 01.10.19).

Информация об авторе

Долгих Аркадий Наумович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского» (г. Липецк); e-mail: adonli@mail.ru

Dolgikh Arkady N. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of national and universal history, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky (Lipetsk).

Общинные суды и особенности крестьянской юстиции чувашей во второй половине XIX – начале XX века

Исследование посвящено общинным судам и специфике крестьянского судопроизводства чувашей во второй половине XIX – начале XX в. Суды сельского старосты, сельского схода, стариков и других являлись эффективными регуляторами общественных отношений в пореформенный период, гарантировали стабильное функционирование и развитие крестьянского социума. Наиболее оптимальным и справедливым разрешением споров и конфликтов являлось примирение сторон. Правовой базой принимаемых судебных решений главным образом выступали нормы обычного права. Народная юстиция применяла как рациональную, так и иррациональную методику выявления доказательств совершенных преступлений и проступков. Выработанные в процессе повседневной юридической практики наказания – от народного осуждения до жестокой расправы – защищали личные и имущественные интересы членов мира, поддерживали правопорядок и социальную справедливость в крестьянском сообществе. В конце XIX – начале XX в. под воздействием капиталистических отношений, процессов социального расслоения, христианизации, демократизации общества, официального права и государственной политики мирские суды подверглись трансформации и постепенно утратили авторитет в глазах крестьянства.

Ключевые слова: чуваше, общинный суд, община, крестьянство, обычай, правонарушение, методика расследования, наказание.

Community courts and features of peasant justice of the Chuvashs in the second half of the XIX – beginning of the XX century

The study focuses on the community courts and the specifics of the peasant proceedings of the Chuvashs in the second half of the XIX – the beginning of the XX century. The Courts of the village headman, the village assembly, the

Егоров Д.В. Общинные суды и особенности крестьянской юстиции чувашей во второй половине XIX – начале XX века

elders, etc. were effective regulators of social relations in the post-reform period, to ensure stable functioning and development of peasant society. The most optimal and fair resolution of disputes and conflicts was the reconciliation of the parties. The legal basis for judicial decisions was mainly customary law. People's justice applied both rational and irrational methods of identifying evidence of crimes and misdemeanors. The punishments worked out in the course of daily legal practice – from popular condemnation to brutal punishment – protected the personal and property interests of the members of the community, supported the rule of law and social justice in the peasant community. In the end of the XIX – the beginning of the XX century under the influence of capitalist relations, processes of social stratification, Christianization, democratization of society, official law and state policy, community courts underwent transformation and gradually lost their authority in the eyes of the peasantry.

Keywords: the Chuvashs, community court, community, peasantry, custom, offense, methods of investigation, punishment.

Правовая картина чувашской дореволюционной деревни была мозаичной и разноликой. С одной стороны, в повседневном быту проявлялись консервативные тенденции, устойчиво сохранялись и передавались из поколения в поколение общинные традиции, обычаи, стереотипы поведения, сакрально-ритуальные практики, уникальные религиозно-мифологические и этические представления этноса. С другой стороны, над крестьянским социумом довлели государственные структуры и нормы официального права, наложившие отпечаток на общественную жизнь чувашей. В процессе правотворчества углублялись коллизии между народным и позитивным правом, формировалась этноправовая культура со специфическими воззрениями и установками. Крестьянская юстиция вобрала в себя как обычно-правовые, моральные и религиозные нормы, так и законы.

Объектом настоящего исследования является общинная (мирская) юстиция чувашского крестьянства Казанской и Симбирской губерний во второй половине XIX – начале XX в., предметом – функционирование, эволюция и развитие общинных судов, урегулирование ими споров и конфликтов, особенности расследования правонарушений и системы наказаний.

Егоров Д.В. Общинные суды и особенности крестьянской юстиции чувашей во второй половине XIX – начале XX века

Правовая культура чувашей формировалась в рамках сельской общины, которая способствовала выработке правосознания и морально-нравственных ценностей крестьян. Обычаи являлись квинт-эссенцией повседневной жизни населения. Неписанные правила регулировали семейно-брачные, имущественные, аграрные, религиозные и бытовые отношения, гражданские сделки, правонарушения, систему расследования и наказания.

Официальное законодательство признало обычай источником права, Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости (1861 г.), предоставило крестьянам право применения обычаев в разрешении ряда внутриобщинных споров. Закон допускал функционирование «учрежденного местными обычаями суда», однако, избранного лишь при участии крестьян всей волости. Временные правила о волостном суде 1889 г. и 1912 г. регламентировали применение обычаев по гражданско-правовым процессам (спорам и тяжбам) между крестьянами, особенно по наследованию и разделу крестьянской собственности (Общее положение о крестьянах, 1989, с. 57; Временные правила о волостном суде, 1891, с. 531; Васильев, 1913, с. 60).

В ходе исторического, этнокультурного и правового развития, реформирования социально-экономических отношений крестьянства в чувашской деревне сформировались общинные суды. В этих неформальных судебных институтах население в течение многих десятилетий искало правды и справедливости. К числу распространенных форм крестьянского суда, бытовавших в российских губерниях, исследователи относили следующие: самосуд, семейный суд, третейский суд, суд соседей, суд сельских судей, суд сельского схода, суд волостного схода, волостной (официальный) суд (Якушкин, 1875, с. XXIV). Основными общинными судами чувашей являлись суд старосты, суд стариков и суд сельского схода. Отмеченные Н.В. Никольским суд соседей и братский суд (Никольский, 1919, с. 74), судя по архивным документам, не получили распространения в крестьянской среде, хотя роль соседей в этносоциальной жизни чувашей была весьма значимой (Ашмарин, 1925, с. 33; Никольский, 1958, с. 8). Семейный суд (совет), в котором члены семьи во главе со старшим мужчиной разбирали споры и разногласия, решали по-

Егоров Д.В. Общинные суды и особенности крестьянской юстиции
чувашей во второй половине XIX – начале XX века

вседневные внутрисемейные и хозяйственные вопросы, не стоит относить к числу общинных, ибо он обычно не допускал вмешательства посторонних лиц в личное семейное пространство. Третейский суд, несмотря на его легитимацию, не получил распространения среди чувашей. Выделение самосуда в качестве отдельного суда условно, так как он, по сути, являлся формой народной расправы над преступником, а не непосредственно судебной инстанцией. Волостной суд, созданный по реформе 1861 г., функционировал в качестве официального крестьянского суда.

В компетенцию суда сельского старосты входили созыв и роспуск сельского схода, обеспечение на нем порядка, контроль за исполнением условий и договоров между крестьянами, расследование ряда правонарушений (потравы, нарушения межи, лесные порубки, пожары, кражи, побои) и семейных споров, исполнение приговоров сельского схода, распоряжений волостного управления и мировых учреждений. Староста должен был наблюдать за целостностью земельных межевых знаков и запасного общественного хлеба, исправным содержанием дорог, мостов, гатей, перевозов, принадлежащих сельскому обществу, контролировать своевременную оплату податей и выполнение повинностей и т. д.

По закону за маловажные проступки сельский староста мог подвергнуть виновных различным наказаниям: назначению на общественные работы до двух дней, денежному штрафу до одного рубля (в пользу мирских сумм), или аресту до двух дней. Однако эти санкции могли быть апеллированы в семидневный срок через мирового посредника. В случае совершения преступления староста должен был сделать предварительное дознание, задерживать виновных и охранять следы преступного деяния до прибытия земской полиции или судебного следователя. При этом в ходе обыска вещественных доказательств в крестьянских избах и хозяйственных строениях, задержания или ареста нарушителя, личного взыскания по решению суда или схода, приеме от сборщика податей и расходовании мирских денег он был обязан приглашать двух свидетелей, преимущественно стариков (Общее положение о крестьянах, 1989, с. 50–51). Так, в 1891 г. к сельскому старосте д. Алмыкасы Козьмодемьянского уезда Казанской губернии Сергею Ефимову обратился

Егоров Д.В. Общинные суды и особенности крестьянской юстиции
чувашей во второй половине XIX – начале XX века

потерпевший от кражи двух овец крестьянин той же деревни Анисим Романов. Истец заявил, что опознал свою овцу, проданную по-дозреваемым в краже жителем д. Алмыкасы Яковым Осиповым крестьянину д. Большие Мамыши Михаилу Николаеву. В рамках дознания сельский староста съездил на базар в с. Ишлей-Покровское Козьмодемьянского уезда вместе с крестьянами-свидетелями Никитой Савельевым и Терентием Дмитриевым. Выяснилось, что Яков Осипов действительно продал украденную овцу Михаилу Николаеву, который к моменту допроса зарезал ее и реализовал шкуру. Впоследствии проведенное старостой расследование стало одним из главных доказательств совершенного преступления (ГА РМЭ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 8. Л. 8–34 об.).

Политика государства была направлена на укрепление авторитета сельского старосты в общине. На эту должность могли быть избраны крестьяне-домохозяева, обладающие земельным наделом. Староста должен был иметь огромный опыт, соблюдать морально-этические принципы: быть порядочным домохозяином и семьянином, уважать старшее поколение, добросовестно относиться к работе. Чуваша старались выбрать на эту должность человека, обещавшего защищать народные интересы (Ашмарин, 1934, с. 55). Следует отметить, что староста не был полностью самостоятельной и автономной фигурой, был зависим от вышестоящей администрации, зажиточных и влиятельных крестьян. К тому же, он не всегда безупречно выполнял свои служебные обязанности. В вышестоящих судебных инстанциях рассматривались должностные правонарушения старост: взяточничество, подлог, обман, за совершение которых предусматривались увольнение от должности и арест. Существенный интерес представляет дело о злоупотреблениях сельского старосты с. Альшеево Буинского уезда Симбирской губернии Тимофея Николаева, разбиравшееся в Симбирском окружном суде в 1887 г. Согласно его материалам, в 1885 г. староста взял 5 руб. с крестьянки Авдотьи Филипповой после скоропостижной смерти ее снохи якобы на расходы, связанные с приездом начальства, а в 1887 г. – 3 руб. с мещанина Александра Растегина на угощение стариков вином после получения приговора об открытии бакалейной лавки. В зале заседания суда подсудимый показал, что «взял эти деньги по

Егоров Д.В. Общинные суды и особенности крестьянской юстиции
чувашей во второй половине XIX – начале XX века

приказанию стариков, на угощение которых они и были израсходованы». Принимая во внимание чистосердечное признание бывшего сельского старосты и его «крайнее невежество», суд назначил тюремный арест на три недели, хотя по уложению о наказаниях санкция предусматривала срок лишения свободы от 4 до 8 месяцев (ГА РТ. Ф. 989. Оп. 1. Д. 2. Л. 7–9).

Суд сельского старосты не следует полностью относить к неофициальному судебному институту, ибо в Общем положении о крестьянах 1861 г. были регламентированы полномочия старост. Вместе с тем данное должностное лицо разрешало различные проблемы и коллизии, выходявшие за пределы его формальной юрисдикции. Различного рода инциденты, возникавшие в крестьянской среде, в первую очередь разбирались именно им. Староста всегда старался принимать превентивные меры по примирению сторон, учитывая показания истца, ответчика и свидетелей, делал все возможное для устранения причины конфликта. После примирения, как правило, происходило угощение старосты, десятников и свидетелей за счет виновного. Обязательным было возмещение ущерба пострадавшему. В случае невозможности заключения мировой сделки староста выдавал потерпевшему удостоверение с печатью о факте инцидента среди односельчан, с которым последний обращался в волостной суд (НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 177. С. 569–574).

После введения в 1889 г. института земских начальников, получивших широкие права по рассмотрению и отмене решений крестьянских сходов, назначению и увольнению должностных лиц, наложению санкций за правонарушения, должность сельского старосты была дискредитирована. Тем не менее они продолжали играть заметную роль в жизни социума, проводить предварительные следственные действия, разрешать мирские споры и конфликты, представлять крестьянское общество на официальных судебных процессах.

Непререкаемый авторитет в народной среде имел суд стариков. Он рассматривал семейные и имущественные споры крестьян, религиозные вопросы, морально-нравственное поведение членов общины. В нем принимали участие наиболее опытные люди в деревне, хранители традиций, прекрасные знатоки норм обычного права, обладавшие общепризнанной репутацией. Крепкие и порядочные

Егоров Д.В. Общинные суды и особенности крестьянской юстиции чувашей во второй половине XIX – начале XX века

старожилы-домохозяева избирались на различные общественные должности, выдвигались в качестве полномочных представителей общины.

Характерной чертой суда стариков являлось соблюдение соответствий принимаемых решений обычаям и традиционным этическим нормам. Роль стариков была неocenимой в социализации – в усвоении молодежью практического опыта, нравственных ценностей, норм поведения, сохранении и закреплении производственных навыков, воспитании подрастающего поколения.

Старики играли значимую роль в религиозной жизни чувашей, организации магических ритуалов. Являясь носителями мифологических представлений этносов, свободно владея вербальными молитвенными текстами, старцы проводили моления и жертвоприношения божествам и духам, очистительные обряды, насылали порчу и исцеляли больных при помощи заговорной магии и этномедицины. К примеру, в 1862 г. во время летней засухи старики деревень Большое Янгильдино и Шакулово Чебоксарского уезда Казанской губернии собрали сход и решили провести обряд моления и жертвоприношения верховному богу *Турă*, Божьей матери *Турă амăшĕ* и Илье Пророку, чтобы «они подали дождь и спасли засеянные на полях хлеба от градобития» (НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 193. С. 119–120).

Чувашские пословицы ярко иллюстрируют авторитет и положение стариков в крестьянском социуме: *Ваттисем калани вырăнлă* («Слово стариков уместно» / «Пословица уместна»); *Кĕрекери ватăсен пĕр сăмахĕ тăрат пин сума* («Одно слово старцев, сидящих за столом, стоит тысячу рублей»); *Ват сын – тăват сын* («Старый человек стоит четверых») и т.п. (НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 174. С. 450; Отд. III. Д. 203. С. 84; Никольский, 1958, с. 8).

В старину крестьяне любые проблемы пытались разрешить с участием старейшин. Все вопросы на сходе обсуждались ими. Даже наем пастуха не обходился без деревенских стариков. Их голос на общественных собраниях имел решающее значение (НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 181. С. 20–21; Д. 218. С. 92; Д. 572. Л. 35).

Суд стариков считался необходимой инстанцией, что было детерминировано хозяйственной занятостью крестьян и отсутствием возможности ездить в волость по незначительным делам. Он начи-

Егоров Д.В. Общинные суды и особенности крестьянской юстиции чувашей во второй половине XIX – начале XX века

нался с выявления причины и обстоятельств конфликта. Разобравшись в ситуации, старики стремились помирить стороны либо определяли меры воздействия и наказания. Дело, как правило, заканчивалось тем, что виновного после соответствующих нотаций заставляли покупать ведро или полведра водки в зависимости от степени вины (НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 158. С. 113–114). Водка воспринималась как благодарность за проделанную работу и успешный итог разбирательства, в связи с чем она нередко распивалась публично. Угощение спиртным напитком также практиковалось как средство примирения с потерпевшим и мера наказания за совершенное правонарушение.

Старики, обладая силой общественного воздействия и убеждения, выносили справедливые вердикты, стремясь примирить стороны. В 1888 г. споры и конфликты жителей д. Тенеево Цивильского уезда Казанской губернии дошли до разбирательства в волостном суде. Выяснив, что местные крестьяне получили более 20 повесток в суд, был организован сход, на котором старики высказались о судебных делах в волости как «позоре» для деревни и предложили сторонам примириться. Некоторые крестьяне послушались старейшин и на месте заключили мировую сделку (НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 195. С. 505). В 1901 г. в д. Дальние Мусирмы Цивильского уезда Казанской губернии забеременела дочь отставного солдата Тимофея Сергеева. Ее обольстителем был признан сын крестьянина той же деревни Василия Егорова – Григорий. Старики приняли решение связать их брачными узами, однако молодые находились в 6 степени кровного родства, что являлось препятствием к браку. Они рекомендовали Григорию отправиться в Казань за разрешением заключения брачного союза у епархиального начальства, однако обольститель категорически отказался как от поездки, так и от брака. Старики рассудили – «отвезти обольщенную в дом обольстителя и пусть де там живет, а время де само приведет к тому или другому концу». Следует отметить, что подобные меры старцев, как правило, приводили к вступлению в брак (ГИА ЧР. Ф. 493. Оп. 1. Д. 1. Л. 48 об.).

В пореформенный период патриархальные устои в чувашской общине стали разрушаться. Вследствие развития капиталистических отношений, демократизации и гуманизации в общественно-семейной

Егоров Д.В. Общинные суды и особенности крестьянской юстиции чувашей во второй половине XIX – начале XX века

сфере, повышения грамотности, социальной стратификации, приведшей к значимости зажиточных крестьян, увеличения количества семейных разделов и появления в связи с этим молодых домохозяев с правом голоса, беспорядка и своеволия на сходах суд стариков постепенно терял влияние на внутриобщинные дела. Мудрые советы, богатый опыт и консервативный дух старцев в новых социально-экономических реалиях перестали удовлетворять запросы населения. В конце XIX – начале XX в. повышалась роль молодых крестьян. «На сход одни из чуваш идут охотно, а другие неохотно. Неохотно идут теперь старики в виду беспорядка и криков на сходе, большинство теперь преобладает из молодых» (НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 174. С. 283), – констатировал слушатель Казанских миссионерских курсов Петр Иванов. В начале XX в. мудрые старцы все реже и реже стали посещать общественные собрания, не смели возражать молодым крестьянам по какому-либо делу во избежание побоев (НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 181. С. 20–21; Д. 206. С. 184; Д. 244. С. 21).

Главным институтом общинной юстиции чувашей являлся суд сельского схода, обладавший широкими правами и компетенциями. Государство укрепляло социальную значимость схода, законодательно регламентируя его деятельность и документально фиксируя принятые решения. На собраниях домохозяева коллективно обсуждали проблемы, споры и конфликты, касающиеся личности, семьи или всего общества, высказывали мнения и недовольства, отстаивали свои позиции, приходили к компромиссу. В пореформенный период сельские сходы являлись эффективными демократическими органами общинного управления, регуляторами социально-экономических и правовых отношений в крестьянском сообществе. Приговоры схода были императивными для каждого общинника.

Участие в народном собрании могли принимать лишь те лица, которые пользовались долей общинной земли. Они же могли быть избранными в старосты, сборщики податей и другие общественные должности. Сельский сход состоял из крестьян-домохозяев, как правило, мужчин, и выборных сельских должностных лиц. Домохозяину не воспрещалось в случае отлучки, болезни или невозможности лично явиться на сход присылать вместо себя кого-либо из членов своей семьи. Крестьяне, состоявшие под судом или следствием,

Егоров Д.В. Общинные суды и особенности крестьянской юстиции
чувашей во второй половине XIX – начале XX века

не допускались к участию в сходах (Общее положение о крестьянах, 1989, с. 46). Состав сельского схода из домохозяев был продиктован необходимостью своевременной уплаты податей и несения повинностей крестьянским двором. На сходе могли принимать участие вдовы, имеющие детей, не достигших совершеннолетия, а также женщины, представляющие интересы семьи в виду отсутствия мужа (из-за тяжелой болезни, отходничества, ухода на военную службу, смерти), но не имеющие право голоса и являющиеся лишь слушателями решений и постановлений схода (НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 151. С. 271; Д. 174. С. 136, 220). Женщины могли быть вызваны на сход для дачи показаний или объяснений по какому-либо делу (ГА РМЭ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 189. Л. 63–63 об.).

По реформе 1861 г. решения сельских сходов признавались легитимными в том случае, если на них присутствовали сельский староста или его заместитель, а также не менее половины крестьян-домохозяев. Дела решались или с общего согласия, или большинством голосов. Однако для удаления порочных крестьян из общества, переделов общинных земель, установления мирских добровольных складок, употребления общественного капитала, раздела мирских земель на постоянные наследственные участки и замены общинного пользования землей участковым или подворным требовалось согласие не менее 2/3 всех крестьян (Общее положение о крестьянах, 1989, с. 48–49).

Вместе с тем, как свидетельствуют документы волостных правлений и судов, для принятия нужного решения заинтересованные крестьяне проводили предварительную работу и убеждали голосовать в свою пользу. В связи с этим приговоры сельских сходов в основном были единогласными. Они принимались голосами (криками) крестьян.

Сельский сход, являясь высшим органом управления общиной, рассматривал дела о земельных правонарушениях, опеке и наследстве, разделе семей; следил за моралью, осуждая пьянство, нескромное поведение, сквернословие; расследовал случаи оскорбления, угрозы, мошенничества; наказывал виновных за воровство, поджог, драку; удалял из общества членов общины, ведущих криминальный образ жизни, и т.д. Названный мирской суд выходил за

Егоров Д.В. Общинные суды и особенности крестьянской юстиции
чувашей во второй половине XIX – начале XX века

рамки официальной юрисдикции, определенной законом 1861 г., разбирал даже уголовно наказуемые деяния, порой вмешивался в частную жизнь общинников. Многие дела разрешались сельским сходом без ведома и согласия официальных органов власти.

Мирской суд чувашей принимал решение на основе изучения всех обстоятельств преступления или проступка, показаний, фигурантов дела, представленных доказательств и улик. Члены схода во главе с сельским старостой осматривали место происшествия с привлечением понятых, собирали доказательственную базу путем обыска, повального обыска и поиска по следу, изучали документы, выявляли знаки собственности, опрашивали свидетелей, добивались признания путем допросов и пыток и др. Так, в ходе поиска следов украденных в 1901 г. в д. Новые Щелканы Цивильского уезда Казанской губернии двух лошадей крестьяне дошли до мякинницы односельчанина Василия Иванова, в которой ими был обнаружен его пояс, что послужило поводом для возбуждения судебного дела. Итогом разбирательства стало тюремное заключение В. Иванова на 9 месяцев (ГИА ЧР. Ф. 493. Оп. 1. Д. 1. Л. 47–47 об.).

В крестьянской юстиции широко использовались иррациональные методы расследования нарушений. С целью раскрытия преступных деяний либо отмщения правонарушителям чуваша обращались к гадалкам, колдунам и знахарям (НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 211. С. 139–140). Ритуально-магическая практика служителей культа включала в себя специальные заговоры и заклинания с использованием стихий природы, предметов материальной культуры, различных фетишей, наделенных сакральными свойствами. При этом знахари и ворожеи обычно указывали не на саму личность преступника, а только на сторону его местонахождения, рост, внешность и другие общие черты, что можно было приложить к основной массе жителей (НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 158. С. 105; Д. 285. С. 579). В 1900 г. в Цивильском уезде было совершено конокрадство. Разоренный крестьянин, потерявший единственную лошадь-кормилицу, обратился к местной ворожейке, которая, раскинув карты, указала на вора, состав его семьи. Подозрение пало на односельчанина, с которым у потерпевшего началась непримиримая вражда. Однако вскоре полиция отыскала лошадь и настоящего во-

ра, чем и избавила от клеветы невинного (НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 196. С. 374).

По мнению крестьян, лица, обладающие сверхъестественными способностями, были способны наслать на людей и домашнюю скотину физические страдания и смерть, следовало им лишь отнести тайно отрезанные волосы или завязки на одежде человека, либо шерсть животного на кладбище, или святилище *киремет* и закопать их в земле (Чăваш халăх пултарулахе, 2004. С. 265).

Для доказательства своей невинности подозреваемый в правонарушении приносил присягу или давал клятву: перешагивал через липовую лутошку; откусывал хлеб с солью с кончика ножа; подавал руку через коня, ребенка или затылок; ел горсть земли; клялся солнцем, луной и звездами, под влиянием православной традиции – Богом, крестом и иконой (НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 154. С. 264, 309; Д. 174. С. 275; Д. 179. С. 23–24, 34; Д. 215. С. 311, 365; Д. 268. С. 255). После принятия присяги и произнесения клятвы, даже если следы совершения преступления доходили до дома подозреваемого, члены общины его оправдывали (ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 10. Л. 69; НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 210. С. 243–244). В случае принесения ложной присяги или клятвы виновного, согласно народным представлениям, постигала неминуемая смерть или различные бедствия: болезнь, падеж скота, пожар, причем кара Божья была неизбежной.

Одними из суровых и эффективных наказаний, назначаемых по решению суда сельского схода, являлись экзекуция и расправа. Розгами чаще всего секли неисправных плательщиков податей, затягивающих уплату по неуважительным причинам, пьяниц, буянов, воров, непокорных детей за непочитание родителей и др. Если во время обхода и проверки обществом полевой изгороди по вине крестьянина произошла погрыва хлеба, то по общему требованию домохозяев выборный отсчитывал на спине виновного удары палкой (НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 156. С. 97–98). В экстраординарных ситуациях сельский сход мог приговорить преступника к самосуду, который осуществлялся в форме публичного посрамления с физическими истязаниями, жестокого избиения и пыток или убийства. Такому наказанию подвергались воры, конокрады, поджигатели, лица, совершившие порубки в общинных лесах и погрыву мирского поля, нарушители религи-

озных обрядов и правил морали. Причинами народной расправы служили задержание правонарушителя с поличным, медлительность официальных судебных органов и назначение ими несоразмерного с преступлением наказания, отсутствие доказательств вины явного преступника. В самосуде активное участие принимали как потерпевшие, так и члены мира, представители сельской власти. Стремясь обеспечить должное и справедливое возмездие, добиться публичного морального унижения и позора, крестьяне выводили пойманного с поличным вора на середину улицы, вешали ему на шею украденные вещи, включая мелкий скот, и вели по селению под крики, хохот, насмешки и бой об железное ведро, причем каждый из толпы имел право наносить виновному удары. Публичное посрамление иногда завершалось летальным исходом (НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 167. С. 197–198; Д. 215. С. 350–351; Д. 277. С. 71–72).

В конце XIX – начале XX в. сельский сход превратился в формальный орган власти. Большое влияние на него стали оказывать чувашские коштаны (НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 174. С. 136) – мироеды, живущие на мирской счет, ходатаи по общинным делам. Для избавления от разных хлопот, процессуальных действий и явки в суд по личным и общественным делам занятые в хозяйстве крестьяне охотно обращались к названным личностям. Пользуясь народным доверием, они наживались и нередко усложняли дело. В связи с социальным расслоением мира на бедных и богатых сельский сход перестал выражать интересы всех крестьян. На собрании главную роль стали играть зажиточные крестьяне (кулаки), являясь нередко фактическими вершителями мирских дел. Основная масса членов общины была материально зависимой от кулацкой элиты, часто обращалась к ней за деньгами и хлебом, и, следовательно, вынуждена была соглашаться с ее мнением на сходе по тому или иному вопросу. Зажиточные крестьяне использовали все свои связи и возможности для положительного разрешения споров и конфликтов в обществе. Несмотря на свою вину, они старались подкупить следователя, нежели помириться с потерпевшим (ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 4. Л. 140 об.).

Если в пореформенный период крестьянство высоко оценивало суд сельского схода как справедливый и беспристрастный, то в конце XIX – начале XX в. отношение к нему стало негативным.

Егоров Д.В. Общинные суды и особенности крестьянской юстиции чувашей во второй половине XIX – начале XX века

Подкуп и спаивание нарушителями должностных лиц и крестьян, от которых зависел исход дела, предвзятость при вынесении вердикта, а вследствие этого и несправедливые решения стали обычным явлением. В связи с этим постепенно снижалась социальная значимость суда сельского схода, разрушались незыблемые патриархальные устои и демократические принципы сельских собраний. Новым регулятором общественных отношений крестьян все чаще становился волостной суд. К началу XX в. сформировалась устойчивая тенденция частого обращения чувашей в эту официальную судебную инстанцию, подачи исков даже по самым незначительным делам (НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 174. С. 284; Д. 179. С. 10; ГИА ЧР. Ф. 572. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–4 об.).

Несмотря на трансформацию крестьянского правосознания, чувашаи в пореформенный период предпочитали регулировать споры и конфликты, выявлять и наказывать правонарушителей при помощи общинных судов, не обращаясь к официальной юстиции, стремились заключить мировую сделку, восстановить доверие, согласие и сотрудничество между общинниками. В этническом правосознании акт примирения воспринимался как наиболее справедливое и оптимальное разрешение коллизии. Даже после подачи иска в волостной суд крестьяне пытались примириться между собой, либо сами волостные судьи предлагали завершить конфликт миром. В 1907 г. крестьянин д. Верхние Мочары Ядринского уезда Казанской губернии Фома Федоров написал заявление в Ядринский волостной суд, что его «жена Агапия Харитоновна помирилась в обиде побой с крестьянином одножителем Михаилом Яковлевым, ничего не желает, решение волостного суда взыскивать это дело просит прекратить» (ГИА ЧР. Ф. 574. Оп. 1. Д. 4. Л. 25–25 об.).

Таким образом, общинные суды чувашей во второй половине XIX – начале XX в. играли значимую роль в социальной жизни крестьянства, являлись блюстителями правопорядка, обладали широкой юрисдикцией, разбирая как гражданские, так и уголовные дела. Квинтэссенцией деятельности неформальных судебных институтов было примирение конфликтовавших сторон с возмещением ущерба и создание мирной, комфортной и благоприятной атмосферы внутри общины. Чувашаи выработали отличную от государственного

Егоров Д.В. Общинные суды и особенности крестьянской юстиции чувашей во второй половине XIX – начале XX века

права методику расследования дел и систему наказаний, в которых отразились рациональные и иррациональные религиозно-мифологические начала. Социально-экономическая, административно-правовая и духовная политика государства на рубеже веков привела к существенным изменениям общинной юстиции, правовых норм и представлений крестьянства и постепенной дискредитации традиционных судебных институтов.

Источники и литература

Ашмарин Н.И. Ваттисем каланӑ сӑмахсем. Сборник чувашских пословиц. Чебоксары: Чувашиздат, 1925. 56 с.

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1934. Вып. VI. 420 с.

Васильев А.А. Закон о преобразовании местного суда 15 июня 1912 г. СПб.: Издание юридического книжного магазина В.П. Анисимова; Типография В. Безобразов и Ко, 1913. 371 с.

Временные правила о волостном суде в местностях, в которых введено Положение о земских участковых начальниках // ПСЗ-III. 1889. СПб., 1891. Т. IX. С. 528–532.

ГА РМЭ. Ф. 263. Судебный следователь 2-го участка Козьмодемьянского уезда Казанской губернии. Оп. 1. Д. 8.

ГА РМЭ. Ф. 68. Козьмодемьянско-Ядринский мировой посредник Казанской губернии. Оп. 1. Д. 189.

ГА РТ. Ф. 989. Буинское уездное по крестьянским делам присутствие Симбирской губернии. Оп. 1. Д. 2.

ГИА ЧР. Ф. 334. Фонд В.К. Магницкого. Оп. 1. Д. 4, 10.

ГИА ЧР. Ф. 493. Тихвинская церковь Цивильского уезда, с. Мусирмы. Оп. 1. Д. 1.

ГИА ЧР. Ф. 572. Тораевский волостной суд Ядринского уезда Казанской губернии. Оп. 1. Д. 17.

ГИА ЧР. Ф. 574. Ядринский волостной суд Ядринского уезда Казанской губернии. Оп. 1. Д. 4.

НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Д. 151. Этнография. Фольклор. 355 с.

НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Д. 154. Этнография. Фольклор. Язык. 407 с.

НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Д. 156. Этнография. Фольклор. 374 с.

Егоров Д.В. Общинные суды и особенности крестьянской юстиции чувашей во второй половине XIX – начале XX века

- НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Д. 158. Этнография. 181 с.
- НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Д. 167. Этнография. 480 с.
- НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Д. 174. Этнография, фольклор. 698 с.
- НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Д. 177. Этнография. 804 с.
- НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Д. 179. История. Этнография. Фольклор. 286 с.
- НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Д. 181. История, этнография. 220 с.
- НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Д. 193. Никольский Н.В. Секретные дела Казанской духовной консистории. История. 552 с.
- НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Д. 195. Рукописный фонд профессора Н.В. Никольского. Извлечения из Архива Братства св. Гурия в Казани. 614 с.
- НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Д. 196. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Казанской Епархии. 390 с.
- НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Д. 206. Этнография. Фольклор. 264 с.
- НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Д. 210. Язык. Этнография. Фольклор. 470 с.
- НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Д. 211. Этнография. Фольклор. 176 с.
- НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Д. 215. Этнографические материалы о чувашах Н.В. Никольского. 538 с.
- НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Д. 218. Язык. История. Этнография. 372 с.
- НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Д. 244. История. Этнография. 304 с.
- НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Д. 268. Этнография. Фольклор. 470 с.
- НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Д. 277. Этнография. История. 258 с.
- НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Д. 285. Рукописный фонд проф. Н.В. Никольского по истории, этнографии, языку чувашского народа. 620 с.
- НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Д. 572. Элле К.В. Этнографические материалы. 1916 г. 148 л.
- НА ЧГИГН. Отд. III. Д. 203. Проф. Н.В. Никольский. Пословицы чувашского народа. 315 с.

Егоров Д.В. Общинные суды и особенности крестьянской юстиции чувашей во второй половине XIX – начале XX века

Никольский Н.В. Краткий конспект по этнографии чуваш. Казань: Третья Тип. Губ. Совета, 1919. 104 с.

Никольский Н.В. О пословицах чувашского народа // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары, 1958. Вып. XVIII. 24 с.

Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости // Российское законодательство X–XX веков. Т. 7. Документы крестьянской реформы. М.: «Юридическая литература», 1989. С. 37–77.

Риттих А.А. Крестьянский правопорядок. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1904. 447 с.

Чăваш халăх пултаруляхĕ. Мифсем, легендăсем, халапсем. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2004. 567 с.

Якушкин Е.И. Обычное право. Материалы для библиографии обычного права. Вып. I. Ярославль: Типография губернского правления, 1875. 249 с.

Информация об авторе

Егоров Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, ученый секретарь, БНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» (г. Чебоксары); e-mail: egorov2202@mail.ru

Egorov Dimitry V. – Candidate of Historical Sciences, Scientific secretary, Chuvash State Institute of Humanities (Cheboksary).

**Демографические и миграционные процессы
среди татар Зюрейской дороги в XVIII в.
(на примере дер. Старые Зюри)**

В статье на основе анализа материалов переписей населения XVIII в. рассмотрены демографические и миграционные процессы среди жителей татарской деревни Старые Зюри Зюрейской дороги. Автор приходит к выводу, что в рассматриваемое время существенными факторами, оказывавшими влияние на социально-демографическое развитие татарского сельского населения, были проводившаяся в стране политика по религиозной унификации, а также ужесточение фискальной нагрузки, связанной с переходом от подворного к подушному налогообложению. В публикации показаны география семейных контактов жителей деревни Старые Зюри, особенности социальной структуры их сельского общества. Выявленные данные позволяют говорить о высокой социальной мобильности татар-хлебопашцев Заказанья, широких родовых связях местных жителей, их приверженности традиционному укладу жизни и вере предков.

Ключевые слова: демографическое развитие, татары, Заказанье, Старые Зюри, миграционные процессы.

R.R. Iskhakov

**Demographic and migration processes among the Tatars
of Zureyskaya Daruga in the XVIII century
(on the example of the village of Old Zyury)**

In the article on the basis of the analysis of materials of population censuses of the XVIII century demographic and migratory processes among inhabitants of the Tatar village Old Zyuri of the Zyurey Daruga are considered. The author comes to the conclusion that at the time under consideration the country's religious unification policy and tightening of the fiscal burden were significant factors that influenced the socio-demographic development of the Tatar rural population.. The publication shows the geography of family contacts of the inhabitants of the village of Old Zyury, the features of the social structure of their

Исхаков Р.Р. Демографические и миграционные процессы среди татар
Зюрейской дороги в XVIII в. (на примере дер. Старые Зюри)

rural society. The revealed data allow us to speak about high social mobility of the Tatar-grain farmers of Zakazanye, wider tribal ties of local residents, of their commitment to traditional ways of life and faith of their ancestors.

Keywords: demographic development, the Tatars, Old Zyury, migration processes.

Начало XVIII в. стало временем глубинных преобразований в системе государственного управления, фискальной политики, а также курса на культурно-религиозную интеграцию нерусских народов в имперскую систему Российского государства. Эти реформы оказали существенное влияние на демографическую ситуацию, социальную и конфессиональную структуру татарского общества, повлияли на векторы развития татарского социума. В рамках ретроспективного анализа демографических и социокультурных процессов, происходивших среди татарского сельского населения, весьма перспективным представляется обращение к материалам государственной статистики по отдельным населенным пунктам Заказанья, которые позволяют уточнить и подтвердить выводы в целом по татарским деревням, выявить общие тенденции в развитии поселенческой структуры региона. В рамках данной статьи, основываясь на государственных переписях населения (ландратских книгах и ревизских сказках), рассмотрим демографические и миграционные процессы среди жителей татарской дер. Старые Зюри в 1710–1790-х гг. (в составе Зюрейской даруги (дороги) Казанского уезда до 1782 г., затем в Казанском уезде Казанской губернии).

По данным переписной книги, ясачных крестьян Зюрейской дороги 1710–1711 гг. в дер. Старые Зюри числилось 9 дворов татар, плативших 5 ясаков «без чети» (РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 153. Л. 48 об.). Сопоставляя эти данные с материалами предшествующего времени (Писцовой книги Казанского уезда 1647–1656 гг.) (Писцовая, 2001, с. 208–209), можно констатировать резкое сокращение жителей селения и постепенное превращение Зюри в небольшую деревню, в которой проживали ясачные татары (татары-хлебопашцы). Наряду с информацией о количестве дворов и платимого ясака в данном документе привлекает внимание изменение названия населенного пункта

Исхаков Р.Р. Демографические и миграционные процессы среди татар
Зюрейской дороги в XVIII в. (на примере дер. Старые Зюри)

из Зюри в Старые Зюри. Это является весьма важным доказательством того, что ко времени проведения подворной переписи произошло выселение части жителей из материнской деревни, и образование отдельного населенного пункта (починка) Зюри (Новые Зюри). С этим связано изменение названия деревни, необходимое для разграничения двух сельских общин (Старые и Новые Зюри). Другая важная информация – «отмирание» прежней социальной стратификации, восходившей к временам Казанского ханства, выразившаяся в замене в официальных статистических документах соционима «чуваш» (чюваша) на этноним «татары» (татара).

Весьма важные сведения о жителях дер. Старые Зюри есть в переписных (ландратских) книгах ясачных крестьян Зюрейской дороги Казанского уезда 1716 г. В отличие от писцовых и переписных книг XVI – XVII вв. ландратские книги содержат поименные списки жителей как мужского, так и женского пола. Кроме того, в них имеется информация о размере ясака, структурных подразделениях управления – сотнях, а также сельской администрации (сельских старостах).

Перепись 1716 г. за 6 последних лет зафиксировала дальнейшее резкое сокращение количества дворов и народонаселения деревни. Всего переписчики обнаружили в дер. Старые Зюри 4 двора, продолжавшие платить ясак (РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 153. Л. 48 об.–50).

Кроме того, переписчики отметили процесс выделения из двора Айбулата Булатова семьи его сына Сулеймана Айбулатова и образование новой усадьбы (двора), а также смерть 2-х человек после переписи 1710–1711 гг.

В ландратской переписи 1716 г. в дер. Старые Зюри зафиксировано четыре двора ясачных татар, положенных на два ясака. В деревне насчитывалось 7 чел. м.п. трудоспособного возраста, которые могли полноценно заниматься сельским хозяйством¹.

С 1711 г. отмечается снижение количества дворов деревни, с 9 до 4. Так, семья Тойметки Бимякова, состоявшая из него, его жены

¹ В числе жителей мужского пола 1 чел. был в возрасте за 70 лет, 1 чел. – за 50 лет, 1 чел. – за 30, 3 чел. – за 20 лет, 2 чел. – за 15 лет, 2 ребенка – от 10 лет. Из них женатых – 5 чел., холостых – 5 чел.

Исхаков Р.Р. Демографические и миграционные процессы среди татар
Зюрейской дороги в XVIII в. (на примере дер. Старые Зюри)

Бензенки Курмаметевой, детей Мурзакейки и Яшметки, «бежали в 1711 г.» (Там же, л. 49 об.). Бежали и Какичка Бимяков с женой Латкуйкой Утягановой, Канычка Калеев с женой Устарлейкой Бегилдиной и сыном Саперком, Алычка Чюричеев с женою Гулянкой Ямеевой и сыном Кутлучкой, Азикеика Бимяков с женою Анайкой Балаевой и сыном Зайтком, а также с братом Бимекейкой (Там же, л. 49 об.). Таким образом, за пять лет убыль населения в деревне составила: м.п. – 11 чел., ж.п. – 5 чел.

Это явление можно объяснить несколькими причинами. Увеличение фискальной нагрузки (ясака), установление более жесткого контроля и учета народонаселения привели к росту миграционных процессов среди сельского населения. Можно предположить, что подворные и ландратские переписи 1710–1716 г. также зафиксировали выселение части жителей из материнской деревни в дер. Новые Зюри.

Среди других важных сведений, содержащихся в ландратской книге 1716 г., можно выделить данные о местной сельской администрации. В это время сельской старостой дер. Старые Зюри был житель соседней татарской дер. Тюлязи (деревня в вершине речки Тельзей) Болтачко Бурнашев (Там же, л. 50).

26 ноября 1718 г. Петром I подписывается указ о проведении первой в Российской империи переписи тяглого населения (ревизии) (ПСЗ-I, т. 5, №3245). Перепись жителей Казанского уезда Казанской губернии начала осуществляться в конце января 1719 г. Необходимость проведения поголовной переписи податного населения была связана с переходом от подворной системы налогообложения к подушной. В фискальных целях, налогом (подушным окладом) начали облагать всех мужчин податных сословий независимо от их возраста. Основной единицей статистического учета при ревизиях становятся «ревизские души».

В период проведения I ревизии дер. Старые Зюри входила в состав сотни Девлеева Девлетбахтина Зюрейской дороги Казанского уезда. Ревизия показала проживание в селении 9 семей². В их состав

² В первых двух ревизиях учитывались исключительно жители мужского пола.

Исхаков Р.Р. Демографические и миграционные процессы среди татар
Зюрейской дороги в XVIII в. (на примере дер. Старые Зюри)

входили следующие лица мужского пола: 1) семья сельской старосты Аблайки Дускина (45 лет) (родовая тамга) , 2) семья выборного Айбулатки Кутлубулатова (60 лет) (родовая тамга) , семьи рядовых общинников: 3) Токметка Тюнюков (90 лет), 4) Бемекейка Тюнюков (80 лет), 5) Тюмякейка Бимяков (70 лет), 6) Зайтка Арсланов (20 лет); 7) Кусячка Бурнашов (50 лет), 8) Кикачка Бимяков (70 лет); 9) Канкачка Еналеев (80 лет) (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1084. Л. 256–256 об.).

Из 22 чел. м.п., проживавших в деревне, 11 находились в трудоспособном возрасте. Со времени ландратской переписи 1716 г. отмечается увеличение числа жителей м.п. более чем в два раза. Наряду с естественными демографическими причинами это явление можно объяснить возвращением в Старые Зюри части «убежавших» семей. В частности, Тойметка Бимяков с семьей числившихся по переписи 1716 г. «бежавшими в 1711 г.», по I ревизии были вновь записаны в числе жителей деревни (РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 153. Л. 50). Такая картина была характерна для многих татарских деревень Заказанья. Стремясь избежать выплаты обременительного ясака и других повинностей, часть татарских крестьян покидала обжитые края, переселяясь в Восточное Закамье и Южный Урал. Если в слабозаселенном Оренбуржье татарам удавалось обустроиться, то из Восточного Закамья «беглецов» массово выселяли и возвращали на прежние места приписки. В данном случае государство, заинтересованное в сохранении и увеличении податного населения, платившего ясак, использовало весь возможный административный ресурс для пресечения миграции. В результате многие бежавшие были вынуждены вернуться, что нашло отражение в материалах I ревизии.

Следующая государственная ревизия была проведена в 1744 г. К этому времени в дер. Старые Зюри скончалось 23 ревизских душ м.п. Из них 7 чел. были в возрасте от 73 до 93 лет, 1 чел. – более 50 лет, 8 чел. – от 21 до 50 лет, 6 чел. – от 5 до 16 лет, 1 чел. – возраст не указан. К сожалению, отсутствие в ревизской сказке данных о представительницах женского пола не дает полной демографической картины. Тем не менее можно констатировать весьма высокую смертность населения во всех возрастных группах.

Исхаков Р.Р. Демографические и миграционные процессы среди татар
Зюрейской дороги в XVIII в. (на примере дер. Старые Зюри)

В «Книге переписной, выбывших после 1-й ревизии» наряду с умершими жителями Старые Зюри записаны лица, отданные в рекруты. Срок воинской службы в XVIII в. был неограниченным, по сути, пожизненным, поэтому возвращение рекрута в родное селение после отбытия повинности было крайне редким случаем. В 1724 г. был отдан в рекруты – Мевлеткей Мендыбаев, в 1734 г. – Асаней Косичков, в 1735 г. – Усеинка Сюлейманов, в 1739 г. – Маметкулка Мендыбаев (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1155. Л. 546 об.). При выборе рекрута, община руководствовалась практическими интересами жителей деревни. Выбирали холостых юношей из семей, в которых было несколько взрослых мужчин-кормильцев.

Вторая государственная ревизия, проведенная в 1744 г., показала, что в дер. Старые Зюри проживало 33 ревизских душ м.п. ясачных татар (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1142. Л. 889–891 об.). Третья ревизия 1762 г. является наиболее полной и информативной, позволяющая наряду с численностью и составом мужского населения оценить демографическое положение женской половины, а также выявить семейные контакты татар-хлебопашцев. Данная перепись была последней, зафиксировавшей архаичную административную систему прежнего Казанского ханства. В это время дер. Старые Зюри входила в сотню Абдика Айбулатова Зюрейской дороги (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1205. Л. 309).

Община деревни состояла из 24 дворов (семей). В это время в дер. Старые Зюри проживали также пять семей, причисленных (переведенных) после II ревизии из дер. Таутегермень (*от тат. тау+тигермэн*, т.е. мельница на горе) (совр. д. Таутермень Пестречинского р-на РТ). В Российском государственном архиве древних актов сохранились документы, проливающие свет на причины переезда татар из Таутермень в Старые Зюри. По данным ландратской книги Казанского уезда 1716 г., починок Тигирматов числился «пустошью», так как все жители деревни бежали (о причинах см. выше): «татара з женами и з детми бежали в 1711 году и от того та деревня и запустела, а в бегах где те татара живут того он сотник не знает а дворы де их и ясашная земля и сенные покосы в пуге, нихто не владеет» (Там же, л. 77).

Исхаков Р.Р. Демографические и миграционные процессы среди татар
Зюрейской дороги в XVIII в. (на примере дер. Старые Зюри)

По данным II ревизии 1744 г., в деревне проживало 5 семей пришлых русских людей, среди которых были ясачные и крепостные крестьяне, переселенные из г. Уржума, с. Федоровки Казанского уезда, дер. Илиека Нижегородской губернии, дер. Селцо Костромского уезда; 1 семья крещеных марийцев из дер. Колмешево Уфимского уезда; 1 семья крещеных татар из дер. Назир Ногайской дороги Казанского уезда; 9 семей «вернувшихся» татар-мусульман; 3 семьи татар-мусульман (мишар) из дер. Шенталы и Толкиш Ногайской дороги (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1142. Л. 860–861 об.).

В материалах 3-й государственной переписи 1762 г. в Таутермене были зафиксированы 11 семей русских и обрусевших крестьян и одна семья новокрещеного татарина (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1205. Л. 238). Соответственно 12 семей татар-мусульман, проживавших в этой деревне, выселились из нее. Это могло иметь как добровольный характер, связанный с желанием татар переселиться к единоверцам и тем самым избежать крещения, так и открытым принуждением со стороны государства. По действующему в эту эпоху законодательству крещеные «инородцы» должны были проживать в селениях с исключительно православным населением. Это достигалось путем переселения крестившихся или мусульман в другие населенные пункты. По статистическим материалам более позднего времени (1860-е гг.), жителями дер. Таутермень значились исключительно старокрещеные татары (74 чел.), относившиеся к приходу с. Янцевары Лаишевского уезда Казанской губернии (Малов, 1899, с. 385). Таким образом, эта деревня из татаро-мусульманской превращается в татаро-кряшенскую.

Ревизская сказка зафиксировала семьи, которые пресеклись вследствие смерти или отдачи в рекруты всех ее членов по мужской линии³.

В это время сельским старостой деревни состоял Мансур Мурзакаев (Мурзакаев), выборным – Мухаммет Алмекеев (РГАДА.

³ 1. Семья Бимяковых: Дюсейка Бамяков (умер в 1747 г.), его сын: Рахманкулка (умер в 1747 г.); 2. Ижболда Токметев (умер в 1757 г.); 3. Сармайка Кимячкин (умер в 1757 г.); 4. Нурейка Смаилкин (умер в 1753 г.); 5. Ермак Тимяшев (умер в 1747 г.), его сын Абдолка (пропал без вести в 1756 г.); 6. Абдрейка Айдаркин (отдан в рекруты в 1758 г.).

Исхаков Р.Р. Демографические и миграционные процессы среди татар
Зюрейской дороги в XVIII в. (на примере дер. Старые Зюри)

Ф. 350. Оп. 2. Д. 1205. Л. 315 об.). Перепись показала наличие в деревне 46 душ м.п., положенных в «подушный оклад». «Выбыли» (т.е. умерли или были отданы в рекруты) – 21 чел., «состоят налицо с прибылыми и вновь рожденными» – 56 чел., из причисленных: «положено в подушный оклад» – 8 чел. м.п. (Там же, л. 238).

Основываясь на вышеприведенных материалах, можно сделать несколько важных обобщений. В начале 1760-х гг. в д. Старые Зюри проживало 114 татар – 56 чел. м.п. (также 4 чел. м.п. отбывали рекрутскую повинность) и 59 чел. ж.п. По возрастным критериям жителей можно разделить на четыре группы: 1) старше 50-ти лет – 7 чел. (6,0%); 2) от 16 до 50 лет – 64 чел. (55,2%); 3) от 12 до 16 лет – 7 чел. (6,0%); 4) от 12 лет – 38 чел. (32,8%).

Довольно интересно проследить семейные связи местных жителей. Старозюринцы предпочитали брать жен наряду с родной деревней из татарских селений Зюрейской (17 случаев), Арской (5 случаев), Ногайской дорог (2 случая)⁴. Выдавали своих дочерей замуж в населенные пункты этих же дорог⁵, а также в Каргалинскую слободу Оренбургской губернии (1 случай). Исходя из этих данных, можно очертить устоявшийся круг семейно-родовых связей старозюринцев территорией Заказанья. Исключение составляет пример выдачи замуж за жителя Сеитовской Каргалы (пригорода г. Оренбурга). В данном случае необходимо учитывать, что эта слобода

⁴ Это – дер. Тюлязи (5 зафиксированных случаев), Балыклы (2), Караширма (2), Малые Меретяки (2), Тавели (2), Средняя Меша (2), Малый Алан Зюря тож (1), Студеный Ключ (1), Клянчино Каирли тож (совр. Зангар-Куль) (1), Тохтамышево (1), Новые Зюри (1), Тямти (1), Малый Савруш (1), Мамалаево (1), Икшурма (1), Ямбулат (1), Нижние Щепцы (1) Зюрейской дороги; Урумширма (2), Маметево пустошь (2), Каенсар (1), Ишигари (Иштуган?) (1), Казанчи (1) Арской дороги; Отмас (Укмас) (2), Шали (1) Ногайской дороги.

⁵ Это – Тюлязи (3 зафиксированных случая), Средняя Меша (2), Таутегерман (Тегерман тавы) (2), Новые Зюри (2), Караширма (2), Балыклы (2), Малый Алан Зюря тож (1), Малый Савруш (1), Малый Меретяк (1) Зюрейской дороги; Урумширма (2), Бурунчи (1), Тиньяева Сабы (1), Сабаетово (1), Шайтан Ключ (1), Казанчи (1) Арской дороги; Салтан Ногайской дороги.

Исхаков Р.Р. Демографические и миграционные процессы среди татар
Зюрейской дороги в XVIII в. (на примере дер. Старые Зюри)

была основана в 1744 г. татарами, выходцами из Арской и Зюрейской дорог Казанского уезда. Судя по ревизским сказкам, выдавали замуж девушек, достигших 15–16-летнего возраста.

В числе семей деревни были как малые (состоявшие из одной семьи), так и большие патриархальные (состоявшие из семьи отца и не отделившихся сыновей) семьи. Встречались примеры полигинии (многоженства) – у некоторых крестьян имелись по 2 и 3 жены. При этом в ряде случаев жены были намного старше мужей. Все это можно объяснить прагматичными интересами татар-хлебопашцев, желавших за счет женитьбы приобрести лишние «рабочие руки». Личные симпатии вступающих в брак практически не учитывались. Распространение полигинии, наряду с мусульманскими традициями, можно объяснить также высоким уровнем мужской смертности и численным преобладанием женского пола над мужским.

Рост численности населения дер. Старые Зюри показали и последующие ревизские переписи, правда, ее динамика не была такой высокой, как ранее. Так, по данным V ревизии (1795 г.), в деревне насчитывалось 28 семей (дворов), состоявших из 176 чел. (78 чел. м.п. и 98 чел. ж.п.) (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 416. Л. 65). Одним из факторов, оказывавших влияние на демографическую ситуацию в дер. Старые Зюри, были миграционные процессы. Как уже отмечалось, резкое снижение народонаселения в начале XVIII в. объяснялось выселением части жителей из «материнской» деревни в починки, а также бегством от усиливающегося фискального гнета. Во второй трети XVIII в., напротив, наблюдается быстрый рост численности татар, объяснявшийся подселением в Старые Зюри ясачных татар дер. Таутермень Зюрейской дороги.

Таким образом, изучение материалов государственных переписей населения показало существенное колебание численности жителей дер. Старые Зюри на протяжении XVIII в., что было напрямую связано с политикой государства в отношении татарского населения (усиление фискального гнета, христианизация, социальная унификация).

Исхаков Р.Р. Демографические и миграционные процессы среди татар Зюрейской дороги в XVIII в. (на примере дер. Старые Зюри)

Источники и литература

1. Малов Е.А. Миссионерство среди мухамедан и крещеных татар. Сборник статей. Казань, 1899. 462 с.
2. Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов. М., 2001. 541 с.
3. ПСЗ-I. Т. 5. СПб., 1830. 780 с.
4. РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 153.
5. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 416.
6. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1084.
7. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1142.
8. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1155.
9. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1205.

Информация об авторе

Исхаков Радик Равильевич – доктор исторических наук, руководитель Центра изучения истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань); e-mail: ishakovist@gmail.com

Iskhakov Radik R. – Doctor of Historical Sciences, Head of the Center for the Study of history and culture of Tatar-Kryashens and Nagaibaks, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan).

Характеристика П.И. Пашино татарского мусульманского духовенства второй половины XIX века

Мусульманское духовенство, исторически сложившееся как духовное сословие профессиональных служителей религии, являлось влиятельной прослойкой дореволюционного татарского общества. Муллы были не только служителями религии, настоятелями праведности и учености, но и духовными лидерами своего народа, хранителями культуры и традиций татар.

В статье приводится краткая характеристика татарского мусульманского духовенства второй половины XIX века в виде 12 типов по образу жизни, поведению и профессиональной деятельности.

Ключевые слова: мулла, ишан, абстай, поведение, деятельность.

R.I. Malikov

Characteristic of P.I. Pashino of the Tatar Muslim clergy of the second half of the XIX century

The Muslim clergy, historically established as the spiritual class of professional Ministers of religion, were an influential stratum of pre-revolutionary Tatar society. Mullahs were not only Ministers of religion, abbots of righteousness and learning, but also spiritual leaders of their people, guardians of the culture and traditions of the Tatars.

The article gives a brief description of the Tatar Muslim clergy of the second half of the 19th century in the form of 12 types in lifestyle, behavior and professional activity.

Keywords: mulla, ishan, abstai, behavior, activity.

Мусульманское духовенство, исторически сложившееся как духовное сословие профессиональных служителей религии, являлось влиятельной прослойкой дореволюционного татарского общества. Муллы были не только служителями религии, настоятелями пра-

Маликов Р.И. Характеристика П.И. Пашино татарского мусульманского духовенства второй половины XIX века

ведности и учености, но и духовными лидерами своего народа, хранителями культуры и традиций татар. Во все важные моменты жизни народ обращался к мулле: в случае рождения ребенка муллу приглашали для чтения азана и наречения имени, на свадьбе он освящал брак чтением специально предназначенных на этот случай молитв (Никах), мулла же напутствовал умирающего, читая «Ясин» (гл. 36 Корана), и сопровождал умершего на кладбище и т.п. Таким образом, не было ни одного серьезного момента в человеческой жизни благочестивого мусульманина, когда бы он не обращался к мулле за удовлетворением религиозных нужд (Коблов, 1907, с. 16).

Муллу в татарской деревне был всем: «совершитель» молитвенных обрядов, учителем детей, советником во всех житейских делах и даже судьей. Неудивительно, что муллы пользовались у татар огромным влиянием и уважением (Там же).

Демократ-разночинец П.И. Пашино (1836–1891) по образу жизни, поведения и деятельности дает характеристику татарскому мусульманскому духовенству, разделив их на следующие категории:

- 1) **Шакирды** – учащиеся медресе, от 6 до 25 лет.
- 2) **Учителя** в медресе, намеривающиеся стать муллой. Большая часть – это недавние выпускники медресе, среди которых есть и те, которые посвящали себя только преподаванию.
- 3) **«Мулла-ученый, любознатель»**. П.И. Пашино приводит пример муллы историков. По его мнению, такие муллы всегда стремились к новым знаниям, всегда искали ответы на интересующиеся вопросы, много читали, новые мысли записывали в свои тетради, писали книги. Когда встречались такого рода муллы, они любили между собой дискутировать, доказывая правоту своей точки зрения. По причине незнания русского языка испытывали недостаток в новых источниках и научных открытиях. К служебным обязанностям относились ответственно. Не пропускали общественные молитвы, хорошо вели обучение грамоте и религиозным дисциплинам. Они много знали и много рассказывали. Обычно проповеди, особенно пятничные, у таких мулл длились долго.
- 4) **«Муллы знахари, целители»**. Такие муллы различные заболевания лечили с помощью чтения сур из Корана, молитвами. Некоторые применяли и средства народной медицины.

5) **«Муллы куштаны»** – подхалимы. П.И. Пашино их разделяет на 4 вида: первые – это куштаны, живущие на стороне народа, душа общества и глава всех сходок, вторые – шпионы земских властей, третьи – куштаны в торговле, по-другому маклеры, и четвертые – ходатайствующие по разным делам посредники. Общий характер этих людей – активность, коммуникабельность, хитрость, знание русского языка. Такие типы мулл занимались разного рода сделками, входили в доли, участвовали за определенную плату в судебных делах прихожан, сочиняли разного рода прошения, жалобы, порой даже кляузы. Стремились заводить дружбу с людьми во власти и богатыми, делали им подарки. Часто с ними вместе проводили время. Порой даже некоторые всячески угождали им, выпивая спиртное, нюхая табак и матерясь. Вследствие постоянных происков личной выгоды, они жили достаточно богато. Часто находились в разъездах. Безответственно относились к своей службе, предпочитая заниматься своими делами. Например, проспали утреннюю молитву или опоздали, они не беспокоились и не шли в мечеть, считая, что и без нее обойдутся, говоря: «Пусть муэдзин работает». Прихожане не любили таких мулл, однако остерегались входить в конфликт с ними, даже угождали им, так как у них были свои становые, в городе – свои судьи, свои исправники, окружные, друзья, братки, нужные люди. Муллы такого типа были полностью заняты мирскими делами. Для них религиозные постулаты, мораль были часто на втором плане, а должность муллы служила для них прикрытием, нужна была для общественного статуса и влияния. В их приходах обычно население не часто посещало мечеть, часто враждовало между собой, находилось на низком уровне грамотности, богобоязненности и морали.

6) **«Муллы-торгаши»**. Эти муллы параллельно со службой, а порой и в ущерб, занимались торговлей. Среди них встречались люди, безответственно относящиеся к службе и приходу, большую часть своего времени использовали в выгодных сделках. Заводили дружбу с людьми власти и богатства. Весь их интерес был в накоплении богатства. От этого их приходы и в целом служба находились в плохом состоянии.

7) **«Муллы-смиренники».** Этого типа муллы выглядели очень набожными людьми. Разговаривали, не спеша, в полголоса, опуская глаза. Их жизнь была однообразной и тихой. Народ любил таких мулл и питал к ним большое уважение. Они не были лицемерами, а людьми, знающими свое положение. Были всегда готовы на откровенную беседу. При разговоре часто цитировали изречения из Корана и разных книг. Хорошо исполняли свои служебные обязанности.

8) **«Муллы поэты».** Они были среди смиренников. В своих стихах они красноречиво писали о трудностях жизни, которые народ терпит от местных чиновников, о восхвалении Аллаха, о любви, о бренности жизни, о благородных поступках, о деревенской жизни, о природе и т.п.

9) **«Муллы ишаны».** Муллы этого типа были суфийскими наставниками, имевшие огромное влияние на население. Они были далеки от интриг, сплетен, поисков новостей. Вели однообразную целомудренную жизнь, строго исполняли все религиозные предписания и нравственные постулаты. Каждый ишан имел медресе с большим числом учеников, которые старались подражать ему, даже например в одежде. Служебные обязанности выполняли тщательно, в их приходах население было очень религиозным, дружным, с хорошей нравственностью. В деревне, где они жили, невозможно было найти пьяных. Они много получали милостыни и подарков, в то же время сами активно занимались благотворительностью, особенно помогали погорельцам, шакирдам. Их молитвы считались исцеляющими. С близко стоящим начальством ишаны имели хорошее знакомство, каждый год они им давали подарки.

Исследователь П.И. Пашино также отмечает, что ишаны активно вели миссионерскую деятельность среди крещеных татар и соседних народов (чуваша, марийцы, удмурты и др.). Рядом с ишанами всегда находились их наместники – близкие ученики, которым они передавали свои обязанности. После смерти за праведную жизнь население причисляло их к лику святых (аулия), и их могилы всегда посещались и были почитаемы. Среди них встречались и мошеники, то есть не настоящие ишаны.

10) **«Мулла лицемер, грешник».** Эти муллы, хотя и встречались редко, отличались своей двуличностью. Жили они обычно ря-

дом с городом или русскими селениями, где проживал помещик или же другие богачи. Они среди своих прихожан были как примерные, фанатичные мусульмане, а с русскими и другими пили водку, кушали запрещенное мясо, нюхали табак, пели песни, танцевали и всячески угождали им в угоду своим интересам и страстям.

11) **«Устабика, муллиха».** Эту категорию женщин исследователь П.И. Пашино относит к мусульманскому духовенству. Они были первыми лицами своего прихода, пользуясь порой одинаковыми почестями своего супруга – имама. Имея хорошее религиозное образование, они обучали девочек прихожан. Каждую пятницу у себя дома собирали женщин и рассказывали проповеди об исламе, делали наставления, вели душевные беседы за чаепитием. Также по просьбе отдельных прихожан они молились за их благополучие, например, при родах, болезнях и др. По приглашению женщин прихожан на дому выполняли некоторые религиозные обряды, вели меджлисы и мероприятия.

12) **Остальные муллы** разделялись на **«муллы плутоватые»** – то есть хитроумные, лукавые и **«муллы сонные»** – ничем особо не отличающиеся, ведущие пассивный образ жизни и службу (Шино, 1860, с. 274–284).

Таким образом, исследователь П.И. Пашино дает довольно интересную и точную психологическую характеристику татарского мусульманского духовенства, разделив их по поведению и деятельности на 12 категорий. Но было бы точнее, если бы им были учтены процентные соотношения каждой категории и в целом более подробно изучена данная тема. К сожалению, в тех реалиях и условиях ему было сложно сделать более масштабное исследование.

В итоге автор коротко показал насколько были различны характеры поведения мулл, их отношение к службе, влияние на прихожан и нравственные качества. На некоторые категории мулл, описанных П.И. Пашино, можно привести параллели и в современном татарском мусульманском духовенстве.

Маликов Р.И. Характеристика П.И. Пашино татарского мусульманского духовенства второй половины XIX века

Источники и литература

1. Шино П. (Пашино П.И.) Волжские татары // Современник. 1860. Т. 81. С. 274–284.
2. Коблов Я.Д. О магометанских муллах. Религиозно-бытовой очерк. Казань: Центр. тип., 1907. 17 с.
3. Маликов Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв. Казань: РИУ, 2013. 218 с.

Информация об авторе

Маликов Рашид Ильязович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института международных отношений Казанского федерального университета (г. Казань); e-mail: rashidbua@mail.ru

Malikov Rasheed I. – Candidate of Historical Sciences, Senior researcher, Institute of International Relations, Kazan Federal University (Kazan).

О.И. Марискин

Мирские сборы крестьянской общины Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века

Мирские сборы отличались, прежде всего, от прочих податей и налогов тем, что вначале предварительно определялись потребности общины, а потом в соответствии с ними община определяла сумму сборов. Кроме сельских сборов, на крестьян накладывались волостные расходы, значительную долю которых составляли административные. Статистика показывает достаточно стабильную выплату крестьянами мирских налогов даже в годы неурожая, что говорит об их приоритете для сельского населения в отличие от казенных и земских сборов. В действительности сумма сборов намного превышала указанные цифры, так как значительная часть мирских потребностей удовлетворялась за счет разного рода мирских доходов и в качестве натуральных повинностей. В пореформенный период идея прогрессивно-подходящего налогообложения не получала поддержку в крестьянской среде: сельские общины ни один из видов обложения не соизмеряли с общей доходностью хозяйства. Волостные и сельские мирские сборы, по сути, представляли собой местный бюджет, обеспечивающий крестьянскую общину существенными финансовыми ресурсами, определенной долей власти и компетенции в масштабах селения, волости и уезда.

Ключевые слова: сельская община, крестьянство, мирские сборы, налогообложение, Среднее Поволжье.

О.И. Mariskin

Self-taxation of the rural community of the Middle Volga region in the second half of the XIX-early XX century

Self-taxation differed, first of all, from other taxes and duties that at first preliminary requirements of a community were defined, and then according to them the community defined the amount of collecting. In addition to village fees, rural municipality expenditures were imposed on peasants, a significant proportion of these expenses were administrative. Statistics show a fairly stable payment of secular taxes by peasants even in the years of crop failures, which

Марискин О.И. Мирские сборы крестьянской общины
Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века

indicates their priority for the rural population in contrast to the state and Zemstvo fees. In fact, the amount of fees far exceeded these figures, since a large part of the worldly needs were met by various kinds of worldly income and as natural duties. In the post-reform period, the idea of progressive income taxation did not receive support in the peasant environment: rural communities did not measure any of the types of taxation with the total profitability of the economy. Volost and rural lay fees, in fact, represented a local budget, providing the peasant community with significant financial resources, a certain share of power and competence in the scale of the village, parish and County.

Keywords: rural community, peasantry, self-taxation, taxation, Middle Volga region.

Отечественная историография имеет определенные наработки по исследованию мирских сборов крестьянской общины (Бржеский, 1896, 1897, 1906; Дружинин, 1905; Трирогов, 1882; Анфимов, 1984; Вронский, 2000; Зырянов, 1992; Данилов, 1971; Кучумова, 1981; Кабытов, 1982; Савельев, 1994; Смыков, 1984; Никитина, 1993). В то же время эволюция мирских сборов в период модернизации России во второй половине XIX – начале XX в. не являлась предметом комплексного исследования, многие вопросы остаются пока дискуссионными или слабо изученными. Актуальность и практическая значимость темы возрастает в связи с развитием взаимоотношений федерального центра, регионов и местных органов власти, формированием многоуровневого бюджета: государственного – регионального – местного.

По обычаю, сельская община имела право на самообложение. Мирские сборы отличались, прежде всего, от прочих податей и налогов тем, что вначале предварительно определялись потребности общины, а потом в соответствии с ними община определяла сумму сборов. Крестьянские общества устанавливали мирские сборы на устройство и поддержание церквей, заведение сельских училищ, содержание учителей и на удовлетворение других общественных и хозяйственных потребностей. На крестьянские общества возлагались также: содержание общественного управления; принятие мер, предписываемых врачебным уставом в случае появления заразных болезней (в том числе расходы по оспопрививанию) и скотских па-

Марискин О.И. Мирские сборы крестьянской общины
Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века

дежей; устройство и содержание сельских запасных магазинов; содержание в исправности проселочных дорог, меж и межевых знаков, проточных вод и каналов на землях, принадлежащих мирским обществам или состоящих в их постоянном пользовании; содержание караулов в деревнях, призрение престарелых, дряхлых и увечных членов общества и т.д. В частности, в Самарском уезде мирские сельские сборы, установление и исчисление которых зависели от мира, складывались в 1880-е гг. из следующих основных статей: 1) жалованье сельскому старосте (от 6 до 100 руб.); 2) жалованье церковному старосте и сторожу (от 30 до 50 руб. в год каждому); 3) жалованье сотскому и десятскому (от 8 до 10 руб.); 4) награды рекрутам и расходы на их проезд (от 2 до 5 руб. на каждого); 5) сборы на постройку и ремонт общественных мостов, гатей, дорог, колодцев и т.п.; 6) пожертвования на общественные молебны (от 3 до 10 руб.); 7) плата пастухам (от 50 до 1 000 руб.); 8) жалованье лесному и полевому сторожам; 9) непредвиденные расходы (на наем въезжей избы, «карцьи» для временного заключения мелких воров, буянов и др., жалованье сельскому писарю (земскому), на свечи, бумагу, угощение приезжего чиновника, погребение случайно зашедшего и умершего странника и т.п.; на что приходилось в общей сложности от 50 до 200 руб. в год (Сборник статистических сведений, 1883, с. 86).

Кроме сельских сборов, на крестьян накладывались волостные расходы, значительную долю которых составляли административные. По данным 46 губерний Европейской России, в 1881 г. 45,3% мирских расходов шло на жалование должностным лицам, 10,3 – на содержание общественных зданий, 26 – разъездных лошадей, 6,1 – на народное образование, 2,5% – «на народное здравие» (Статистический временник, 1886, с. 20). В 1895 г. по данным Центрального статистического комитета, в 47 губерниях Европейской России ежегодно тратилось на содержание волостного управления 11,2 млн руб., что составляло 80% всех волостных расходов (Леонтьев, 1914, с. 83).

Н. Бржеский, специально и очень тщательно изучивший все детали мирского обложения крестьян в конце XIX в., констатирует факт соответствия увеличения мирских расходов облегчению тяжести казенных повинностей (Бржеский, 1906, с. 200), т.е. как только

Марискин О.И. Мирские сборы крестьянской общины
Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века

казенные платежи понижались, то немедленно возрастали мирские расходы, поглощая иногда всю или большую часть дохода, освободившегося от понижения казенного обложения.

По данным отчетов податных инспекторов, общие мирские сборы в конце XIX – начале XX в. (за исключением голодных 1891–1892 гг.) выросли в 2,9 раза и составили в 1912 г. по Среднему Поволжью (Казанская, Пензенская, Самарская, Симбирская губернии) 6873,1 тыс. руб. Если с 1 дес. облагаемой земли в 1893 г. выплачивалось в среднем 18 коп., то в 1912 г. – 50 коп. (Марискин, 2004, с. 112–113). До 1905 г. мирские сборы были заметно меньше казенных налогов, с отменой выкупных платежей их тяжесть сравнялась. В то же время поступление мирских сборов превышало земские платежи в среднем в 1,4 раза. Статистика показывает достаточно стабильную выплату крестьянами мирских налогов даже в годы неурожая, что говорит об их приоритете для сельского населения в отличие от казенных и земских сборов.

Сумма мирских расходов в действительности намного превышала указанные цифры, так как значительная часть мирских потребностей удовлетворялась за счет разного рода мирских доходов. По исследованию 1894 г., в Казанской губернии сборы по раскладке составляли 70% мирского доходного обложения, остальные 30% покрывались разного рода доходами (сдача в наем общественной земли, доход за разрешение торговли питейному заведению, сдача ярмарочных, базарных площадей и лавок и т.п.) (ГА РТ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 17. Л. 3). Наконец, известно, что часть местных потребностей удовлетворялась натурой. Правда, повышение мирских сборов и расходов являлось иногда и чисто бухгалтерским моментом, когда, например, суммы, прежде собираемые по «складкам», начинали вноситься в сметы, чем увеличивали общий итог. Суммы сборов возрастали и за счет злоупотреблений и невнимательности сельских должностных лиц (РГИА. Ф. 1291. Оп. 38. Д. 49. Л. 1–1 об.; Д. 46. Л. 4–4 об.).

В конце XIX – начале XX в. в структуре мирских расходов соотношение волостных и сельских сборов было практически одинаковым и составляло по губерниям Среднего Поволжья 1:3. Доля, идущая на содержание волостного и сельского административного аппарата, в связи с относительным ростом сборов сократилась и

Марискин О.И. Мирские сборы крестьянской общины
Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века

составила в 1905 г. 27% (в 1881 г. – 45,3%). Более 9% из мирских сумм составляли расходы на народное образование и столько же на религиозные потребности, около 8% тратилось на уплату казенных, земских и других сборов, 5% – на подводную повинность (Мирские доходы, 1909, с. XXXII, XXXIX; Мирские доходы, 1895, с. XIX, XXXI). В этот период значительно возросли сборы, использовавшиеся на покрытие сельскохозяйственных расходов (более 15%): покупка, аренда и размежевание земель, борьба с вредителями, покупка и содержание общественных производителей (жеребцов, быков и др.), плата пастухам, полевым, луговым и лесным сторожам, мелиорация (орошение, осушение, облесение оврагов), а также покупка улучшенных семян и сельскохозяйственных машин и орудий.

В дальнейшем мирские траты на сельскохозяйственные потребности еще более увеличились, что говорило об их первостепенной важности для крестьян. Существенное место среди них стали занимать мелиоративные расходы, особенно в южных уездах Самарской губернии. Так, по приговорам 45 волостей (из 52) Новоузенского уезда, составленных в первых числах мая 1914 г., было намечено 915 работ, из них 519 (или 56,7%) мелиоративных – плотины, пруды, водоспуски, укрепление песков и оврагов; 157 (17,2) дорожных – мосты, шоссе, срытие косогоров; 239 (26,1%) прочих работ смешанного характера – колодцы, дамбы и насыпи. Всего работ было запланировано на сумму 2132460 руб. 20 коп., из них мелиоративных на 1650965 руб. 70 коп., или 77,4% (Попов, 1915, с. 10). По Николаевскому уезду (обследовано 63 волости) намечалось 2178 отдельных работ на сумму 2416452 руб. 50 коп., из них 916 мелиоративных (в том числе 837 работ по устройству плотин) на сумму 1413215 руб. (или 58,6% от всей предложенной стоимости) работ, 699 дорожных (из них 317 по устройству мостов) на 746467,5 руб. (31%), 563 прочие работы (в том числе 526 по рытью колодцев; 10,4% от предложенной стоимости) (Там же, с. 74).

Первичным моментом податной деятельности сельских обществ являлась разверстка оклада между отдельными плательщиками. В пореформенный период во всех губерниях Среднего Поволжья казенные, земские и мирские сборы по общему правилу

Марискин О.И. Мирские сборы крестьянской общины
Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века

распределялись на сходе между домохозяевами по тем же единицам, по которым разверстывалась между ними общинная земля.

В Симбирском уезде, по сведениям В. Э. Красовского, разверстка платежей и повинностей проводилась одновременно с разверсткой земли, но всегда разверстка начиналась с земли, а по количеству имеющейся у домохозяина земли распределялись все платежи и повинности. За единицу распределения платежей и повинностей принималась рабочая душа (РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 768. Л. 3; Сборник материалов, 1880, с. 370–371).

Преобладающий порядок разверстки общинной земли в Симбирском, Сызранском и Буинском уездах – по ревизским душам. По Сызранскому уезду эта разверстка удерживалась преимущественно в многоземельных селениях с хорошей почвой (6 – 7 дес. на 1 душу). При меньшем душевом наделе в том же уезде земля разверстывалась в основном по числу наличных мужчин в каждом дворе. В Курмышском уезде в большинстве обществ был принят тот же порядок разверстки земли по наличному мужскому населению в каждом дворе; ревизский же счет остался лишь в тех обществах, где домохозяева с малой семьей при сравнительно большом наделе получали на сходе перевес и не допускали перехода к разверстке сборов по наличным душам. В нескольких селениях Курмышского уезда разверстка земли проводилась по числу едоков в каждом дворе (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1525. Л. 1 об., 2; Существующий порядок, 1894, с. 70). В Ардатовском уезде существовал и тот, и другой порядок разверстки общинной земли – по ревизским душам и по наличному мужскому населению. Захудалым домохозяевам или тем, кого постигло временное бедствие, льгот по обложению в Симбирской губернии не предоставляли. Для них только в Алатырском уезде допускалась отсрочка уплаты сборов.

К концу XIX в. в некоторых общинах Симбирской губернии за основание раскладки принималось количество имеющейся надельной земли, разделенной на одинаковые пай. При этом мирские сборы могли разверстываться на домохозяев по количеству находящейся в их в пользовании усадебной земли (ЦГА ЧР. Ф. 148. Оп. 3. Д. 199. Л. 9–11).

Марискин О.И. Мирские сборы крестьянской общины
Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века

В 1860 – 1880-е гг. в Казанской губернии разверстка земли по ревизским душам преобладала в северных нечерноземных уездах. Так, в Козьмодемьянском уезде ревизской разверстки земли придерживались в 111 общинах (в надежде на новые прирезки земли при ожидаемой ревизии), а по наличному населению – в 32 общинах; в Чебоксарском уезде ревизская разверстка осуществлялась в 105 общинах (в селениях бывших помещичьих и в половине селений бывших государственных), а в остальных 68 селениях (бывших государственных крестьян) – по наличному населению. Также по ревизским душам версталась земля в Царевококшайском, Мамадышском, Тетюшском уездах (РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 777. Л. 5, 7, 19–22, 24, 30, 36, 48, 83–86, 125–126, 225–228, 337, 356). В черноземных же уездах: Ядринском, Цивильском и Свияжском – земли делились в основном по наличному населению. При разверстке по наличному населению в Козьмодемьянском уезде не исключали ни только что родившихся младенцев, ни вдов; в Свияжском – по некоторым обществам исключались малолетние, а по другим на них нарезалась земля в половинном размере; в некоторых русских селениях Лаишевского уезда паи земли давали и девочкам – по одному душевому наделу на двух девочек (Существующий порядок, 1894, с. 62, 63).

В Спасском уезде, по отчетам Т. Иванова, разверстка повинностей проводилась не одновременно с разверсткой земли. Первая происходила осенью в сентябре, а вторая – весной и в начале лета: по душам, тяглам, дворам, чередам, головам. Безземельные освобождались только от платежа за землю, от податей (подушных), но не освобождались от платежа мирских денежных и натуральных повинностей и других побочных взысканий, «...а равно не освобождались от них и те, у которых хозяйство пришло в упадок» (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 466. Л. 22). В Чаксинской общине Мамадышского уезда считали, что каждый ее член должен нести одинаковые обязанности с другими и на его долю должно приходиться всегда равное количество угодий, поэтому разверстку всегда начинали с платежей (РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 777. Л. 126).

Казенные и земские сборы во всех уездах Самарской губернии разверстывались между домохозяевами по количеству числящейся у них земли. В Самарском и Ставропольском уездах преобладала

Марискин О.И. Мирские сборы крестьянской общины
Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века

ревизская разверстка земли. В остальных уездах земля делилась и по ревизскому счету, и по количеству мужского населения разного возраста или начиная с 10, 12, 15 лет и т.д. Разверстка земли по мужскому населению более всего была распространена в Новоузенском уезде, хотя здесь встречались и ревизский счет, и наложение платежей на рабочую душу (РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 770. Л. 8, 23 об., 24; Существующий порядок, 1894, с. 58).

Волостные сборы раскладывались во второй половине XIX в. между селениями на волостных сходах в большинстве случаев по числу ревизских душ (Бржеский, 1906, с. 128). Очевидна неравномерность такого обложения. С одной стороны, со времени последней ревизии, т.е. с 1858 г., число ревизских душ различных селений волости совершенно не соответствовало действительному количеству населения в них, с другой стороны, ревизские души разных селений были наделены землей неравномерно.

Что касается мирских сельских сборов, то часть их разверстывалась на одинаковых основаниях с казенными и земскими – именно те, которыми покрывались обязательные расходы сельского общества (ст. 179 Положений). Остальные мирские сборы разверстывались нередко на иных основаниях, смотря по их назначению. Так, сборы с пастухов и на содержание общественного быка распределялись по числу голов скота; сборы на ночных караульных и на пожарный обоз взимались поровну с каждого двора; на содержание училищ – по числу детей, обучающихся в школе, и т.п. (ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 586. Л. 14 об.–15).

По материалам Этнографического бюро, в Симбирской губернии часть мирского сбора нередко разверстывалась в зависимости от назначения: по числу домов раскладывался сбор на караул, по числу голов скота – сбор на пастьбу скота и т.д. (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1525. Л. 1 об.). В Нижнеломовском и Саранском уездах Пензенской губернии мирские сборы раскладывались по наличному мужскому населению, не исключая безнадельных крестьян; в Пензенском уезде пастуший сбор раскладывался по количеству голов скота, все другие – одинаково с казенными и земскими; в Городищенском уезде, кроме количества находящегося во владении двора земли, учитывались наличный состав каждого двора и его неземле-

Марискин О.И. Мирские сборы крестьянской общины
Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века

дельческие заработки, и сбор взимался без различия предмета его назначения. По Наровчатскому уезду сельский сбор раскладывается на одинаковом основании с казенными и земскими, волостной же – только на ревизские души (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1525. Л. 5).

В Бугурусланском уезде Самарской губернии сбор на содержание караула разверстывался между домохозяевами поровну («с дыма»), на жалованье причту – по всему населению, без различия пола. В Чистопольском уезде Казанской губернии мирской сбор разверстывался отдельно от казенных. Часть мирского сбора уплачивалась сдачей «обрезков» земли, оставшихся от полных душевых наделов; другая часть разверстывалась по ревизским душам или в зависимости от назначения сбора – например, страховой взимался с суммы, на которую было застраховано имущество, сбор на пастуха – по количеству скота. В Казанском и Ядринском уездах волостной сбор разверстывался по числу десятин земли (причем облагалось и частное землевладение крестьян) (Существующий порядок, 1894, с. 58, 63, 64).

В Среднем Поволжье препятствием для перехода с разверстки по ревизским душам на новые разверсточные единицы служило ожидание ревизии (убеждение, существовавшее у крестьян будто делить землю можно одновременно с казенной ревизией). Поэтому до 80-х гг. XIX в. земельных переделов по новым основаниям почти не было. Однако тщетное ожидание ревизии в течение двадцати лет, большое несоответствие наделов разверсточной единице, затруднение в отбывании повинностей – все это побудило, наконец, крестьян перейти к распределению земли по новым основаниям. В частности, к концу XIX в. в Казанской губернии 54,74% общин делили землю по наличным душам, 39,15 – по ревизским, 1,64 – по работникам, 1,5 – по тяглам, 0,55 – по едокам, 0,14% – по дворам (Общий свод, 1896, с. 354). В начале XX в. в Свияжском уезде Казанской губернии в 56,4% обществ раскладка налогов проводилась на наличные души, в 25,5 – на ревизские души, в оставшихся 18,1% применялся новый вид разверстки, в большей степени связанный с совокупным доходом хозяйства, – по числу плательщиков (ГА РТ. Ф. 556. Оп. 8. Д. 1. Л. 3–206; Оп. 15. Д. 1. Л. 69).

В пореформенный период идея прогрессивно-подходящего налогообложения не получала поддержку в крестьянской среде: сель-

Марискин О.И. Мирские сборы крестьянской общины
Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века

ские общины ни один из видов обложения не соизмеряли с общей доходностью хозяйства. В том, что раскладка податей была строго привязана к земельной разверстке, сказался традиционный взгляд на экономическое и податное значение земли как главного капитала, находящегося в распоряжении крестьян. Общая совокупность дохода двора как основание для раскладки более чем всякое другое основание, по мнению крестьян, способно было породить злоупотребление сельских сходов.

Волостные и сельские мирские сборы, по сути, представляли собой местный бюджет, обеспечивающий крестьянскую общину существенными финансовыми ресурсами, определенной долей власти и компетенции в масштабах селения, волости и уезда.

Источники и литература

1. АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 466.
2. АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1525.
3. ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 586.
4. ГИА ЧР. Ф. 148. Оп. 3. Д. 199.
5. ГА РТ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 17.
6. ГА РТ. Ф. 556. Оп. 8. Д. 1.
7. ГА РТ. Ф. 556. Оп. 15. Д. 1.
8. РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 768.
9. РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 770.
10. РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 777.
11. РГИА. Ф. 1291. Оп. 38. Д. 46.
12. РГИА. Ф. 1291. Оп. 38. Д. 49.
13. Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России: 1881–1904 гг. М.: Наука, 1984. 232 с.
14. Вронский О.Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917). М.: [Б/и], 2000. 417 с.
15. Бржеский Н.К. Натуральные повинности крестьян и мирские сборы. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1906. [3], 219 с.
16. Бржеский Н.К. Круговая порука сельских обществ: суждения редакционных комиссий по составлению положений 19 февраля 1861 г. и правительственные взгляды за время с 1861 по 1895 г. СПб.: тип. В. Киришбаума, 1896. VIII, 114, [1] с.

Марискин О.И. Мирские сборы крестьянской общины
Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века

17. Бржеский Н.К. Недоимочность и круговая порука сельских обществ: историко-критический обзор действующего законодательства, в связи с практикою крестьянского податного дела. СПб.: тип. В.Киршбаума, 1897. [6], IV, 427 с.

18. Данилов В.П. К вопросу о характере и значении крестьянской поземельной общины в России // Проблемы социально-экономической истории России. М.: Наука, 1971. С. 341–359.

19. Дружинин Н.П. Очерки крестьянской общественной жизни. СПб.: типолитограф. А.Г. Розена, 1905. 253 с.

20. Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России, 1907–1914 гг. М.: Наука, 1992. 256 с.

21. Кучумова Л.И. Сельская поземельная община в Европейской России в 60–70-е гг. XIX в. // Исторические записки. М., 1981. Т.106. С. 323–348.

22. Леонтьев А. А. Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. 2-е изд., пересмотр. и доп. изложением новых землеустроительных законов. СПб.: юрид. кн. маг. И.И. Зубкова под фирмой «Законоведение», 1914. VIII, 364 с.

23. Марискин О. И. Государево тягло. Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой трети XX века (по материалам Среднего Поволжья). Саранск: изд-во Морд. ун-га, 2004. 237, [2] с.

24. Мирские доходы и расходы крестьян за 1891 год в 50-ти губерниях Европейской России. СПб.: Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1895. XII, 171 с.

25. Мирские доходы и расходы за 1905 год по 50 губерниям Европейской России. СПб.: Электротип. Стойковой, 1909. [2], 4, XL, 401 с.

26. Никитина Г.А. Сельская община – буксель – в пореформенный период (1861–1900 гг.). Ижевск: УИИЯЛ, 1993. 155, [3] с.

27. Общий свод данных хозяйственно-статистического исследования Казанской губернии. Часть экономическая. Казань: типо-лит. В.М. Ключникова, 1896. [636] с. разд. паг., 4 л. карт.

28. Попов В. И. Общественные работы, намеченные приговорами сельских обществ Самарской губернии // Труды организации по изысканиям и работам в Среднем и Нижнем Поволжье. Том. III. Вып. 2. Экономическо-статистические исследования. Саратов: Тип. Губ. правления, 1915. 207 с.

29. Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины / Под ред.: Ф.Л. Барыкова, А.В. Половцова и П.А. Соколовского. Т. 1. СПб.: Типо-литография А.М. Вольфа, 1880. XI, 395, 65 с.

Марискин О.И. Мирские сборы крестьянской общины
Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века

30. Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Вып. 1. Самарский уезд. М.: Самар. губ. земство, 1883. [1], IV, 108, 97 с.

31. Статистический временник Российской империи. Серия 3. Вып. 13. Мирские расходы крестьян за 1881 год. СПб.: Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1886. [301] с. разд. паг.

32. Существующий порядок взимания окладных сборов с крестьян. По сведениям, доставленным податными инспекторами за 1887–1893 годы. Вып. 1. СПб.: тип. П.П. Сойкина, 1894. XXIII, 132 с.

33. Трирогов В. Община и подать. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1882. [2], 509 с.

Информация об авторе

Марискин Олег Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры экономической истории и информационных технологий Историко-социологического института ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва» (г. Саранск); e-mail: mariskinoi@mail.ru

Mariskin Oleg I. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Economic History and Informational Technologies, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk).

**Православное приходское духовенство
в региональном социуме первой половины XIX в.
(по материалам Краснослободского уезда Пензенской
губернии и Ардатовского уезда Симбирской губернии)**

В статье анализируется развитие православного приходского духовенства в первой половине XIX в. На основе архивных материалов и опубликованных источников исследуются внутрисловная мобильность, социальное воспроизводство, семейно-брачная структура и образовательный уровень лиц духовного звания.

По мнению авторов, православное приходское духовенство в дореформенной России было одной из немногих социальных категорий, в наибольшей мере соответствовавших признакам сословия. В доказательство этого приводится, во-первых, наследственность статуса, во-вторых, традиции сочетаться браком только с представителями данного состояния, в-третьих, закрытость профессиональной сферы для лиц, представлявших иные социальные категории.

В статье сделан вывод о том, что в дореформенный период охранительная политика Русской православной церкви шла в разрез с социально-экономическими реалиями. Несмотря на усиление воздействия экономического фактора на положение церковно- и священнослужителей, обостряющееся противоречие между социальными и профессиональными позициями служителей культа, духовенство продолжало оставаться закрытым сословием. Власти было важнее сохранить социальную систему в относительно стабильном состоянии, нежели чем повысить качество духовной службы за счет привлечения наиболее способных представителей неприлегированных сословий.

Ключевые слова: духовенство, священнослужители, церковнослужители, социум, население, социальная структура, социальная мобильность.

Першин С.В., Шитова Т.В. Православное приходское духовенство
в региональном социуме первой половины XIX в. ...

S.V. Pershin, T.V. Shitova

**Orthodox parish clergy in the regional society
of the first half of the XIX century
(according to the materials of the Krasnoslobodsky district
of Penza province and Ardatov district of Simbirsk province)**

The article analyzes the development of the Orthodox parish clergy in the first half of the XIX century. On the basis of archival materials and published sources, intra-verbal mobility, social reproduction, family and marriage structure and educational level of persons of spiritual rank are investigated.

According to the authors opinion the Orthodox parish clergy in pre-reform Russia was one of the few social categories that most corresponded to the characteristics of the estate. The main arguments are, firstly, the heredity of the status, secondly, traditions of marriage only with representatives of this state, and thirdly, the closure of the professional sphere for persons representing other social categories.

The article concludes that in the pre-reform period the protective policy of the Russian Orthodox Church was at odds with socio-economic realities. Despite the increasing impact of the economic factor on the situation of Church and clergy, the growing contradiction between the social and professional positions of Ministers of worship, the clergy continued to remain a closed class. It was more important for the authorities to keep the social system in a relatively stable position than to improve the quality of spiritual service by attracting the most capable representatives of the unprivileged classes.

Keywords: clergy, parish, society, population, social structure, social mobility.

Сложившаяся к началу XIX в. на территории современной Мордовии этно-конфессиональная ситуация обусловила распространение здесь христианского и мусульманского приходского духовенства, с явным преобладанием первого. Массовое крещение мордвы произошло еще в предшествовавшем столетии, раскольничество и сектантство здесь не нашло большого числа сторонников, а исповедовавшие ислам татары-мишари компактно проживали всего в нескольких населенных пунктах (см. табл. 1).

Исследование социального развития православного приходского духовенства нами проводилось по материалам двух уездов, впо-

Першин С.В., Шитова Т.В. Православное приходское духовенство
в региональном социуме первой половины XIX в. ...

следствии полностью вошедших в состав Мордовии, – Краснослободского уезда Пензенской и Ардатовского уезда Симбирской губерний. Ограничение территориальных рамок обусловлено спецификой анализа массовых процессов, обработкой значительных объемов информации (Першин, 2007, с. 7).

Приходское духовенство в рассматриваемый период подразделялось на священнослужителей (иереев) и церковнослужителей (причетников, к которым относились дьяки, поддьяки, дьячки и пономари). Несколькими приходами, объединенными в округа, руководили наиболее авторитетные из местных священников – благочинные, подчинявшиеся настоятелям располагавшихся в городах соборов либо непосредственно епархиальному начальству. Обязанности благочинных округов, как правило, выполняли священнослужители, имевшие высшее в белом приходском духовенстве звание – протоиерея.

На протяжении всего XIX в. доля православного духовенства в населении интересующих нас уездов была незначительной – чаще всего она составляла около 1%. Относительная численность краснослободского духовенства в 1811 г. достигла 1,25%, в 1834 г. – 1,35% (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 547. Л. 11, 113 об.; Ф. 8. Оп. 1. Д. 1894. Л. 13 об.; НА НИИГН. И–1244. Л. 41). Ардатовские священно- и церковнослужители в 1834 г. составляли 1,08%, в 1850 – 1,09% (РГИА. Ф. 571. Оп. 6. Д. 5. Л. 230 об.–233).

Таблица 1
Распределение населения Краснослободского уезда Пензенской губернии (1857 г.) и Ардатовского уезда Симбирской губернии (1859 г.) по конфессиям

Вероисповедание	Краснослободский уезд	Ардатовский уезд
Православное	90,82	99,37
Магометанское	9,05	0,6
Другое (раскольники, иудеи, католики и проч.)	0,13	0,03

Составлено по: Материалы для географии, 1867, с. 320–322, 364–365; Памятная книжка, 1861, с. 92–93.

Першин С.В., Шитова Т.В. Православное приходское духовенство
в региональном социуме первой половины XIX в. ...

Обратим внимание на то, что непосредственно приходских иереев, т.е. утвержденных епархиальным начальством священников, было значительно меньше, чем указывается в большинстве источников, так как в них чаще всего представлены сведения обо всех членах семей служителей православного культа.

В 1849 г. к церквям Краснослободского уезда Пензенской губернии было причислено всего 222 чел., в том числе 4 протоиерея (1,80% местного духовенства), 66 священников (29,73%), 62 дьячка (27,93%), 49 пономарей (22,07%), 41 дьякон (18,47%) (ЦГА РМ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 50. Л. 3 об.–343). При церквях Ардатовского уезда Симбирской губернии в середине XIX столетия числилось 302 штатных священно- и церковнослужителя и 468 заштатных священно- и церковнослужителей (НА НИИГН. И–1236. Л. 59). Распределение штатных единиц в приходах производилось епархиальным начальством в соответствии с численностью местного населения.

В результате проведенного исследования нами был сделан вывод о том, что приходское духовенство было одной из немногих социальных категорий, в наибольшей мере соответствовавших признакам сословия. Во-первых, для того чтобы принадлежать к белому духовенству, необходимо было родиться в семье священно- и церковнослужителей. Во-вторых, по сложившейся традиции, духовенство сочетались браком только с представителями своей среды (Леонтьева, 2000, с. 41).

В качестве третьего аргумента в пользу восприятия белого духовенства как сословия следует упомянуть закрытость профессиональной сферы для лиц других сословий и состояний.

В архивных материалах находим многочисленные сведения о передаче «по наследству» священнических мест. В церкви с. Каменный брод (Краснослободский уезд) с начала XIX столетия служил Лукиллиан Иванов, являвшийся выходцем из семьи иерея. Исправно исполняя возложенные на него обязанности, он передал свое место в пожилом возрасте сыну Василию. Последний следовал семейной традиции и лишь в середине 1800-х гг. был уволен «по старости» (Пензенские епархиальные, 1872. С. 126). В конце 1840-х гг. в с. Синдорово Краснослободского уезда скончался дьячок и его место было закреплено за будущим женихом ее дочери (ЦГА РМ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 50. Л. 185 об.).

Першин С.В., Шитова Т.В. Православное приходское духовенство
в региональном социуме первой половины XIX в. ...

Судя по церковному делопроизводству, неспособность потомства духовенства к приходской службе была редким явлением. К таким исключительным случаям стоит отнести отчисление Иоанна Алексея (с. Мамолаево Краснослободского уезда) из духовного училища вследствие физических недостатков (Там же, л. 201 об.).

На наш взгляд, практика наследования церковных мест имела под собой ряд сугубо практических оснований. С одной стороны, знание таинств и обрядов, передававшееся из поколения в поколение в семьях духовенства, упрощало подготовку священнослужителей (то есть было на руку власти). С другой, защищались материальные интересы приходских священнослужителей: закрепление приходов за семьями духовенства устраняло конкуренцию со стороны представителей других социальных категорий, претендовавших на занятие этих должностей.

Важнейшим условием найма на должность в приходе являлось наличие духовного образования. Начальное профессиональное образование будущие дьяконы и священники получали в духовных училищах, расположенных в Саранске, Темникове, Шацке, Починках, Нижнем Ломове, Алатыре и др. В 1844 г. по инициативе епископа Пензенского и Саранского Амвросия (Морева) и при самом деятельном участии местного духовенства училище было открыто в Краснослободске (Бахмутов, 2006, с. 286–293).

Краснослободское училище, впоследствии ставшее самым крупным учебным заведением духовного профиля на территории мордовского края, изначально создавалось как сословное: в ученики набирались дети священно- и церковнослужителей Краснослободского, Наровчатского, Саранского и Инсарского уездов (Бахмутов, 2006, с. 290–291). При училище действовали 2 класса – низший и высший; срок обучения в каждом составлял 2 года. Его выпускники, не получившие дальнейшего профессионального образования (многие по причине крайней бедности), имели право поступать на службу в храмы псаломщиками, пономарями, дьячками. Для более успешной карьеры в рассматриваемый период требовалось окончить семинарию в одном из губернских центров (Бахмутов, 2006, с. 286, 290, 292).

Как показали подсчеты по клировым ведомостям, 54,08% краснослободских иереев в 1849 г. были выходцами из священнических

Першин С.В., Шитова Т.В. Православное приходское духовенство
в региональном социуме первой половины XIX в. ...

семей, 75,73% из них окончило семинарию. Более разнородным был состав дьяконов: 34,15% родилось в семье священников, 29,27 – дьяконов; 47,14% окончили духовные училища, 39,86% были исключены из семинарии и окончили семинарию.

Не смогли чаще всего обеспечить своему потомству обучение в семинариях церковнослужители, поэтому дьячками и пономарями являлись в большинстве случаев (более 50%) выходцы из той же, низшей страты приходского духовенства. Среди дьячков 71,51% окончили духовное училище, 19,89% – не обучались, 8,6% – исключены из семинарии. Среди пономарей 83,68% окончили духовное училище, 12,24% – исключены из семинарии.

Следует обратить внимание на то, что крестьянство, как наиболее многочисленное сословие дореформенной России, в середине XIX столетия практически не проникало в среду православного духовенства. Только 4 чел. (1,8%) краснослободских священно- и церковнослужителей было «сторожевскими детьми», т.е. родом из семей прислуживавших при церкви прихожан. Низкая социальная активность, кроме перечисленных факторов, определялась также заинтересованностью светской власти и землевладельцев в сохранении податного населения (Миронов, 1999, с. 98–99).

Обработка клировых ведомостей Краснослободского уезда позволила выявить ряд усредненных показателей, довольно обобщенно характеризующих социально-демографическое развитие местного приходского духовенства:

- возраст поступления на службу – 17,4 года;
- возраст священно-церковнослужителя – 37,3 года;
- служебный стаж – 19,9 лет;
- общее количество занимаемых за службу должностей – 2,5;
- общее количество мест службы – 1,9.

Как видим, в связи с особенностями продвижения по служебной лестнице для представителей данной социальной категории была характерна активная внутрисословная и территориальная мобильность.

Судя по архивным материалам, для того чтобы занять хорошее место, лицам духовного сословия необходимо было, во-первых, успешно закончить семинарию (ЦГА РМ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 50. Л. 17 об.–18), во-вторых, быть готовыми к переезду в то селение, в котором открылась свободная вакансия (Там же, л. 161 об.).

Першин С.В., Шитова Т.В. Православное приходское духовенство
в региональном социуме первой половины XIX в. ...

В епархиях фиксировались учитывавшиеся при перемене места службы поощрения и наказания духовенства. В вышеупомянутой клировой ведомости 1849 г. зафиксировано 160 поощрений, касавшихся 19,82% священно- и церковнослужителей; наказано было 49 чел. (22,07% штатного состава).

Увольнение из приходского духовенства в рассматриваемый период было явлением исключительным. В абсолютном большинстве случаев к провинившимся применялись меры дисциплинарного воздействия – штрафы, отстранение от должности и помещение под надзор благочинных, епархиального начальства и настоятелей монастырей. Так, в 1830 г. дьякон М. Павлов был оштрафован за неудовлетворительное делопроизводство. В 1832 г. дьякона Д. Алексеева сослали в монастырь из-за поборов с прихожан (Там же, л. 170).

Недоразумения по службе возникали чаще всего в связи с недостаточным денежным довольствием приходских священно- и церковно-служителей. Денежное обеспечение клира в заинтересовавший нас период складывалось из следующих основных источников: оплата за требы, доходы с выделяемого церкви общиной земельного надела, пожертвования прихожан, продажа свеч. В связи с весьма скромными финансовыми возможностями прихожан в русской крепостной деревне православное духовенство нередко попадало в затруднительное материальное положение (Леонтьева, 2000, с. 24–44). Не отличались активностью инородческие приходы Среднего Поволжья, единственным источником существования многочисленного семейства сельского «батюшки» в них нередко оставался земельный надел. В этих условиях приходское духовенство пыталось найти дополнительные пути финансирования. Некоторые сельские священники поддерживались состоятельными помещиками и подпадали от них в зависимость (Записки, 1991, с. 61), другие занимались поборами с прихожан (ЦГА РМ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 50. Л. 170), что также не повышало авторитет духовенства среди местного населения.

Анализируя социальное развитие духовенства, необходимо учесть особенности семейной структуры духовного сословия. Произведенные по клировой книге 1859 г. подсчеты позволили установить, что брачность иереев достигала максимально возможных значений: холостыми были всего 1,8%, женатыми – 88,74%, вдовыми – 9,46%. О закрытости сословия свидетельствует ориентация при за-

Першин С.В., Шитова Т.В. Православное приходское духовенство
в региональном социуме первой половины XIX в. ...

ключении браков на местное духовенство (31,98% сочетавшихся браком), а также минимальная доля вышедших замуж за представителей других сословий и состояний (3,1%).

О взаимосвязи социального и демографического аспектов развития духовенства, на наш взгляд, также свидетельствует тот факт, что высокая рождаемость обеспечивала стабильную численность данного сословия. В среднем, в семьях краснослободского духовенства насчитывалось 3,78 детей об. п.

Количество выпускников училищ и семинарий стабильно превышало число открывавшихся в приходах вакансий, что порождало конкуренцию и создавало проблему трудоустройства детей приходских священников. На момент заполнения вышеупомянутой клировой ведомости 63,57% потомства краснослободских священно- и церковнослужителей уже проходило обучение в семинариях и училищах, было устроено на приходские должности, либо вышло замуж за представителей духовенства.

В документах уездных казначейств нами обнаружено всего несколько примеров перехода в другие сословия детей причетников, неспособных, реже – не желавших служить при церквях. Чаще всего по причине отсутствия средств выходцы из низов духовенства не могли заняться торгово-промышленной деятельностью и причислялись к государственному крестьянству. В то же самое время перевод в разряд сельских обывателей среди самого духовенства воспринимался явно негативно, так как в дореформенный период государственное крестьянство выполняло целый ряд обременительных повинностей и выплачивало подати (Леонтьева, 2000, с. 49–50, 52).

В 1811 г. пономарский сын Василий Иванов был приписан к ясажным крестьянам д. Соколов Гарт Ардатовского уезда (ЦГА РМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 49 а. Л. 4). В 1817 г. исключенного из духовного звания пономаря Семена Васильева обязали выплачивать подати с ясажными крестьянами с. Пичеуры Ардатовского уезда. В 1816 г. епархиальным начальством решался вопрос о дальнейшей судьбе сына дьякона церкви с. Акчеево Краснослободского уезда Филиппа Иванова, который был безграмотным, в связи с чем обязывался сменить род деятельности (ЦГА РМ. Ф. 26. Оп. 3. Д. 9. Л. 20).

Потомство священнослужителей, более образованное и имевшее определенную материальную базу, вне привычной социальной

Першин С.В., Шитова Т.В. Православное приходское духовенство
в региональном социуме первой половины XIX в. ...

среды устраивалось много успешней. Так, в 1816 г. исключенный из духовного звания сын священника с. Юрловка Карсунского уезда Симбирской губернии В.Андреев был причислен в ардатовские мещане (ЦГА РМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 71 б. Л. 135). Сын священника с. Аракчеево Краснослободского уезда К.Аракчеевский по окончании Пензенской семинарии поступил в Санкт-Петербургскую хирургическую академию (ЦГА РМ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 50. Л. 274 об.).

В качестве примера межсословной мобильности можно привести семью краснослободского протоиерея Фомы Иоаннова. Как полагалось, по стопам отца пошел старший из сыновей – Николай, двое других предпочли пастырской службе чиновничью: в 1849 г. Иван служил секретарем в Пензенском магистрате, Павел – регистратором в Краснослободском уездном суде (Там же, л. 274 об.).

Подводя итог исследования социального развития приходского духовенства мордовского края, отметим, что, несмотря на усиление воздействия экономического фактора на положение церковно- и священнослужителей, обостряющееся противоречие между социальными и профессиональными позициями служителей культа, в дореформенный период духовенство продолжало оставаться закрытым сословием. На наш взгляд, царскому правительству и руководству РПЦ было важнее сохранить социальную систему в относительно стабильном состоянии, нежели чем повысить качество духовной службы за счет привлечения наиболее способных представителей непривилегированных сословий, тем более что воспроизводство духовенства обеспечивалось свойственной этому сословию высокой рождаемостью, обусловленной запретом на ее ограничение и обычаем ранних браков.

Источники и литература

1. Бахмутов С.Б. Православие в мордовском крае: историко-культурологический аспект. Саранск: тип. «Красн. Окт.», 2006. 381 с.
2. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 547.
3. ГАПО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1894.
4. Записки о Саранске, XVIII-XX вв. / Сост., вст. ст. и коммент. В.А. Юрченкова. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. 270 с.
5. Леонтьева Т.Г. Жизнь и переживания сельского священника (1861–1914 гг.) // Социальная история: ежегодник. М., 2000. С. 34–46.

Першин С.В., Шитова Т.В. Православное приходское духовенство
в региональном социуме первой половины XIX в. ...

6. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пензенская губерния: в 2 ч. Ч. 1. СПб.: Гл. упр. Генер. штаба, 1867. 568 с.

7. Миронов Б.Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 548 с.

8. НА НИИГН. И–1236.

9. НА НИИГН. И–1244.

10. Памятная книжка Симбирской губернии на 1861 год. Симбирск: Тип. губ. правл., 1861. 207 с.

11. Першин С.В. Социум российской провинции: региональные аспекты трансформации структуры (по материалам мордовского края). Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2007. 98 с.

12. Пензенские епархиальные ведомости. 1872. № 4. Ч. неофиц. С. 126.

13. РГИА. Ф. 571. Оп. 6. Д. 5.

14. ЦГА РМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 49 а.

15. ЦГА РМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 71 б.

16. ЦГА РМ. Ф. 26. Оп. 3. Д. 9.

17. ЦГА РМ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 50.

Информация об авторах

Першин Сергей Викторович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск); e-mail: pers99@inbox.ru

Шитова Татьяна Васильевна – преподаватель кафедры предварительного расследования Нижегородской академии МВД России (г. Нижний Новгород); e-mail: shitova.tv@mail.ru

Pershin Sergey V. – Doctor of Historical Sciences, leading researcher, Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia (Saransk).

Shitova Tatyana V. – lecturer of the Department of preliminary investigation of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Nizhny Novgorod).

Роль крестьянской общины в социально-экономической жизни крепостной деревни России в середине XVIII века

На основе анализа документов автор рассматривает деятельность сельской общины по защите интересов крестьян от произвола помещиков и вотчинных властей, а также по сбору повинностей и контролю над повседневной жизнью селян. Указанная тема недостаточно разработана в отечественной историографии, хотя отдельные вопросы затрагивались в литературе. Источниковой базой послужили приговоры общин, челобитные, письма, описи имущества крестьян, содержащиеся в архивах и музеях – РГАДА, РГИА, ОПИ ГИМ. Документы отражают в основном территорию Центральной России и Поволжья.

Обращается внимание на процесс расслоения в крепостной деревне, борьбу разных групп крестьян за передел земли, пересмотр феодальных повинностей, выборные мирские должности. Эти явления были особенно характерны для торгово-промысловых сел, в которых наблюдается ожесточенная борьба за власть внутри общины. В этой борьбе четко проявляется деление по принципу «свой» и «чужой», «богатый» и «бедный».

Документы свидетельствуют о том, что нередко мирские органы общины нарушали принципы равенства и справедливости и поддерживали состоятельных крестьян. Установлено, что, используя материальные ресурсы, состоятельные крестьяне захватывали власть на селе и управляли общиной в своих интересах. Община, как правило, подчинялась такому руководству и выполняла его требования. Попытки помещиков помешать таким явлениям успеха обычно не имели. Источники указывают на то, что деятельность выборных органов нередко зависела и от уровня грамотности населения села.

Полученные результаты могут быть полезны при изучении истории сельской общины в России.

Ключевые слова: борьба, имущественное неравенство, крестьяне, неравенство, сельская община, справедливость, феодальные повинности.

The role of the peasant community in the socio-economic life of the Russian serf village in the middle of the XVIII century

Based on the analysis of the documents, the author examines the activities of the rural community to protect the interests of peasants from the arbitrariness of landlords and fiefdom authorities, as well as to collect duties and control the daily life of the villagers. This topic is not sufficiently developed in Russian historiography, although some issues were touched upon in the literature. The source base was the sentences of communities, petitions, letters, inventories of property of peasants contained in the archives and museums – RGADA (Russian State Archive of Ancient Acts), RGIA (Russian State Historical Archive), OPI GIM (Department of Written Sources of the State Historical Museum). The documents reflect mainly the territory of Central Russia and the Volga region.

Attention is drawn to the process of stratification in the serf village, the struggle of different groups of peasants for the redistribution of land, the revision of feudal duties, elected secular positions. These phenomena were especially characteristic of commercial villages, where there was a fierce struggle for power within the community. In this struggle clearly manifests itself division on the principle of "own" and "someone else's", "rich" and "poor".

Documents show that often lay bodies of the community violated the principles of equality and justice and supported wealthy peasants. It was established that, using material resources, wealthy peasants seized power in the countryside and ruled the community in their own interests. The community, as a rule, obeyed such leadership and complied with its requirements. Attempts of landowners to prevent such phenomena usually had no success. Sources indicate that the activities of elected bodies often depended on the level of literacy of the village population.

Obtained results can be useful in studying the history of rural communities in Russia.

Keywords: struggle, property inequality, peasants, inequality, agricultural community, justice, feudal services.

Проблема крестьянской общины России в Новое время занимает важное место в отечественной историографии (Александров, 1976; Прокофьева, 1981). Крестьянский мир всегда представлял собой особый социум, который отличался многообразием функций,

Прохоров М.Ф. Роль крестьянской общины в социально-экономической жизни крепостной деревни России в середине XVIII века

охватывающие различные стороны экономической, социальной и духовной жизни крестьян. В научной литературе подчеркивается, что в XVIII в. в крепостной деревне России заметно усиливается имущественное неравенство, переходящее в отдельных торгово-промышленных селах в социальное расслоение. Это явление не могло не сказаться на деятельности сельской общины (Миронов, 2001, с. 123–128; Прохоров, Федулин, 2003, с. 245–246).

В основу исследования положен документальный массив, извлеченный из государственных архивов и музеев – РГАДА, РГИА, ГАНО, ОПИ ГИМ. Учитывая специфику темы, в статье анализировались документы, вышедшие из крестьянской среды – челобитные, письма, договора, приговоры сельских сходов, а также следственные дела мирских судов. К сожалению, в архивах сохранилась незначительная часть подобных документов.

Цель статьи – выяснить характер и содержание возрастающих общинных противоречий, взаимоотношений различных имущественных групп, поведения мирских выборных органов управления. Именно эти вопросы недостаточно изучены в исторической литературе.

Деятельность сельского мира в определенной степени зависела от наличия грамотных людей в общине, которые в определенной мере влияли на решения крестьянских сходов. В середине XVIII в. в крестьянской среде наблюдается определенный интерес к расширению своего образовательного уровня. Особенно активно грамотность проникала в крупные торгово-промышленные села. На это, в частности, указывают приговоры сельских миров, которые скреплялись «рукоприкладством» всех присутствующих на сходе. Так, в селе Сидоровском (Костромской уезд, владение Г.Г. Орлова) в 1775 г. число односельчан, подписавших мирские приговоры, по отношению к присутствующим на сельском сходе колебалось от 9 до 23%. В костромской Писцовской вотчине Долгоруковых число выборных, которые «приложили руки» к приговорам, по отношению ко всем выборным, составило 33%. Персональный учет грамотных по Палехской вотчине (Владимирский уезд, владение Д.И. Бутурлина) за 60–70-е годы XVIII в. свидетельствует о том, что под мирскими приговорами поставили подписи не менее 60 человек. Однако, если учитывать все

Прохоров М.Ф. Роль крестьянской общины в социально-экономической жизни крепостной деревни России в середине XVIII века

взрослое мужское население указанных вотчин, то доля грамотных среди них составляла не более 3–5%.

Уровень грамотности в крепостной среде был различен. Грамотных, способных не только поставить свою подпись на документе, но и подготовить его, было значительно меньше. Они писали односельчанам челобитные, духовные завещания, верящие письма, частноправовые акты, нередко участвовали в формулировке приговоров сельского мира. Именно такой характер носила деятельность группы грамотных крестьян в количестве 6 человек в Ивановской вотчине П.Б. Шереметева Суздальского уезда. В Карачаровской вотчине П.Б. Шереметева своей грамотностью выделялись богатые жители Федор и Иван Горшковы, М.Осокин, А.Татаринов. При подаче коллективной челобитной в 1771 г. помещику И.Бутакову о переоценке стоимости имущества торговых крестьян ее подписали восемь состоятельных жителей.

Среди богатой верхушки Благовещенской слободы (Нижегородский уезд, владение Н.И. Рославлева) неоднократно ставили свои подписи на мирских документах М.Комаров, И.Лещев, И.Щепетильников. Подобным же образом поступали грамотные крестьяне Ф.Куклин (село Кесовы Горы Бежецкий уезд, владение И.А. Прозоровского), В.Праутин (сельцо Высочково Ярославский уезд, владение А.В. Еропкиной), И.С. Курбатов (село Поймы Верхнеломовский уезд, владение П.Б. Шереметева), Н.Сафонов (село Писцово Костромской уезд, владение Г. В. Грузинского) (РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 6287. Л. 43 об.; Д. 6646. Л. 18; Д. 8614. Л. 2, 13 об., 17, 19; Д. 12054. Л. 49; Д. 13014. Л. 74 об.; ГАНО. Ф. 759. Оп. 1. Д. 2215. Л. 8, 39; Ф. 2736. Оп. 2311. Д. 12. Л. 6 об.; ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1462. Л. 79; Д. 1464. Л. 25, 117; Д. 1470. Л. 114; Д. 3086. Л. 49; Д. 3332. Л. 85–86).

В условиях интенсивного развития товарно-денежных отношений на фоне существования крепостного права в зарождающейся состоятельной прослойке крепостных формируются взгляды, не свойственные понятию обычного крестьянского менталитета о мирской земельной собственности на основе уравнительности и справедливости, а характерные для сторонников частной собственности на землю. Обладая финансовыми и экономическими возможностя-

Прохоров М.Ф. Роль крестьянской общины в социально-экономической жизни крепостной деревни России в середине XVIII века

ми, предпринимательская верхушка крупных торгово-промысловых сел (Павлово, Иваново, Сидоровское, Писцово, Карачарово и др.) стремится подчинить себе сельский мир и его руководство. В одних вотчинах «капиталисты» мужики ведут активную борьбу за получение выборных должностей в мирских общинах, а в других – выдвигают своих сторонников. В подобных имениях роль выборных лиц (бурмистров, старост, целовальников, сотских, десятских и пр.) была велика. Они совместно с вотчинной администрацией определяли порядок кредитования и взыскания долгов, способы и виды наказания за нарушение партнерских обязательств среди компаньонов, формы и методы стимулирования их деловой активности. В задачи сельского мира входили важнейшие вопросы наделения общинников землей и распределения между ними повинностей. Используя административное положение, зажиточная верхушка стремилась закрепить свое экономическое господство и проводить политику с учетом собственных интересов. Судя по документам, ими часто нарушались и игнорировались традиции и обычаи сельской общины по вопросам порядка и процедуры проведения сходов (высшего мирского органа), распределения повинностей, раздела земли, набора рекрутов и т.п. В состоятельной прослойке четко прослеживается стремление переложить основную тяжесть государственных и владельческих тягот на малоимущие слои односельчан, а также перераспределить земельные угодья и тягла в свою пользу. Подобная ситуация вела к обострению социальной обстановки в помещичьих владениях.

Показательным в этом отношении является следствие в судной избе Карачаровской вотчины П.Б. Шереметева по делу об отказе крестьянина П.Горшкова с товарищами платить оброк. В ходе судебного разбирательства истец дал резко обличительную характеристику деятельности выборного руководства села. По мнению П.Горшкова, раскладчик тягол Ф.Горшков, покровительствуя богатым односельчанам, обложил их «окладом весьма легко». Среди «льготников» оказались три зажиточных крестьянина, которые имели 13 тыс. руб. капитала и собственные суда. Вражда между различными имущественными группами в вотчине проявлялась постоянно. В 1768 г. житель И.Кознов публично обвинил мирские

Прохоров М.Ф. Роль крестьянской общины в социально-экономической жизни крепостной деревни России в середине XVIII века

власти во взяточничестве и заявил, что в селе практикуется Шемякин суд. В 1750 г. П.Татаринов на сходе открыто выразил свое недовольство одному из богатых жителей И.Горшкову: «Полно де вам оную вотчину разорять» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Д. 938. Л. 87; Д. 954. Л. 2–41).

В отдельных случаях состоятельная верхушка была настолько мощной, что могла, используя свое влияние на сельский мир, противостоят решениям вотчинных властей. В частности, волостной сход села Воскресенского Суздальского уезда отклонил решение М.М. Голицына о расчете оброка по числу работников. Одновременно владелец увеличил нормы «тягольного» обложения, отмененные вскоре сельским миром.

Аналогичные меры предпринимают деловые круги и в других вотчинах. Ценные документы по этому сюжету содержат вотчинные архивы. В 1753 г. состоятельные жители села Карачарово отказались выполнить решение П.Б. Шереметева выборных органов о выплате недоимок за скудных крестьян. Богатый крестьянин С.Киселев с товарищами «учинили необычайный шум» в судной избе, изъяли окладные книги, потребовали распределения недоимок «на всю вотчину». Решительную позицию в 1766 – 1767 гг. заняли богатые крестьяне села Островец (Московский уезд, владение П.Б. Шереметева), выступившие за равное распределение дополнительных оброчных сборов. На мирском сходе богатые селяне во главе с И.Карсовым выступили против приговора мира об обложении их высокими размерами оброка, требуя равного распределения денежных платежей. На сходе они потребовали сменить старосту, который поддерживал средние и беднейшие слои и выбрать на его место кого-либо из «первостатейных» жителей. Вотчинные власти пошли на уступки зажиточным крестьянам: староста был наказан, а в селе проведены пере выборы мирских органов.

О роли зажиточных слоев крепостной деревни в жизни сельской общины указывали и местные власти. Пензенский воевода в ответе на анкету ВЭО 1765 г. писал о том, что «прожиточные к вотчинному правлению выбирают от себя в бурмистры, старосты, с таковыми прожиточными бедных притесняют и располагают не против их состояния оброков и пашни и другие подати» (РГИА.

Прохоров М.Ф. Роль крестьянской общины в социально-экономической жизни крепостной деревни России в середине XVIII века

Ф. 1088. Оп. 9. Д. 210. Л. 19; Оп. 19. Д. 2106. Л. 14; ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1765. Л. 37; Ф. 17. Оп. 1. Д. 937. Л. 107–107 об.; ОР РГБ. Ф. 219. Карт. 110. Д. 1. Л. 232, 252, 278, 314, 390).

Острый и напряженный характер носила борьба между различными имущественными группами населения в крепостной деревне при решении вопроса о порядке рекрутского набора. В 1773 г. возникла конфликтная ситуация между «маломочными» крестьянами во главе с А.Яковлевым и сельским руководством в одной из поволжских вотчин М.М. Голицына. Истцы в челобитной сообщали о том, что при выборе рекрута староста К.Максимов «и с выборными и с лучшими людьми, приходя на сход, от нас, маломочных, в другую избу и советуют особливо и отдают в рекруты не семьянистых, из одиноких, и нас, сирот, с согласия с богатыми, бил палкою».

Схожий характер приобретают в 1772 г. взаимоотношения между имущими и малосостоятельными слоями населения в селе Пруды Михайловского уезда П.Б. Шереметева. Большая группа жителей обвинила «прожиточных» мужиков в игнорировании интересов общины и в незаконном захвате всей власти в органах мирского самоуправления. В челобитной на имя владельца они заявили: «Сход мирской наряжают мужеска достаточных и богатых, которые обще сходятся и между собою советуются, а их ни в чем не слушают, дел не принимают и между собою друг друга выбирают в чины, сходясь от них, и думают с приказчиком». На практике такая узурпация власти в руках небольшой группы состоятельных крестьян привела к полному игнорированию норм обычного права и распоряжений помещика. Все важнейшие вопросы в имении находились под контролем зажиточной верхушки. По мнению большинства жителей, «за то их богатые мужики ненавидят и думают с ним (старостою) заедино и хотят их давать на поселение за то, что они жалуются в правду». Челобитчики были недовольны и сложившейся практикой несения барщинных работ в поместье, когда «бедные крестьяне употребляют во всякие работы, а богатые ходят только в чинах».

Подобная ситуация сложилась в Преображенской вотчине Орловского уезда Б.А. Куракина. Не случайно вотчинные власти заметили, что «богатые хитры, чтобы убогих не изнурять» (РГИА.

Прохоров М.Ф. Роль крестьянской общины в социально-экономической жизни крепостной деревни России в середине XVIII века

Ф. 1088. Оп. 19. Д. 2138. Л. 1–5 об.; ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 2. Д. 260. Л. 152 об.).

В деловых кругах крепостных крестьян явно наблюдалась тенденция к ограничению помещичьего контроля над вотчиной и к замене его выборными общинными органами, состоящими из «первостатейных» людей или их сторонников. Об этом свидетельствует следующий факт. В 1752 г. в домовую контору Б.А. Куракина поступил ряд челобитных состоятельных крестьян тверской вотчины Ф.Леонова и Т.Иванова. Доказывая несостоятельность вотчинной администрации во главе с управителем А.Шебякой управлять имением, они требовали передать все судебные функции представителям сельского мира («ведать бы судом и расправою лучшим, добрым крестьянам»).

Нередко «прожиточная» прослойка возглавляла борьбу крестьянской общины за свободу торгово-предпринимательской деятельности, выступала против ограничений отхода из вотчины на заработки. Многочисленные факты подобного рода были зафиксированы во владениях Салтыковой, Белосельской, Андреева и др. (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 425. Л. 127; Ф. 248. Кн. 3963. Л. 93; РГИА. Ф. 1088. Оп. 9. Д. 210. Л. 19; ОПИ ГИМ. Ф. 3. Нов. оп. Д. 5. Л. 15; Ф. 17. Оп. 1. Д. 937. Л. 101 об., 109).

Как видим, «капиталистские» крестьяне пытаются выделить себя из общей массы крепостных, выразить собственные специфические требования, определить свое место в сельской общине. Но сельский мир вынужден был учитывать интересы и других слоев жителей вотчин. Источники свидетельствуют о том, что на сходах нередко пресекались подлоги и обман со стороны состоятельных крестьян при совершении поземельных сделок с односельчанами, создавались особые мирские суды по разбирательству спорных дел. Например, такие суды действовали в ярославских и нижегородских владениях Куракиных и И.М. Юсуповой.

Обладая определенным уровнем знания правовых норм, крестьяне используют их для удовлетворения как собственных, так и мирских интересов. Серьезный конфликт на почве незаконного преследования крестьянской торговли возник в 1764 г. между городскими властями Арзамаса и сельским миром крупного промыслового села

Прохоров М.Ф. Роль крестьянской общины в социально-экономической жизни крепостной деревни России в середине XVIII века

Абрамова Арзамасского уезда П.Б. Шереметева. Бурмистр Арзамаса И.Андреев запретил абрамовским жителям торговать в городе. В ответ на эти действия городских властей крестьяне направляют коллективную челобитную от имени всего сельского мира в Арзамасскую провинциальную канцелярию. В ней в качестве убедительной аргументации своей правоты сельский мир приводит полный текст сохранившегося указа Петра I от 1714 г., разрешающий им вести торговлю в Арзамасе. На основании этого указа Арзамасская провинциальная канцелярия принимает решение о разрешении крестьянам вести торговлю в городе (РГАДА. Ф. 419. 1764 г. Д. 345. Л. 1 – 8; Ф. 807. Оп. 1. Д. 46. Л. 8 – 8 об.; Ф. 1290. Оп. 6. Д. 1210. Л. 1; РГИА. Ф. 1088. Оп. 9. Д. 555. Л. 1; ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 273 а. Л. 69 об.).

Итак, анализируемые документы свидетельствуют о том, что деревенская община, особенно в торгово-промысловых селениях, не являлась полностью замкнутым обществом. Новые процессы, происходившие в социально-экономической жизни России в середине XVIII в., постепенно проникали в крестьянский мир, оказывали влияние на его функционирование и деятельность. Крепостное сельское общество этого времени не находилось на какой-то стадии стагнации, а представляло собой в целом подвижную социальную систему, адаптирующуюся к новым явлениям и условиям.

Источники и литература

1. Александров В.А. Сельская община в России (XVII – начало XIX вв.). М.: Изд-во «Наука», 1976. 323 с.
2. ГАНУ. Ф. 759. Оп. 1. Д. 2215.
3. ГАНУ. Ф. 2736. Оп. 2311. Д. 12.
4. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб.: «Дмитрий Булавин», 2003. 548 с.
5. ОПИ ГИМ. Ф. 3. Нов. оп. Д. 5.
6. ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1462.
7. ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1464.
8. ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1470.
9. ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1765.
10. ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3086.

Прохоров М.Ф. Роль крестьянской общины в социально-экономической жизни крепостной деревни России в середине XVIII века

11. ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3332.
12. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 937.
13. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. 938.
14. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. 954.
15. ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 273 а.
16. ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 2. Д. 260.
17. ОР РГБ. Ф. 219. Карт. 110. Д. 1.
18. Прокофьева Л.С. Крестьянская община в России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. (по материалам вотчин Шереметевых). Л.: Наука, 1981. 212 с.
19. Прохоров М.Ф., Федулин А.А. Помещичьи крестьяне России в середине XVIII века. М.: Прометей, 2003. 290 с.
20. РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 425.
21. РГАДА. Ф. 248. Кн. 3963.
22. РГАДА. Ф. 419. 1764 г. Д. 345.
23. РГАДА. Ф. 807. Оп. 1. Д. 46.
24. РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 6287.
25. РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. 6646.
26. РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. 8614.
27. РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. 12054.
28. РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. 13014.
29. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 6. Д. 1210.
30. РГИА. Ф. 1088. Оп. 9. Д. 210.
31. РГИА. Ф. 1088. Оп. 9. 555.
32. РГИА. Ф. 1088. Оп. 19. Д. 2106.
33. РГИА. Ф. 1088. Оп. 19. Д. 2138.

Информация об авторе

Прохоров Михаил Федорович – доктор исторических наук, профессор, ГБОУ ВО «Российский государственный университет туризма и сервиса» (пос. Черкизово, Пушкинский р-н Московской обл.); e-mail: 2210.mfp@mail.ru

Prokhorov Mikhail F. – Doctor of Historical Sciences, Professor of Russian State University of Tourism and Service (Moscow region, Pushkinskiy district, urban-type settlement Cherkizovo).

Школа в структуре сельского общества в 1920-е гг. (на примере ТАССР)

В статье, на основе анализа краеведческой литературы и документов ряда фондов Государственного архива Республики Татарстан, рассматривается положение школы в структуре сельского общества в Буинском кантоне ТАССР в 1920-е гг. Автор останавливается на ряде официальных документов Советского государства, которые определили ход школьного строительства в изучаемый период. В рамках реализации поставленных задач отделы народного образования на местах осуществляли учет всех детей школьного возраста, составление смет на постройку и оборудование школ, содержание личного состава, питание детей и снабжение обувью, одеждой, учебными пособиями. В статье показано, что состояние школ, их оснащенность учебными пособиями были очень неравномерны в связи с тем, что школьная сеть к началу 1920-х гг. включала в себя здания бывших министерских, земских, церковно-приходских школ и мектебов. Таковую же пеструю картину представляли собой и педагогические кадры школ. Новой системе предстояло привести все школы к определенному стандарту. Посильную помощь в укреплении положения школ играли сельское население, кооперативные организации. Несмотря на значительные трудности, к концу 1920-х гг. материальная база школ улучшается, а сами школы начинают занимать важное место в структуре сельского общества.

Ключевые слова: школа, народное образование, Единая трудовая школа, ТАССР, Дрожжановский район, Буинский кантон, сельское общество, учителя.

R.B. Sadykova

School in the structure of rural society in the 1920s (on the example of TASSR)

The article, based on the analysis of local historical literature and documents of a number of funds of the State archive of the Republic of Tatarstan, examines the position of the school in the structure of rural society in the Buinsk

Садыкова Р.Б. Школа в структуре сельского общества в 1920-е гг.
(на примере ТАССР)

Canton of Tatarstan in the 1920s. The Author focuses on a number of official documents of the Soviet state, which determined the course of school construction in the study period. In the framework of the implementation of the objectives of education in the field carried out the accounting of all school-age children, preparation of cost estimates for the construction and equipment of schools, personnel, child nutrition, and supply of footwear, clothing, textbooks. The article shows that the condition of schools, their equipment and equipment with textbooks were very uneven due to the fact that the school network by the early 1920s included the buildings of the former Ministerial, Zemstvo, parish schools and mektebes. The same motley picture was represented by the teaching staff of schools. The new system had to bring all schools to a certain standard. The rural population and cooperative organizations played a role in strengthening the situation of schools. Despite significant difficulties, by the end of the 1920s, the material base of schools was improved, and the schools themselves began to occupy an important place in the structure of rural society.

Keywords: school, national education, unified labor school, TASSR, Drezhzhanovsky district, Buinsky Canton, rural society, teachers.

В 1920-е гг. в российском обществе происходила трансформация многих областей жизни, а поскольку большая часть населения проживала в сельской местности, то преобразования затронули в первую очередь крестьянство. Одной из сфер, где новое государство практически с первых шагов начало осуществлять модернизацию, была система образования.

В первые же годы после установления новой власти вышло несколько основополагающих документов, определивших развитие системы школьного образования. Так, 30 сентября 1918 г. на заседании ВЦИК было утверждено «Положение о Единой трудовой школе РСФСР», которым устанавливалось разделение трудовой школы на 2 ступени: 1-я – для детей от 8 до 13 лет (5-летний курс) и 2-я – от 13 до 17 лет (4-летний курс). Провозглашались бесплатность обучения и обязательное посещение школ детьми школьного возраста.

Для практической реализации этой цели отделы народного образования на местах должны были немедленно приступить к разработке плана школьной сети, учету всех детей школьного возраста от

Садыкова Р.Б. Школа в структуре сельского общества в 1920-е гг.
(на примере ТАССР)

6 до 17 лет, а также к составлению смет на постройку и оборудование школ, содержание личного состава, смет по организации питания детей и снабжения обувью, одеждой и учебными пособиями (Школы в России ..., 2017, с. 81).

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 31 августа 1925 г. «О введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построении школьной сети» подчеркивалось, что «трудовая школа первой ступени должна быть действительно общедоступной и бесплатной для всех детей соответствующего школьного возраста (восьми-одиннадцати лет). При осуществлении всеобщего обучения, в первую очередь, развивается сеть в тех местностях, где последняя в настоящее время слабо развита, с особым учетом сети школ национальных меньшинств. Число трудовых школ первой ступени строится из расчета одного учащегося на сорок детей (комплект). Нормальным типом трудовой школы первой ступени является четырехкомплектная школа с четырьмя последовательными группами. Предельная величина радиуса района, обслуживаемого одной трудовой школой первой ступени, устанавливается в три версты» (Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 31 августа 1925 г.).

В основу деятельности Народного комиссариата просвещения ТАССР с момента образования республики были положены региональные особенности. Здесь предлагалось учитывать, прежде всего, факторы многонациональности, социальные особенности городского и сельского населения, территориальную разобщенность населенных пунктов, проблемы районирования республики (Латыпова, Мустафин, 2013, с.225).

Одним из многонациональных сельских районов республики является Дрожжановский, образованный 10 августа 1930 г. В 1920–1930 гг. его территория относилась к Буинскому кантону ТАССР. В настоящей публикации рассматривается процесс реализации официальных документов в области школьного образования на примере Буинского кантона.

Анализ ряда краеведческих исследований по истории Дрожжановского района показывает, что авторами уделяется значительное внимание истории школ. И это неслучайно, ведь школа, особенно в сельской местности, является своего рода центром культурной и

Садыкова Р.Б. Школа в структуре сельского общества в 1920-е гг.
(на примере ТАССР)

общественной жизни, многие ее выпускники впоследствии становятся известными деятелями, прославляя свое село и школу. В данных работах рассматриваются этапы становления и развития сельских школ в дореволюционный и советский периоды с использованием архивных документов, а также воспоминаний односельчан (Макаров, 2012; История, духовность и личности села Мочалей, 2013; Гафаров, 2012). Вместе с тем необходимо отметить, что положению школ в краеведческой литературе 1920-х гг. уделено незначительное место.

Большой массив документов по изучаемой теме хранится в Государственном архиве РТ, в том числе в фондах Министерства образования РТ, Буинского кантонного отдела народного образования и волостных советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Буинского кантона.

Учитывая, что в 1921–1922 гг. территория республики была охвачена голодом и эвакуацией нескольких тысяч детей (Хайруллина, Валиахметов), а затем ликвидацией последствий голода, очевидно, что к более активным шагам по школьному строительству органы власти приступили начиная с 1923–1924-х гг.

По состоянию на 1923/24 учебный год в Буинском кантоне насчитывалось 111 школ первой ступени, в том числе русских – 22, татарских – 49, чувашских – 35, мордовских – 5. В них обучалось 6359 детей, что составляло 29,44% всего детского населения школьного возраста. В национальном разрезе картина выглядела следующим образом: детей татар обучалось – 3176 (27% от общего числа детей), русских – 790 (33%), чуваш – 1853 (32%), мордвы – 34 (32%). По мнению заведующего Буинским КОНО, существующую школьную сеть с учетом потребностей необходимо было увеличить до 540 школ (ГА РТ. Ф. Р–3682. Оп. 1. Д. 660. Л. 40).

В своем отчете заведующий справедливо отмечал, что «состояние народного образования оценивается не только по количеству школ, но и по качеству, т.е. от степени оборудованности, снабжения и подготовленности в них работников» (Там же). Что же представляли собой школы кантона с этой точки зрения? Здания бывших министерских и земских школ были в лучшем состоянии, чем здания бывших церковно-приходских школ и мектебов. Но как первые, так и вторые с нача-

Садыкова Р.Б. Школа в структуре сельского общества в 1920-е гг.
(на примере ТАССР)

лом империалистической войны капитального ремонта не видели, а мектебы, ввиду ветхости и малоемкости, почти на 80% не соответствовали малейшим требованиям. Печальную картину представляла и школьная мебель: «там, где она имелась, расшаталась и частью развалилась, а там, где и не было – и теперь нет, учащиеся продолжают заниматься, сидя на корточках на полу... Больше всего нуждаются в мебели татарские школы, потому что в них мебели раньше не существовало. Книгами школы удовлетворены на 20–25%». Серьезную проблему представляло снабжение школ дровами. Из семи волостей кантона четыре были обеспечены дровами наполовину от потребностей, а школы трех волостей из-за отсутствия средств у кантонного отдела народного образования вынуждены были обратиться за помощью к населению сел, которое помогло с заготовкой дров и соломы (Там же, л. 47). К слову сказать, посильную помощь школам оказывали и кооперативные организации. Например, сельскохозяйственное кредитное товарищество с. Убеи выделило средства для покупки письменных принадлежностей и мелкого инвентаря подшефной местной школе (ГА РТ. Ф. Р–3682. Оп. 1. Д. 912. Л. 92).

Оснащенность учебными пособиями и инвентарем была неравномерной. Так, Убеевская школа второй ступени, находившаяся в здании бывшего двухклассного училища, имела 4 карты дореволюционного издания, барометр, мензурку и «французские разновески». Убеевская школа первой ступени имела в своем арсенале «тричетыре карты, два глобуса, коллекцию геометрических тел, коллекцию минералов, транспортир, классный циркуль, чертежный треугольник, компас, торговые весы, счетный прибор, канцелярские счеты, подвижную азбуку и арифметический ящик» (Там же, л. 88, 92).

Довольно пеструю картину представлял собой педагогический состав школ: были среди них выпускники учительских школ, семинарий, высших начальных училищ, двухклассных учительских школ, епархиальных училищ, женских гимназий, духовных семинарий и училищ, медресе и мектебов. Коллегия Буинского КОНО 6 ноября 1924 г. констатировала, что среди учителей нет должной дисциплины, и, за исключением немногих, они относятся к своим обязанностям неаккуратно. Многие, особенно татарские учителя, «никак не могут отойти от старой школы и встать на твердую ногу для прове-

Садыкова Р.Б. Школа в структуре сельского общества в 1920-е гг.
(на примере ТАССР)

дения в жизнь всех исходящих от КОНО и центра распоряжений по обновлению школы... Ввиду того, что некоторыми учителями учебные пособия, как-то карты географические не применяются к делу, а зачастую сознательно или несознательно являются украшением стен на квартирах, т.е. служат обоями, предлагается школьным советам и сельсоветам пресечь это в корне» (ГА РТ. Ф. Р–3682. Оп. 1. Д. 660. Л. 59).

Обследования ряда школ кантона, проведенные в 1924–1925 гг. инспекторами Наркомата просвещения ТАССР и кантонного отдела народного образования, показали, что многие школьные здания и мебель ветхие и не соответствуют требованиям, учебниками и учебными пособиями школы снабжены очень слабо. В акте обследования Убеевской школы второй ступени имени III Интернационала отмечалось, что «при школе имеется сарай с развалившейся крышей. Общежития при школе нет. Завтраки для учащихся за неимением средств не организованы. Школьного врача не имеется. Физическое состояние детей нормальное. Наблюдается заболевание чесоткой» (ГА РТ. Ф. Р–3682. Оп. 1. Д. 905. Л. 67).

Посещаемость учащихся составляла от 70% до 90% (ГА РТ. Ф. Р–3682. Оп. 1. Д. 912. Л. 11). Она зависела от многих обстоятельств, среди которых назывались не только заболеваемость, но и привлечение детей к сельхозработам в семьях, а также отсутствие теплой одежды и обуви. Например, по последней причине в Ново-Чекурской школе первой ступени в октябре 1924 г. насчитывалось 40 учеников, а в январе 1925 г. только 25 (ГА РТ. Ф. Р–3682. Оп. 1. Д. 905. Л. 80).

Из 116 школ кантона 85 размещались в собственных зданиях, а остальные – на съемных квартирах, которые не отвечали необходимым требованиям. Так, Старо-Шаймурзинская чувашская школа занимала две комнаты в «доме убитого священника». В третьей комнате проживала вдова. (ГА РТ. Ф. Р–3682. Оп. 1. Д. 912. Л. 128). Кроме того, учащиеся должны были вносить плату за аренду, чего многие крестьянские семьи не могли себе позволить. Некоторые школы пытались решить этот вопрос за счет продукции с пришкольных садов и огородов.

Садыкова Р.Б. Школа в структуре сельского общества в 1920-е гг.
(на примере ТАССР)

Производственным планом школьного строительства на 1926/27 учебный год Буинскому кантону выделялось 71600 рублей, в том числе на новое строительство – 56000 рублей (одна 1-комплектная школа, четыре 2-комплектные, одна 4-комплектная), на расширение существующих школьных помещений – 7500 рублей (три 1-комплектные школы), на капитальный ремонт – 8100 рублей (три 1-комплектные, четыре 2-комплектные и две 4-комплектные школы). Среди школ, где было намечено произвести капитальный ремонт зданий, значились школы в следующих населенных пунктах: Алешкин Саплык, Чувашское Дрожжаное, Новое Ильмово, Городище, Старое Шаймурзино, Большая Цильна. Все эти школы были построены земством и Министерством народного просвещения и могли вместить в себя от 2-х до 4-х комплектов (ГА РТ. Ф. Р–3682. Оп. 1. Д. 1125. Л. 196).

К концу 1920-х гг. ситуация медленно, хотя и не везде, начала меняться в лучшую сторону. Так, в информации заведующего Хорновар-Шигалинской школы второй ступени, направленной в ноябре 1928 г. в Татнаркомпрос, отмечалось, что в связи с увеличением бюджета хозяйственное состояние школы ежегодно улучшается: «В первые годы существования школа не имела собственного здания и помещалась в Убеевской школе первой ступени, парт не было, ученики сидели на обрубках деревьев и на скамейках. В 1926 г. отремонтировано двухэтажное здание бывшей второклассной школы, где никакой мебели не было. В настоящее время школой приобретено 30 новых парт, загорожены двор, огород и сад, оборудованы общежитие, для которого куплено 24 одеяла, 2 ведерных самовара, 2 котла, 30 штук деревянных коек, 10 обеденных столов, кухонные принадлежности. Школа приобрела лампы, оборудована сцена, установлено радио. От бывшей второклассной школы достались лишь старые книги религиозного содержания, библиотека пополнена книгами бывшего помещика в количестве около 600 томов произведений разных писателей». Среди проблем, которые волновали заведующего школой, назывались плохое снабжение литературой на родном (чувашском) языке, отсутствие медицинского пункта в селе и удаленность от культурных центров, отсутствие струнных музыкальных инструментов (ГА РТ. Ф. Р–3682. Оп. 1. Д. 1494. Л. 78).

Садыкова Р.Б. Школа в структуре сельского общества в 1920-е гг.
(на примере ТАССР)

Алешкин-Саплыкская школа первой ступени той же Убеевской волости, судя по отчету за 1928 год, размещалась хотя и в специально построенном здании, но находилась в ветхом состоянии, полного обновления требовала мебель. Острый недостаток ощущался в оборудовании, учебных пособиях, письменных принадлежностях. Пришкольный участок хотя и имелся, но не был огорожен. С целью вовлечения детей бедноты и батраков были приняты меры по обеспечению их обувью и письменными принадлежностями, для чего были собраны пожертвования с населения.

Что касается «нематериальных» аспектов школьной жизни, то составитель отчета учитель Н.И. Трусенев отмечал отсутствие дисциплины в школе в первое время из-за частой смены работников. Нарушения дисциплины выражались в «обижании» детей друг другом, курении. После долгих усилий, в том числе обсуждения нарушителей на общих собраниях учащихся и родителей, дисциплину удалось наладить. По словам учителя, население к школе относилось с уважением, что видно было из того, что некоторые родители просили принять детей в школу в середине учебного года. Кроме того, за общественно полезную работу – расчистку дороги около школы – население вынесло благодарность.

Делая выводы о факторах, которые способствовали бы улучшению работы школы, 22-летний учитель, стаж которого составлял 1 год, в первую очередь называл материальную обеспеченность школы как в отношении помещения, так и снабжения учебными пособиями и принадлежностями: «всякий учитель, проработавший год в данной школе, постарается не остаться в следующем учебном году. При наличии на 16 учеников 3 учебников не будет никакой возможности поставить работу. При применении вместо глобуса... репы ученики не в состоянии будут иметь понятия о земном шаре» (ГА РТ. Ф. Р-1109. Оп. 1. Д. 134. Л. 88–89).

Тем не менее, школа все активнее вовлекалась в общественную жизнь своего села и республики в целом. Практически ни одно мероприятие, будь то празднование революционных дат или перевыборная кампания, не обходилось без учащихся школ. Так, в рамках перевыборной кампании в марте 1929 г. ученики Старо-Дувановской школы приготовили плакаты и лозунги, которые были разве-

Садыкова Р.Б. Школа в структуре сельского общества в 1920-е гг.
(на примере ТАССР)

шены в школе и в домах жителей села. Ими был выпущен специальный номер стенгазеты, а в часы перевыборов учащиеся отправились по домам для ухода за малолетними детьми, пока взрослые участвовали в голосовании. Учитель школы был назначен председателем сельского избирательного комитета (ГА РТ. Ф. Р–1109. Оп. 1. Д. 93. Л. 44).

В свою очередь, сельская общественность старалась следить за развитием школы и оказывать ей посильную помощь. Так, в марте 1929 г. «комиссия по бытовому походу» в составе женщин-делегаток провела обследование Убеевской школы первой ступени и пришла к выводам, что девочки составляют 31% от общего количества учащихся, но фонда бедноты для оказания помощи девочкам из бедных семей не имеется. Сама школа требует ремонта, особенно печи. За весь учебный год школа не получила ни одного листа бумаги. Комиссия зафиксировала наличие в школе небольшой аптечки, умывальника, мыла и полотенца (Там же, л. 30).

Таким образом, на протяжении 1920-х гг. школа начинает занимать важное место в структуре сельского общества. Укрепляется ее материальная база, формируются новые кадры педагогов и учебные программы, учащиеся школы активно вовлекаются в общественную жизнь деревни или села. Несмотря на все трудности, тяга сельчан к знаниям была большой, ведь взрослые понимали, что только будучи образованными, их дети смогут построить себе более благополучную, чем у них, жизнь.

Источники и литература

1. Гафаров И.А. Городище: исследования по истории Юго-Западного региона РТ и села Городище: монография / И.А. Гафаров, А.Н. Шихранов. Казань: Идель-Пресс, 2012. 167 с., [8] л.
2. ГА РТ. Ф. Р–1109. Оп. 1. Д. 93.
3. ГА РТ. Ф. Р–1109. Оп. 1. Д. 134.
4. ГА РТ. Ф. Р–3682. Оп. 1. Д. 660.
5. ГА РТ. Ф. Р–3682. Оп. 1. Д. 905.
6. ГА РТ. Ф. Р–3682. Оп. 1. Д. 912.
7. ГА РТ. Ф. Р–3682. Оп. 1. Д. 1125.
8. ГА РТ. Ф. Р–3682. Оп. 1. Д. 1494.

Садыкова Р.Б. Школа в структуре сельского общества в 1920-е гг.
(на примере ТАССР)

9. История, духовность и личности села Мочалей. Казань: Изд-во «Ихлас», 2013. 528 с.

10. Латыпова Г.М., Мустафин И.М. Структурные преобразования органов Народного комиссариата просвещения ТАССР в 1920-е гг. // Газылар авазы – Эхо веков. 2013. № 3/4. С. 225–240.

11. Макаров В.Ф. Прошлое нашего края и села Алешкин-Саплык. (Краткая история села Алешкин-Саплык). Историко-этнографические очерки. Ульяновск: Печатный двор, 2012. 528 с.

12. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 31 августа 1925 г. «О введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построении школьной сети» [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17306#05162560042103317> (дата обращения: 21.07.2019).

13. Хайруллина А., Валиахметов А. «Принять детей не можем, детдома перегружены» (Эвакуация детей из ТАССР в 1921 году) [Электронный ресурс] URL: https://kpfu.ru/staff_files/F1254151116/Valiahmetov_AN_Prinjatj_detei_ne_mozem.pdf (дата обращения 21.07.2019).

14. Школы в России в документах XX века: Сборник документов и материалов / Рук. проекта А.К. Сорокин; сост.: З.Н. Вишнякова, А.Н. Максенкова, О.А. Пашкова. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 439 с.

Информация об авторе

Садыкова Римма Барыевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (г. Казань); e-mail: rimma231265@mail.ru

Sadykova Rimma B. – Candidate of Historical Sciences, Senior researcher, Institute of the Tatar encyclopedia and regional studies of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan).

Сельские мусульманские общины Татарской АССР глазами ГПУ (1920-е гг.)

В статье рассматриваются вопросы политики «религиозного НЭПа» на примере жизнедеятельности сельских мусульманских общин Татарской АССР и мусульманского духовенства в 1920-х гг. В информационных сводках и донесениях Татотдела ОГПУ нашли отражение такие явления, как стихийное воссоздание в 1922–1923 гг. религиозных школ (мектебов) в деревнях, попытки ГПУ насадить в деревне мусульманских «обновленцев» в лице «красных мулл», которые в середине 1920-х гг. были изгнаны со своих мест, часть из них сняла с себя сан. В документах Татотдела ОГПУ получили свое отражение вопросы о возможности преподавания мусульманского вероучения детям, открывать мусульманские школы разного уровня (мектебы и медресе) и курсы подготовки и переподготовки мулл; право на преподавание вероучения не только для мулл, а за светскими учителями; право на издание религиозной литературы и учебников; свобода отправления религиозных обрядов и традиций, закрепленные обычным правом сложившиеся формы материального обеспечения мулл, вопрос о взаимоотношениях мусульманского духовенства и актива с представителями советской власти, вовлечение женщин в религиозные дела или в социалистическое строительство, отказ мулл от сана. В 1928 г. с религиозным НЭПом было покончено.

Ключевые слова: ислам, религиозный НЭП, Татарская АССР, сельские мусульманские общины, сельское мусульманское духовенство, информационные материалы ОГПУ.

A.F. Stepanov

Rural Muslim communities of the Tatar ASSR through the eyes of the GPU in the 1920-es

The article discusses policy issues of the "Religious NEP" on the example of life of the rural Muslim communities of the Tatar Soviet Autonomous Republic and the Muslim clergy in the 1920s, In information bulletins and reports of

Степанов А.Ф. Сельские мусульманские общины Татарской АССР глазами ГПУ (1920-е гг.)

the Tatar Department of OGPU found the reflection such phenomena as the spontaneous re-creation in 1922–1923 of religious schools (mektebes) in the villages, the attempts of the GPU to plant in the village of the Muslim "Renovationists" in the person of "red Mullahs", who in the mid–1920s were expelled from their seats, some of them stripped themselves of religious order. The documents of the Tatar Department of OGPU reflected questions about the possibility of teaching of the Muslim doctrine to children, opening Muslim schools of different levels (mektebes and madrassas) and training and retraining courses for mullahs; the right to teach the doctrine not only for mullahs, but for secular teachers; the right to publish religious literature and textbooks; freedom of religious rites and traditions, established forms of material support for mullahs enshrined in customary law, the question of the relationship of Muslim clergy and activists with representatives of the Soviet government, the involvement of women in religious Affairs or in socialist construction, the refusal of mullahs from the religious order. In 1928, the religious NEP was finished.

Keywords: Islam, religious NEP, The Tatar Soviet Autonomous Republic, rural Moslem communities, rural Moslem clergy, OGPU's reports.

История мусульманской уммы в революционной России и Советском Союзе в последние годы привлекает все больше внимания исследователей. Издаются не только статьи и монографии, но и энциклопедии, а также сборники документов, число которых, правда, невелико. Наиболее привлекательными для исследования являются 1920-е гг., когда деятельность мусульманского духовенства и отправление религиозного культа протекали относительно свободно, хотя и не без ограничений и проблем. Этому периоду и посвящена настоящая статья с использованием материалов партийных и советских органов и Татотдела ОГПУ.

В 1920-х гг. «работа по мусульманскому духовенству» сосредотачивалась в первую очередь в 3-м отделении Татарского отдела ГПУ, руководимого Восточным отделом ОГПУ СССР под началом известного чекиста Якоба Петерса. На местах ее вели кантонные уполномоченные ТО ОГПУ. Их материалы, ставшие ныне доступными исследователям (донесения, информационные сводки, справки, отчеты, доклады и т.п.), сохранились в фондах УФСБ РФ по РТ, архивах партийных и советских органов в Государственном архиве Республики Татарстан (ГА РТ). Они регулярно поступали в Татот-

дел ОГПУ и партийному и советскому руководству республики, а также в ОГПУ СССР.

Охранительная политика в отношении мусульман, возложенная на ВЧК-ОГПУ, прошла несколько стадий. Первоначально, как и в случае с Православной Церковью, была сделана попытка опереться на так называемых «красных мулл, стоящих на платформе Советской власти» (их следует отличать от прогрессистов-новометодников), и если не подчинить себе полностью, то хотя бы расколоть «мусульманскую церковь». В рамках этой первоначальной линии Татаро-башкирское бюро РКП(б) Мензелинского кантона ТАССР в 1920 г. созвало съезд прогрессивных мулл, где был создан Союз мулл Прикамского края. Его действия распространялись на Сарапульский, Осинский и Бирский кантоны БашАССР, Агрызский, Челнинский и Мензелинский кантоны ТАССР. Во главе встали бывший левый эсер, член РКП(б), зав. земельным отделом Агрызского кантисполкома Шакирзян Хамидуллин и мулла г.Мензелинска В.Шамбазов. Ими было проведено три съезда, но окончательно организовать «красные муллы» так и не смогли (Сенюткина, Гусева, 2013, с. 138–140). Затея потерпела крах не в последнюю очередь потому, что у мусульман нет Церкви с жесткой иерархией священнослужителей, которая есть у христиан.

С 1922 г. работа ОГПУ в мусульманском вопросе все больше склоняется к поддержанию внешней лояльности духовенства и прежде всего Уфимского ЦДУМ к советской власти и ее мероприятиям, а также к осведомлению. Репрессии по общему правилу до 1928 г. не проводились, хотя были и исключения: в ТАССР в ноябре 1926 г. был арестован мулла-мухтасиб Мамадышского кантона Ханафи Музафаров, а в апреле 1927 г. – имам-хатиб мечети г.Агрыз, мухтасиб Агрызско-Елабужского р-на Якуб Адутов. Оба были осуждены на 3 года высылки с прикреплением к определенному месту жительства в центральной России, где не было мусульман. Серьезные репрессии начались в 1928 г. и особенно в следующий «год великого перелома» – 1929-й. Уточним, что в рамках темы исследования нас интересуют прежде всего не репрессивные акции, а картина жизни мусульман глазами ГПУ и партийных органов, основанная

Степанов А.Ф. Сельские мусульманские общины Татарской АССР
глазами ГПУ (1920-е гг.)

на информации, получаемой по линии ГПУ и – в меньшей степени – парткомов на местах.

Мусульманское духовенство впервые попало в госинформсводку Татполитотдела ГПУ-ОГПУ в выпуске от 5 сентября 1922 г. в связи с замеченным в татарской деревне повсеместным сбором средств на содержание мусульманского духовенства и тенденцией к возобновлению организации мусульманских школ. В период страшного голода 1921–1922 гг. деятельность школ в деревне, как религиозных, так и советских, прекратилась почти совсем. По отчетам Татнаркомпроса, число сельских советских школ в татарских районах сократилось вдвое, в действительности же, скорее всего, их осталось еще меньше. Первый же урожай 1922 г. привел к восстановлению традиционного уклада в деревне и, следовательно, всех традиционных институтов деревенской жизни, религиозных школ – мектебов – в том числе. Разруха народного хозяйства, действовавший в стране режим экономии, проводившаяся финансовая реформа не позволяли выделять на сельские школы хоть сколько-нибудь достаточные средства по линии госбюджета. Власти предприняли попытку возложить содержание советских школ на самих крестьян по линии самообложения, но эта кампания не была удачной. А вот средства на содержание вероучительных школ татарские крестьяне стали выделять, как только это стало возможным. С осени 1922 г. «религиозная стихия» стала головной болью татарского руководства и предметом размышлений и действий, прежде всего в агитпропработе.

Что же представляло из себя мусульманское духовенство Татарской АССР? В «Кратком обзоре состояния мусульманского религиозного движения по Татарии на 1-е декабря 1928 года» Татотдела ГПУ отмечалось, что по данным на 1927 г. численность мусульманского духовенства по ТР составила 3940 человек и 31 ишан: мухтасибов – 26, их заместителей-мушавиров – 52, мулл – 2170 и муэдзинов – 1770. Мечетей по ТАССР насчитывалось 2134, из них 19 в г.Казани, в Арском кантоне – 529 мечетей, Буинском – 358, Бугульминском – 277, Мензелинском – 187, Мамадышском – 187, Челнинском – 167, Чистопольском – 161 мечеть, Спасском – 91, в Елабужском кантоне и Агрызском районе (общий мухтасибат) – 82, в бывшем Свияжском кантоне – 76 мечетей. В общем и целом на

Степанов А.Ф. Сельские мусульманские общины Татарской АССР
глазами ГПУ (1920-е гг.)

каждую мечеть приходилось в среднем 366 человек татарского населения, а на каждое духовное лицо (муллы и муэдзины) – 199 человек. Один из мухтасибатов входил в кадимистское Башкирское духовное управление, остальные 25 подчинялись новометодному ЦДУМ в Уфе (Архив УФСБ РФ по РТ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 19. Л. 67–70, 129).

Большинство сельских мулл, скорее всего, не подразделялись четко на новометодников и кадимистов, разве что симпатизировали тому или иному течению в исламском просвещении. Автор не располагает точными данными о материальном положении большинства мулл, скорее всего, оно было на уровне крестьянина-середняка, поскольку на мулл периодически обрушивался налоговый вал. Уже в 1928 г. он стал столь нетерпимым, что за полгода 150 мулл сняли с себя сан и еще десятки мулл, по данным ТатГПУ, собирались это сделать. Причинами были: тяжесть налогов, налагаемых на духовенство, гражданское бесправие, лишение возможности обучать своих детей в советских учебных заведениях и «плохое отношение населения к религии», т.е. изменение традиционного уклада жизни в деревне (Там же, л. 129–133). Муэдзины (азанчи) и даже мутава-леи вновь стали лишаться гражданских прав, а следовательно, и облагаться большими налогами, поскольку раскладкой налогов ведали местные власти. «Религиозное движение, – отмечал в октябре 1927 г. в своей докладной в обком партии председатель Центр[ального] Совета Союза безбожников ТАССР, – является политическим движением кулачества и национальной буржуазии». «Мутавалиаты в деревнях играют роль религиозно-кулацкой организации в противовес сельсовету», а «духовенство в своем движении опирается, главным образом, на нэпманскую буржуазию и на национальную интеллигенцию в городе, на фанатиков, кулачество, эмигрантов, офицеров, бывших полицейских – в деревне» (ГА РТ. Ф. П–15. Оп. 2. Д. 410. Л. 106–111 об.). Эта и подобные ей оценки вполне разделялись Татобкомом ВКП(б).

Очертим круг вопросов, получивших свое отражение в документах Татотдела ОГПУ. Это – вопросы о возможности преподавания мусульманского вероучения детям и вообще всем желающим; возможности открывать мусульманские школы разного уровня (мектебы и медресе) и курсов подготовки и переподготовки мулл;

Степанов А.Ф. Сельские мусульманские общины Татарской АССР глазами ГПУ (1920-е гг.)

право на преподавание вероучения не только для мулл, а за всеми, кто подтвердит на экзаменах свои знания и получит в ЦДУМ соответствующее удостоверение; право на издание религиозной литературы и учебников; свобода отправления религиозных обрядов и традиций; закрепленные обычным правом сложившиеся формы материального обеспечения мулл и т.д.

Так, в госинформсводке Татполитотдела ГПУ № 3392/с (июль 1923 г.) сообщалось, что в Арском кантоне по мухтасибатам прошли съезды мусульманского духовенства. Делегатам на съезд в Уфу были сделаны указы: «п.3. Предлагаем открывать религиозные школы и медресе, не ограничивая возраст слушателей, завоевать автономность мулл, преподавать религию везде и всюду; п.4. Изъять все здания школ Советов для религиозных школ, которые ранее были у мечети; п.5. Ввиду кризиса религиозных книг открыть типографию или пользоваться имеющими[ся] у Советской власти; п.6. Все брачующиеся сперва должны венчаться у муллы, а потом регистрироваться. Особых выступлений на съезде не было» (ГА РТ. Ф. Р-732. Оп. 11. Д. 4. Л. 37 об.). Эти темы в последующих сводках и материалах ТатГПУ получали все новое фактическое наполнение, конкретизацию и в начале 1927 г. были сведены в перечень 107 требований к органам власти (с естественными повторами), вынесенных на собраниях верующих (См.: Архив УФСБ РФ по РТ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 20. Л. 10–12 об.).

Но прежде всего власть интересовали политические вопросы, связываемые ими с религиозной активностью мусульманского населения ТАССР и вообще с восприятием им политического курса компартии и советской власти. На первый план выступал вопрос о взаимоотношениях мусульманского духовенства и актива с представителями советской власти, коммунистами и комсомольцами в сельской глубинке. Фиксировались прежде всего происшествия. Так, в информсводке Татотдела ОГПУ № 7246 (20-е числа июля 1924 года) отмечалось, что в деревне Починок-Енаево Тетюшского кантона 10-го мая 1924 г. приезжими из Москвы комсомольцами с организационной и просветительской целью был собран кружок татарской молодежи. «Данное явление не понравилось мулле ИС-ЛАМШИНУ Ахмету (ишанист) и он настроил против комсомольцев

группу своих приверженцев-крестьян, последние сообщили об этом председателю сельсовета САТТАРОВУ. Саттаров обратился к молодежи, чтобы они прекратили подобные безбожеские выходки, и указал, что в противном случае он может их убивать, с добавлением: "Вы как собачье стадо собрались вместе и хотите весь мир погубить с голоду. Из-за коммунистов бог не дает урожая и дождя, о чем нам говорит наш молодой мулла Исламшин Ахметша, и мы, пока живы, не дадим организовать союзы молодежи". После чего начал избивать молодежь, разогнав их всех. Подобных случаев по кантону зарегистрировано несколько» (ГА РТ. Ф. Р-732. Оп. 11. Д. 27. Л. 239-242).

В отношениях мусульманского духовенства и мутавалиатов с местными органами власти на селе не прослеживается какого-либо общего знаменателя. Были сельсоветы, которые демонстративно выполняли функции органов диктатуры пролетариата и не шли ни на какие уступки мусульманскому активу. Были «дипломаты». Были представители местной власти, которые придерживались традиционных связей с муллами и мутавалиями. Эти связи расценивались вышестоящими властями не иначе как подрыв основ диктатуры пролетариата и попытки поставить ее местные органы под контроль мулл. Данные о связях мусульманского духовенства с сельсоветами были одной из приоритетных тем в информсводках и докладах кантонных уполномоченных Татотдела ГПУ. Приведем сведения из доклада ТатГПУ о положении на 1 мая 1928 г.: «1) Представители органов власти содействуют постройке мечети (в Бугульминском кантоне при содействии председателя волисполкома была построена мечеть из материала, предназначенного на постройку больницы). 2) Сельсоветы наделяют землей духовенство, причем были случаи, когда земли, предназначенные к передаче муллам, отбирались у семей красноармейцев (Арский, Бугульминский и др. кантоны). 3) Члены некоторых с/советов не только содействуют, но даже лично участвуют в сборе средств на религиозные нужды (Свияжский район). 4) Работники низового соваппарата содействуют сложению наложенного на мулл налога путем предоставления заведомо неправильных сведений о доходности хозяйства муллы (Бугульминский кантон). 5) С/советы отпускают из своих средств деньги на

религиозные нужды (Мамадышский кантон) и т.д. и т.п. Причины этого, конечно, вполне понятны. Состав работников с/советов в большинстве своем состоит из местных крестьян, не менее религиозно настроенных, чем все остальные, мало знакомых с существующими законоположениями советского правительства по вопросу об отношении органов власти к религиозным общинам, и поэтому легко поддаются воздействию духовенства вплоть до оказания муллам содействия в деле внедрения в массы религиозных предрассудков» (Архив УФСБ РФ по РТ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 20. Л. 46–48 об.).

Одним из вопросов, волновавших ТатГПУ, был вопрос о судьбе так называемых «красных мулл», которых чекисты считали своеобразными «обновленцами» в мусульманском духовенстве. В гошинформсводках Татотдела ОГПУ за июнь-август 1924 г. по Спасскому, Арскому, Мамадышскому, Лаишевскому и Чистопольскому кантонам упор делался на «реакционной деятельности» сельского мусульманского духовенства (без разделения на старо- и новометодников) по удержанию под своим влиянием («при поддержке кулачества») масс крестьянства, поддержке ЦДУМ, намерению ввести преподавание вероучения в школах. «Беднота на это смотрит безразлично, но все же, подталкиваемая кулачеством, частично поддерживает их сторону». Одной из фиксируемых тем была работа мусдуховенства по изоляции и изгнанию «прогрессивных», или «красных», мулл. Так, отмечалось, что в Арском кантоне «активный элемент реакционной части мусдуховенства продолжает вести скрытую борьбу против прогрессивной части мулл путем повседневной агитации среди верующих и также ведя агитацию за сохранение Ислама и поддержку ЦДУ, как например: мухтасиб УРАЗГИЛЬДЕЕВ 18-го июня с.г. в дер. Казанбаш Арской вол. провел собрание верующих в мечети, где вел усиленную агитацию за поддержку ЦДУ во всех отношениях, а также говорил о возможности разрешения дальнейшего преподавания вероучения детям. Данная агитация сильно влияет на верующих мусульман и последние остались недовольны муллой САЛИХОВЫМ (обновленец). В результате был составлен приговор под редакцией УРАЗГИЛЬДЕЕВА о снятии муллы САЛИХОВА с должности». Позднее в г. Арске на базаре мухтасиб Уразгильдеев «сагитировал татар о составлении

приговора об отказе от прогрессивного муллы, в результате такой агитации население подписало приговор в положительном смысле по линии Уразгильдеева, последний его утвердил и отослал в ЦДУ».

В сводке отмечалось, что в Тетюшском кантоне производилось формальное расследование деятельности прогрессистов, в других – «дело пока ограничивается провоцированием и натравливанием» верующих на них. Главные лозунги reactionеров в этой борьбе следующие: «Прогрессисты – изменники религии»; «Прогрессисты работают заодно с коммунистами по уничтожению религии» и т.д. В Тетюшском кантоне «муллы-прогрессисты теперь отказываются от всякой работы в этой области и просят извинения перед ЦДУ за их прошлую принадлежность к прогрессистам. Татнаселение мало разбирается в борьбе мусдуховенства». В Челнинском кантоне активные прогрессисты не явились на 3 волостных съезда прогрессивного мусдуховенства, поручив эту работу лицам менее активным. Reactionное мусдуховенство, воспользовавшись слабостью таких мулл-прогрессистов, «всегда проводило свои резолюции, склоняя население на свою сторону и понуждая прогрессистов отказать от открытой деятельности».

«Эта борьба, – отмечал Татотдел ОГПУ, – благодаря численному и качественному перевесу reactionеров и наличию всех распоряжений аппарата Управления [ЦДУ] грозит полным развалом прогрессивного движения. Reactionеры добились кое-каких положительных результатов, т.к. некоторые прогрессисты, даже видные и активные, отказываются от своей идеи. Руководитель Союза мулл Прикамского края Таишев, будучи в Уфе, раскаялся в своем поступке и пообещал члену ЦДУ Абызгильдину отказаться от дальнейшего руководства прогрессивным движением своего района. В общем и целом прогрессивное движение находится в настоящее время под большой угрозой со стороны reactionной части мусдуховенства, руководимой ЦДУ» (ГА РТ. Ф. Р-732. Оп. 11. Д. 27. Л. 151–153, 221–222, 239–242, 261–263; Д. 23. Л. 218). К середине 1920-х гг. «красные муллы» и те из новометодников, которые открыто симпатизировали советской власти, были изгнаны со своих

должностей или предпочли далее не высказывать своих взглядов, часть из них сняла с себя сан.

В сфере борьбы компартии за вовлечение женщин-татарок в политическую жизнь и советское строительство ее конкурентами выступали муллы-новометодники, с помощью ЦДУМ активно вовлекавшие женщин в религиозные дела. Так, в госинформсводке Татотдела ОГПУ № 3883/с за время с 10-го апреля по 1-е мая 1924 г. отмечалось, что «за последнее время среди мусдуховенства вошло в моду читать проповеди среди женщин-татар[ок], для чего таковых собирают в мечети 2 раза в неделю. При чтении проповеди мужчинам вход воспрещен. Со стороны муллы забиваются головы о вере магомета и неверующие таковым проклинаются. Мулла выдает себя за посланного богом и обязывает всех идти по пути, указанному им, предлагает рассказывать всем не посещающим мечеть о всем слышанном. Произносит проклятие тем [из] присутствующих, кои пришли с целью услышать и донести. Призывал к жертвоприношению путем дачи денег и т.д. Агитировал не носить модные наряды и закрываться при встрече с мужчинами. Со стороны женщин было полное внимание к его словам, т.к. многие из присутствующих плакали и остались довольны муллой за его объяснения, многие давали денег». В Сабинской волости в противовес рекомендациям новометодистского ЦДУМ была замечена «агитация о недопущении в мечеть женщин и о помощи муллам [для] внесения поимущественного налога, угрожая в противном случае выходом из [сана] мулл и закрытием мечетей правительством» (ГА РТ. Ф. Р-732. Оп. 11. Д. 27. Л. 221-222, 75-76).

В 1924 г. наблюдался довольно массовый отказ сельских мулл от своей службы, который в русле православной традиции не совсем правильно трактовался как «отречение от сана». Причина крылась в резко усилившемся налоговом гнете. Переоценивая успехи своей политико-идеологической деятельности, советские органы рассчитывали на использование этих фактов в антирелигиозной работе. Заявления мулл публиковались в органе обкома партии газете «Кызыл Татарстан», а местные власти нацеливались на выявление тех аспектов этого явления, которые укладывались в схему «достижений и успехов». Так, в директиве кантонным уполномоченным

Татотдела ОГПУ от 7 мая 1924 г. подчеркивалось, что за последнее время среди мусульманского духовенства отмечен массовый характер отказа от службы. «Подробных сведений, говорящих о причинах сложения духовенством сана, ни в одном из заявлений не указывается, хотя некоторые муллы объясняют, что причиной отречения от сана служит главным образом бремя подоходно-поимущественного налога». ТатГПУ сделал предположение, что «среди духовенства есть достаточно большая часть мулл, которые отрекаются от духовного звания исключительно по убеждению и настроению», и в целях использования этого «в работе по мусдуховенству» предложил сообщать о числе отрекшихся мулл по национальностям (башкир, татар), по районам (городским и сельским), фиксировать, «куда устремляются отрекшиеся муллы (занимаются ли земледелием, поступают ли на службу и т.д.)». Переоценивая возможности аппаратов кантуполномоченных ГПУ, директива предписывала необходимость «изучать в дальнейшем персонально каждого отрекшегося, как его прошлую, так и настоящую деятельность, его способности, отношение к верующим, ЦДУ и к религии вообще, для того чтобы после персонального изучения, можно было сделать общую оценку этого явления», а также сообщать, «какими конкретными обстоятельствами сопровождается отречение мулл от сана». Татотдел ОГПУ просил сообщать «соображения об использовании этих мулл в антирелигиозной работе» (Архив УФСБ РФ по РТ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 23. Л. 37).

В сводках отмечалось, что череда отказов мулл от своих обязанностей, подоплекой чего являлась плохая материальная обеспеченность духовенства, вынудила ЦДУМ выпустить к верующим-мусульманам воззвание с предложением организовать религиозный фонд, из которого будет производиться оплата духовенству, расходы на ремонт мечетей и другие религиозные нужды. «Это воззвание подействовало на мулл и стремление снять сан заметно идет на убыль. В этом отношении что-либо реального пока мусдуховенством не сделано, т.к. возможность организовать такой фонд представится только лишь тогда, когда будет собран урожай» (ГА РТ. Ф. Р-732. Оп. 11. Д. 23. Л. 218).

Степанов А.Ф. Сельские мусульманские общины Татарской АССР
глазами ГПУ (1920-е гг.)

Огромное значение в середине 1920-х гг. приобрел вопрос о возможности преподавания основ мусульманского вероучения в возрожденных мектебах. Так, в инфсводке Татотдела ОГПУ № 7727 за период с 27-го июля по 7-е августа 1924 г. отмечалось, что «циркулировавшие до сего время слухи о разрешении преподавания религии детям в последнее время приняли определенный и чуть ли не официальный характер. [Заместителем муфтия] Кашафом Таржимановым разосланы по своим знакомым письма и телеграммы о том, что им удалось склонить совправительство в сторону разрешения обучения детей от 13-ти летнего возраста. Слухи распространялись в самых низах верующих. Муллы и верующие очень довольны таким разрешением и намереваются выразить ВЦИК... благодарность за такое разрешение. Никаких практических шагов в смысле использования предоставленных возможностей пока не принимается. По всей вероятности практические мероприятия будут иметь место с началом учебного сезона» (ГА РТ. Ф. Р-732. Оп. 11. Д. 27. Л. 261-263).

Как известно, руководство ТАССР не было сторонником легального существования мусульманских школ, рассматривая это как откат от уже достигнутого результата в «революционном просвещении масс». К тому же это создавало проблемы в поликонфессиональном поле республики, где половина сельского населения была православной, а преподавание Закона Божьего было запрещено законом. Как отмечал на одном из заседаний бюро обкома ВКП(б) глава Татотдела ОГПУ Даниловский, «мы тянули до последней возможности» с изданием собственной инструкции. Секретарь Татобкома партии М.М. Хатаевич выразился еще резче: «Решения ВЦИКа о религиозном вероучении у нас в Татарии было просто положены под сукно и не проводилось [в жизнь]» (ГА РТ. Ф. П-290. Оп. 1. Д. 65. Л. 66-67). Власти ТАССР предприняли усилия по аппаратной линии для их изменения или хотя бы недопущения в Татреспублику, однако потерпели неудачу. В итоге, во исполнение решений Центра, Президиум ТатЦИК 25.11.1925 утвердил Инструкцию НКВД и Наркомпроса ТАССР, проект которой предварительно рассылался на места в кантисполкомы (КИКи) для отзыва. Во исполнение постановления и Инструкции на места был разослан циркуляр ТатЦИК № 41/108с от 3.12.1925, в котором местным властям предлагалось «не предьявлять

требований, выходящих из рамок» инструкции. «Необходимо помнить, – постулировалось в нем, – что борьба только административными мерами с религиозным течением не даст желаемых результатов и стремление к открытию религиозных школ само собой изживется тогда, когда мы сумеем удовлетворить все население советскими школами в достаточной степени» (ГА РТ. Ф. Р–732. Оп. 11. Д. 55. Л. 29–29 об.). Преподавание ислама разрешалось при мечетях с разрешения КИКов и ТатНКВД (г.Казань). Допускалось «преподавание вероучения исключительно лицам: а) достигшим 14-тилетнего возраста и представившим о том соответственную справку, б) окончившим школу 1-й ступени и представившим о том соответственную справку или удостоверение». Обучение должно было происходить в мечетях (но категорически не в помещениях советских школ!) и во внеучебное время, причем преподавать можно было исключительно мусульманское вероучение, а не общую грамоту и татарский и другой (арабский) язык (ГА РТ. Ф. Р–732. Оп. 1. Д. 595. Л. 156–164; Оп. 11. Д. 55. Л. 27–29 об.). Поскольку легализация мектебов при мечетях была обставлена большим числом бюрократических рогаток, поток жалоб от мусульманского населения только возрос. В частности, указывалось, что в большинстве татарских селений советских школ просто нет и требование об окончании ребенком школы 1-й ступени невыполнимо. К тому же, по мусульманской традиции возраст зрелости наступал с 12-летнего возраста, а не с 14 лет. Игнорировать эти и другие замечания не представлялось возможным – с 1925 г. НЭП пришел и в деревню, и создавать новые очаги напряженности на селе в условиях общего некоторого послабления партийного курса в отношении широких масс деревенского населения было глупо. Поэтому НКВД ТАССР 30.01.1926 (№ 753/с) дал разъяснение на места, что в мусульманских школах при мечетях «слушателями могут быть лица и не окончившие школу первой ступени, но достигшие 14-летнего возраста, и те лица, еще не достигшие 14-летнего возраста, но окончившие школу первой ступени. В том и в другом случае необходимо требовать от лиц, желающих быть слушателями, предоставления соответственной справки или удостоверения» (ГА РТ. Ф. Р–732. Оп. 11. Д. 111. Л. 15). Позднее возраст учащихся был понижен до 12 лет – наступления совершеннолетия у мусульман.

Степанов А.Ф. Сельские мусульманские общины Татарской АССР
глазами ГПУ (1920-е гг.)

Вышеупомянутые документы с некоторыми корректировками в сторону ужесточения определяли легальные возможности деятельности мусульманского духовенства по организации вероучительных школ в 1925/26 и 1926/27 учебных годах. В дореволюционное время занятия начинались после окончания сельхозработ в октябре и заканчивались в апреле перед посевной. Обычно курс обучения длился два-три года, в советские годы он был сокращен до двух лет. Причем власти требовали заново оформлять все бумаги каждый год, платить гербовый сбор в 1 рубль и еще 15 копеек за выписку из метрики, что для крестьянина было большими деньгами. Списки учащихся составлялись в 3-х экземплярах, так что надо было заплатить еще и переписчику. К этому добавлялась сверхобычная бюрократическая волокита, поэтому чаще всего занятия начинались в конце ноября, в декабре и даже в январе.

Отношение населения к вероучительным школам не было повсеместно однозначным. Например, в инфсводке Татотдела ОГПУ № 8270 (август 1924 г.) отмечалось, что в Челнинском кантоне на Нуркеевской беспартийной конференции были выкрики обязательного фиксирования в протоколе требования о преподавании в школах вероучения. Делегаты указывали, что «если коммунисты не веруют в бога, то им до этого дела нет, и в результате вопрос этот чрезвычайно обострился, и данная конференция была сорвана» (ГА РТ. Ф. Р-732. Оп. 11. Д. 23. Л. 218).

С другой стороны, отстаивание традиции требовало больших усилий и затрат, что не каждому верующему крестьянину было по плечу. Степень религиозности населения, педагогические способности и добросовестность мулл были также разными, а преподавание иным лицам было строжайше запрещено. В 1926 г. зафиксированы случаи, когда в деревне Поисеево Елабужского кантона в выпускном классе вероучительной школы был проведен показательный экзамен, на котором присутствовала почти вся деревня, причем в день экзамена не проводились занятия в местной советской школе. В другом случае (с. Сарманово Челнинского кантона) мулла повел себя недостойно, заранее раздав ответы на вопросы своим ученикам, отвечавшим выученный урок без запинки, но был пойман на подлоге советским сельским учителем и опозорился в глазах паствы

(ГА РТ. Ф. П–15. Оп. 2. Д. 172. Л. 34–37; Ф. П–2432. Оп. 1. Д. 271. Л. 123–131).

Имеющиеся документы не свидетельствуют о волнообразном и все усиливающемся росте так называемого «мусульманского движения» и повсеместном росте религиозных школ. На пути их регистрации было слишком много бюрократических рогадок. К тому же советской властью проводилась активная политика вовлечения татарской молодежи в советские образовательные учреждения от начальных до высших, что вело к уменьшению роли и значения мусульманского духовенства как носителя знания и культуры. Чем дальше, тем больше свое влияние на молодежь оказывала и атеистическая пропаганда, сопряженная с культпросветработой (постановка спектаклей в клубах и избах-читальнях, деятельность учителей).

Тем не менее, власти ТАССР не были настроены к соревнованию в школьном вопросе, который они относили к сфере бескомпромиссной идейно-политической борьбы, и рассматривали легализацию вероучительных школ при мечетях как подрыв своих усилий по насаждению в татарской деревне советской школы и агитпропработы в целом. Аргументом было то, что татары – наиболее развитый народ среди российских тюрков, татарское население в массе не отличается религиозным фанатизмом, что «Татреспублика не представляет из себя отсталой восточной окраины» и в отступлении в этом вопросе нет никакой необходимости. Тем не менее, власти в 1925 г. вынуждены были последовать директивам Центра. Но уже в 1926 г. в настроениях руководства ТАССР произошел перелом. В записке Татобкома ВКП(б) и СНК ТАССР в ЦК партии от 29 июля 1926 г. отмечалось «очень тяжелое состояние дела народного образования в Татарии» на фоне «весьма быстрого роста у нас за последний год числа мусульманских религиозных школ и роста религиозного движения в целом». Татобком потребовал пересмотреть инструкцию НКПроса РСФСР о религиозных школах «в сторону: а) Воспрещения допуска в эти школы детей, не достигших 14-летнего возраста, не имеющих свидетельства об окончании 1-й и 2-й группы [школы] I-й ступени (при том, что школами 1-й ступени была охвачена треть татарских детей – А.С.). б) Воспрещения муллам составлять списки детей школьного возраста и списки верующих, которые

ими используются для терроризирования населения. в) Недопущения организации муллами крупных районных школ путем объединения ребят нескольких приходов. г) Политически неблагонадежным муллам не должна быть разрешена организация школ. Должно быть воспрещено преподавание в школах женами мулл. Организация курсов переподготовки мулл должна быть всячески затрудняема и недопускаема» (ГА РТ. Ф. П–15. Оп. 2. Д. 36. Л. 10; подробнее см.: Степанов, 2019, с. 372–386). Аналогичные обвинения и страхи были зафиксированы и в докладе Татотдела ОГПУ, направленном в Восточный отдел ОГПУ в то же время. Татотдел предупреждал, что «при наличии такого положения о каких бы то ни было уступках по данному вопросу в дальнейшем говорить абсолютно не приходится. Весь вопрос в настоящее время сводится к тому, чтобы умерить пыл далеко зашедшего м[усульманского] духовенства и провести ряд мероприятий с нашей стороны к обузданию разбушевавшейся религиозной стихии» (ГА РТ. Ф. П–15. Оп. 2. Д. 172. Л. 45).

«Новый курс» Татобкома в вопросе вероучительных школ был доведен до руководства на местах, от которого потребовали руководствоваться в своей работе не постановлениями высших органов власти РСФСР, а директивами обкома партии. В результате количество религиозных школ в 1926/27 учебном году сократилось до 205 с 5383 учащимися, а в учебном 1927/28 году упало до 52 с 1093 учащимися (Архив УФСБ РФ по РТ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 20. Л. 73). Как указывал Буинский кантком ВКП(б) в справке от 26.07.1927, уменьшение количества религиозных школ в кантоне с 130 до 31 следует рассматривать «как результат урезания прав на религиозное обучение, результат административных мер. За счет сокращения религиозных школ разрешенных в ряде мест наблюдаются случаи нелегального обучения» (ГА РТ. Ф. П–7262. Оп. 1. Д. 302. Л. 36–40). Протесты ЦДУМ и жалобы с мест не помогали.

В мае 1928 г. политбюро ЦК ВКП(б) решило покончить с религиозными школами вообще, что было реализовано «по советской линии». Очевидно, что данная позиция стала следствием новой политики в стране в целом. СССР вступил в полосу форсированного «наступления социализма по всему фронту», когда религия и церковь официально преследовались, храмы закрывались, священно-

Степанов А.Ф. Сельские мусульманские общины Татарской АССР глазами ГПУ (1920-е гг.)

служители и наиболее активные миряне репрессировались, а в рамках провозглашенной в 1932 г. «безбожной пятилетки» допускались любые агрессивные действия против последователей всех религий, в том числе и мусульман. Тем не менее, факты свидетельствуют, что насильственное искоренение религии не принесло желаемого партии результата, что проявилось в последующие годы.

Источники и литература

1. Степанов А.Ф. Мусульманское духовенство Татарской АССР 1920-х гг. глазами Татотдела ГПУ и местных партийных органов // Конфессиональная политика советского государства в 1920–1950-е годы: Материалы XI Международной научной конференции. Великий Новгород, 11–13 октября 2018 г. М., 2019. С. 372–386.

2. Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н. «Разделяй и властвуй»: неудачная попытка власти расколоть мусульманское духовенство в 1920-х гг. // Власть. 2013. № 8. С. 138–140.

3. Архив УФСБ РФ по РТ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 19, 20, 23.

6. ГА РТ. Ф. П–15. Оп. 2. Д. 36.

7. ГА РТ. Ф. П–15. Оп. 2. Д. 172.

8. ГА РТ. Ф. П–15. Оп. 2. Д. 410.

9. ГА РТ. Ф. П–290. Оп. 1. Д. 65.

10. ГА РТ. Ф. П–2432. Оп. 1. Д. 271.

11. ГА РТ. Ф. П–7262. Оп. 1. Д. 302.

12. ГА РТ. Ф. Р–732. Оп. 1. Д. 595.

13. ГА РТ. Ф. Р–732. Оп. 11. Д. 4.

14. ГА РТ. Ф. Р–732. Оп. 11. Д. 23.

15. ГА РТ. Ф. Р–732. Оп. 11. Д. 27.

16. ГА РТ. Ф. Р–732. Оп. 11. Д. 55.

17. ГА РТ. Ф. Р–732. Оп. 11. Д. 111.

Информация об авторе

Степанов Алексей Федорович – историк, председатель Казанского общества «Мемориал» (г. Казань); e-mail: historik@bk.ru

Stepanov Aleksey F. – Historian, Chairman of Kazan “Memorial” Society (Kazan).

А.М. Субботина

**Взаимодействие органов крестьянского
и земского самоуправления в Вятской губернии
во второй половине XIX – начале XX в.**

В статье рассматривается вопрос о взаимоотношениях земств, волостных правлений, сельских обществ в Вятской губернии в 1860–1910-е гг. Основу исследования составляют документы фондов Канцелярии вятского губернатора Центрального государственного архива Кировской области, Глазовской и Сарапульской уездных земских управ Центрального государственного архива Удмуртской Республики. На основе их анализа делается вывод об участии должностных лиц крестьянского самоуправления в работе земских собраний. Утверждается, что земства активно привлекали сельские общества и волостные правления к реализации своей деятельности. Волостные старшины, сельские старосты, используя свой авторитет, могли оказывать влияние на отношение своих обществ к земским мероприятиям. Они должны были следить за выполнением крестьянами повинностей и других обязательств перед земством. Сотрудничество сельских и волостных должностных лиц с земством давало им возможность получить дополнительный доход, льготные условия предоставления земских услуг. Сельские общества неохотно шли на увеличение своих расходов, связанных с открытием школ, библиотек и других земских объектов. В этих условиях земства вынуждены были менять свой подход к развитию земского хозяйства.

Ключевые слова: земство, местное самоуправление, сельское общество, волостное правление, сельский староста, волостной старшина.

А.М. Subbotina

**Peasant and Zemstvo self-government bodies' interaction
in Vyatka province in the second half of the XIX – early XX centuries**

The article deals with the relationship of Zemstvos, volost boards, rural societies in the Vyatka province in the 1860–1910s. the basis of the study are the

Субботина А.М. Взаимодействие органов крестьянского и земского самоуправления в Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

documents of the funds of the Office of the Vyatka Governor of the Central state archive of the Kirov region, Glazov and Sarapul district Zemstvo departments of the Central state archive of the Udmurt Republic. On the basis of their analysis, is made a conclusion about the participation of officials of peasant self-government in the work of Zemstvo assemblies. It is claimed that Zemstvos actively involved rural societies and volost governments in the implementation of their activities. Volost foremen, village headmen, using their authority, could influence the attitude of their societies to the Zemstvo events. They were supposed to monitor the implementation of farmers duties and other obligations to the district Council. Cooperation of rural and volost officials with the Zemstvo gave them the opportunity to receive additional income, preferential conditions for the provision of Zemstvo services. Rural societies were reluctant to increase their expenditures related to the opening of schools, libraries and other Zemstvo's facilities. In these conditions, Zemstvos were forced to change their approach to the development of the Zemstvo economy.

Keywords: Zemstvo, local government, rural community, volost board, village headman, volost headman.

Реформы 1860-х гг. в России способствовали развитию местного самоуправления разного уровня. Вновь появившиеся земские собрания и управы в своих действиях в отношении крестьян неизбежно должны были обращаться к волостным и сельским органам. В статье рассматривается вопрос о том, каким образом происходило это взаимодействие на территории Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

Волостные старшины, сельские старосты и другие представители крестьянского самоуправления являлись важными посредниками между земством и крестьянами. От их отношения к земским инициативам, умения убедить волостные и сельские сходы во многом зависел успех в сфере модернизации сельского хозяйства, открытия школ, проведения противоэпидемических мероприятий и др. Оказавшись в составе земских собраний и управ, они могли проникнуться проблемами и чаяниями земства.

Данные по земским выборам в Вятской губернии за 1894 г. показывают, что гласными земских собраний от крестьян часто становились сельские старосты, волостные старшины, писари, сборщики

Субботина А.М. Взаимодействие органов крестьянского и земского самоуправления в Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

податей и другие представители крестьянского самоуправления. На их долю приходилось до половины и более от числа гласных, выбранных от сельских обществ (Субботина, 2017, с. 187). Показателен в этом отношении пример А.С. Шуклина. В 1894 г. он был избран гласным Глазовского уездного земского собрания от Лекомской волости. До этого служил волостным старшиной. В 1893 г., по словам земского начальника, вместе с другим крестьянином он дал волостному сходу беспроцентную ссуду размером в 600 руб. для покупки у земства семенной ржи и продажи крестьянам по закупочным ценам (ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 121. Д. 179. Л. 144–146).

Волостные старшины играли важную роль в крестьянском самоуправлении. Законом на них возлагались такие полномочия, как созыв и роспуск волостных сходов, вынесение на их рассмотрение дел, приведение в действие их приговоров, наблюдение за исполнением государственных и земских повинностей, за деятельностью сельских старост и других должностных лиц, заведование денежными суммами и имуществом волостного общества, надзор за состоянием открытых на общественные средства школ, больниц и др. (ПСЗ-II, т. 36, отд. 1, с. 154). С учетом этого, позиция волостного старшины в отношении земства могла иметь большое значение для принятия и реализации земских решений. С одной стороны, выступая в земских собраниях в качестве гласного, он был голосом крестьянства, выразившим его видение той или иной ситуации. С другой стороны, его авторитет среди крестьян был важным условием проведения земских мероприятий в жизнь.

Значительная доля представителей крестьянского самоуправления в составе земских собраний Вятской губернии объясняется рядом причин. Во-первых, исполнение обязанностей земского гласного не предполагало получение жалованья и, следовательно, было достаточно обременительно для крестьян. Сельские старосты, волостные старшины и другие должностные лица крестьянского самоуправления получали вознаграждение от обществ за свою службу и поэтому, по мнению крестьян, могли успешно совмещать ее с деятельностью земского гласного. Во-вторых, эти люди обычно пользовались авторитетом как со стороны своих обществ, так и со стороны администрации. Благодаря этому они достаточно легко про-

Субботина А.М. Взаимодействие органов крестьянского и земского самоуправления в Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

ходили утверждение со стороны губернатора. В-третьих, среди них часто оказывались люди активные, состоятельные. Некоторые были заинтересованы в сотрудничестве и получении определенных льгот от земства. Имея свой интерес, они охотно соглашались быть избранными в гласные земских собраний.

Сотрудничество с земством могло приносить должностным лицам крестьянского самоуправления реальный доход. Весьма выгодным делом как с точки зрения пополнения земских капиталов, так и получения дополнительного заработка членами волостными правлений. В 1890 г. Бурановское волостное правление Сарапульского уезда заработало вознаграждение за ведение страхового дела в размере 25 руб. 29 коп. из расчета по 3 коп. за каждые 10 застрахованных от пожара зданий жителей волости. 75% (18 руб. 97 коп.) от этой суммы причиталось волостному писарю, который вел дело-производство. Всего по обязательному страхованию было застраховано 8430 строений, сумма страховых платежей, которые были переданы Сарапульскому земству, составила 1487 руб. 50 коп. (ЦГА УР. Ф. 246. Оп. 1. Д. 6. Л. 94–94 об.).

В то же время многие противопожарные мероприятия не соблюдались и не контролировались волостными правлениями. Страховой агент первого участка Глазовского уезда в своем отчете земству в 1916 г. отмечал, что во многих волостях в ходе строительства без соблюдения установленных правил, без указаний со стороны волостного начальства и без выдачи разрешительных документов (ЦГА УР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 55. Л. 19).

Проводя свою преобразовательную деятельность, земства стремились привлекать к участию в ней непосредственно сами сельские общества. Земские школы, библиотеки и другие объекты гораздо быстрее открывались там, где на местах оказывалась какая-либо поддержка. И напротив, земства сдерживали свою деятельность в тех районах, где местные общества не хотели материально и финансово в ней участвовать. В 1875 г. Глазовское уездное земское собрание постановило открывать новые школы там, где сельские общества предоставят помещения для них за небольшую плату от земства, или обязательство о поставке лесоматериалов. В 1879 г. оно приняло решение в случае уклонения сельских обществ от расходов

Субботина А.М. Взаимодействие органов крестьянского и земского самоуправления в Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

по найму квартир для училищ взимать плату с учеников на эти цели. В ответ 5 обществ заявили, что не желают нести расходы на эти цели, 27 высказались за сохранение прежнего порядка, 2 согласились устроить школьные помещения за свой счет, от 8 ответов не поступило. В следующем году земство еще раз обратилось к сельским сходам и церковным попечительствам с угрозой перевести школы из тех обществ, где отказываются участвовать в их содержании. В результате было закрыто 6 училищ, из которых 3 открылись, когда вопрос с помещением был решен (ЦГА УР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 41. Л. 71–72). Поскольку качество предоставляемых на местах помещений не удовлетворяло необходимым требованиям, земства Вятской губернии постепенно переориентировались на самостоятельное оборудование школьных зданий и выделение на эти цели дополнительных средств. Наличие заинтересованности со стороны сельских обществ, выраженное в ходатайствах и приговорах о выделении земли или какой-то другой форме участия, оставалось важным фактором для открытия школы именно в этом населенном пункте. В начале XX в. заинтересованность крестьян в образовании выросла вместе с количеством соответствующих обращений к земству.

Волостные правления в земский период становились центрами не только общественной, но и культурной жизни. По данным Глазовской земской управы, к 1914 г. из 34 библиотек-читален в уезде 17 располагались в волостных правлениях. Только в трех из них были выделены специальные помещения, в которых посетители могли читать. В остальных книги располагались в канцеляриях, прихожих, коридорах волостных правлений. Среди заведующих библиотеками было 13 волостных писарей, получавших вознаграждение за исполнение этих обязанностей по 60 руб. в год (ЦГА УР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 41. Л. 99).

Таким образом, успех земской деятельности среди крестьян во многом зависел от эффективного взаимодействия с сельскими обществами и волостными правлениями. Представители органов сельского и волостного самоуправления входили в состав земских собраний, были посредниками между земством и своими односельчанами в исполнении земских повинностей и других обязательств, привлекались к различным мероприятиям земства на выгодных для

Субботина А.М. Взаимодействие органов крестьянского и земского самоуправления в Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

себя условиях. Знание местной ситуации, авторитет сельских старост, волостных старшин, писарей и других должностных лиц, их умение выстраивать отношения с крестьянским населением и разными организациями были востребованы земствами в их преобразовательной деятельности.

Источники и литература

1. Высочайше утвержденное Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости // ПСЗ-II. СПб., 1863. Т. 36. Отд. 1. С. 141–169.
2. Субботина А.М. Социально-демографическая характеристика гласных земских собраний 1890-х гг. По материалам Государственного архива Кировской области // Вестник архивиста. 2017. № 4. С. 183–193.
3. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 121. Д. 179.
4. ЦГА УР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 41.
5. ЦГА УР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 55.
6. ЦГА УР. Ф. 246. Оп. 1. Д. 6.

Информация об авторе

Субботина Анна Михайловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук» (г. Ижевск); e-mail: anmisu@yandex.ru

Subbotina Anna M. – Candidate of Historical Sciences, Senior research fellow, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk).

Волость, волостные управители Казахской степи в XIX в.: особенности функционирования

Данная статья раскрывает особенности функционирования института волостной системы в Казахской степи с 1822 по 1917 год. Автором выделены три этапа, которые позволяют увидеть постепенный процесс изменений нормативных документов Империи по отношению к социальному происхождению, срокам службы и выборов волостного правителя в Степи и принципам образования волостей. На первом этапе (1822–1868) шел процесс конкретизации критериев к назначению волостного управителя: от султанского сословия к «почетным казахам», от неопределенного срока к трехлетнему периоду исполнения обязанностей и др. Особенность второго этапа (1868–1902) заключалась в разработке механизма выборов волостных управителей: вводились такие понятия, как выборные, волостные съезды. На третьем этапе (1902–1917) волостные управители перешли в подчинение к крестьянским начальникам, казахские волости перемежались с русскими волостями.

Ключевые слова: Казахская степь, волость, волостные правители, выборы, крестьянские начальники.

G.S. Sultangalieva

Volost, volost governors of the Kazakh steppe in the XIX Century: features of functioning

This article reveals the features of the functioning of the institute of the volost system in the Kazakh steppe from 1822 to 1917 years. The author has identified three stages that allow to understand the gradual process of changing the legislative documents of the Empire in relation to social origin, the term of service and election of the volost ruler in the Steppe and the principles of formation of volosts. At the first stage (1822–1868) there was a process of concretization of the criteria for the appointment of a volost rulers: from the Sultan estate to “honorary” Kazakhs, from an indefinite period to a three-year terms of duties, etc. The peculiarity of the second stage (1868–1902) consisted in the development of a mechanism for elections of volost rulers: such terms as elec-

Султангалиева Г.С. Волость, волостные управители Казахской степи
в XIX в.: особенности функционирования

tive, volost's congresses were introduced. At the third stage (1902–1917), the volost rulers became subordinate to the peasant chiefs, the kazakh volosts alternated with the Russian volosts.

Key words: Kazakh steppe, volost rulers, volost, election, peasant chiefs.

Знаменательно, что сегодняшняя конференция посвящена изучению институтам сельского самоуправления XVIII – 20-е гг. XX в. Это свидетельствует о том, что начался поворот в исторической науке к изучению низовой системы управления (волость в дореволюционное время или сельские советы в советское время, сельские округа сегодня), которые охватывают практически все проявления жизни общества. Долгое время исследования в гуманитарной науке, посвященные истории Российской империи, фокусировались на таких вопросах, как функционирование высших органов власти, разноплановая деятельность генерал-губернаторов, военных губернаторов на национальных окраинах Империи (Бикташева, 2014; Губернаторы, 1999; Ибрагимов, 2003, с. 52–53; Матханова, 1998; Мацузато, 2004, с. 427–458; Ремнев, 2000, с. 343–358). Все исследования в основном были направлены на изучение процесса сверху вниз, а на деле изучение низшего звена в системе управления на окраинах Российской империи представляет особый интерес и позволяет увидеть не только внедрение административной структуры Российской империи XVIII века «волость» на территорию иноэтничных регионов, но и понять процесс адаптации нерусского населения к нововведениям русской власти. Общеизвестно, что волостная система управления была внедрена как по отношению к оседлым, так и к кочевым народам Империи, в частности калмыкам, башкирам, казахам (Волости, 2018; Институт, 2018), кыргызам и др. (Бакиева, 2010, с. 156–164; Маматова, 2011, с. 48–52; Почеревин, 2013, с. 137–140). Естественно, что волость в Казахской степи имела свои отличия от русской волости, несмотря на то, что в казахских кочевьях был введен такой же принцип административно-территориальной организации волости, как и во внутренних губерниях Российской империи.

Султангалиева Г.С. Волость, волостные управители Казахской степи
в XIX в.: особенности функционирования

Волостная система управления на территории Казахской степи просуществовала практически 100 лет с 1822 по 1918 г.

Нами выделены три этапа функционирования волостной системы на территории Степи. Исходя из этого, на основе нормативных документов Империи и материалов, извлеченных из фондов центральных архивов Казахстана и России, я попытаюсь раскрыть особенности каждого этапа и показать постепенный процесс изменений по отношению к социальному происхождению, срокам службы и выборов волостного правителя и принципам образования волостей.

Казахская волость: создание, структура и изменения (1822–1868 гг.).

Впервые административная структура «волость» была внедрена по отношению к казахам Западно-Сибирского ведомства. Автором внедрения волостной системы стал известный общественный деятель и реформатор Российской империи первой половины XIX в. Михаил Сперанский (1779–1839), который прекрасно понимал, что административное оформление территории имело приоритетное значение и являлось важным актом российского правительства включения ее в состав Империи, тем более, что эта система была адаптирована по отношению к сибирским татарам, предложил вертикальную модель управления (Сперанский, 1905): аул – волость – округ – область – генерал-губернаторство на территории казахских кочевий Среднего жуза.

Согласно «Уставу о сибирских казахам», территория Среднего жуза в административном отношении входила в состав Омской области и делилась на округа, которые должны были включать от 15 до 20 волостей, а волости в свою очередь от 10–12 аулов. Заслуга М.Сперанского состояла и в том, что им был заложен принцип создания волостей на основе объединения казахских родов и соседнего расположения: «§ 8. Округи преимущественно состояются из тех волостей, кои считаясь в одном роде или поколении, обыкли уже быть совокупно, и из волостей, им соседственных» (ПСЗ-I, т. XXXVIII, с. 417). Однако это был теоретический проект, который нужно было реализовать на практике. Первые шаги легли на плечи первого начальника Омской области, полковника Семена Богдано-

Султангалиева Г.С. Волость, волостные управители Казахской степи
в XIX в.: особенности функционирования

вича Броневского (1823–1827). Он имел опыт военных действий на Северном Кавказе (участвовал в операциях в Кабарде) и Персии, но впервые столкнулся со сложным вопросом создания низовой административной структуры в кочевом обществе, что требовало от него не только управленческих способностей, но и знания кочевой культуры, хозяйства. С.Б. Броневский понимал, что на первом этапе создания волостей важно придерживаться не административно-территориального принципа создания волостей, а принципа объединения казахских родов под управлением отдельного родоправителя. И используя систему разделения казахского кочевого общества на роды и подроды, придать административный смысл низовой системе управления казахами. Более того, начальником Омской области был предложен принцип постепенности и добровольности создания волостей (Материалы, 1960, с. 113). С.Броневский понимал, что граница созданных волостей была изменчива и зависела от сезона кочевания. В течение июля-августа 1824 г. были созданы первые две волости: Сырым-Каракисекская и Чур-Каракисекская на территории Каркаралинского внешнего округа. Название волостей соответствовало наименованию родов, вошедших в состав этой административной структуры. 13 июля 1824 г. правителем Сырым-Каракисекской волости был избран султан, майор Газы Букейханов, а 1 августа 1824 г. султан Батыр Букейханов стал правителем Чур-Каракисекской волости (Там же, с. 119).

Как представитель сословной Империи, М.Сперанский считал, что султаны, являвшиеся на протяжении столетий «высшим наследственным сословием» в казахском кочевом обществе, должны стать опорой в процессе административных преобразований в системе местного управления. Согласно его видению, и волость должна управляться султанами (§ 16 Устава о сибирских казах), при этом должность волостных султанов считалась наследственной, право на управление волостью передавалось им по первородству, но если султан не имел наследника, то его брат или родственник могли занять его место (§ 30–33). Устав 1822 г. зафиксировал тенденцию постепенного превращения волостных султанов в чиновников Российской империи, принцип ранжированности классовых чинов казахами, находившимися при должности. Согласно § 54 Устава о си-

Султангалиева Г.С. Волость, волостные управители Казахской степи
в XIX в.: особенности функционирования

бирских казахах, султаны, управляющие волостями, становились чиновниками 12-го класса.

Волостные получали жалование из государственной казны, и начальник Омской области С.Броневский считал, что это могло стать стимулом для других султанов, желающих занять должность, которые поймут, что «жалованье не иначе должно производиться им, как по устройству волостей, будут сами домогаться у народа о разделении волостей и о выборе управляющих...» (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 443. Л. 22).

И более того, начальник Омской области понимал, что ключевой фигурой в казахском кочевье должен стать волостной султан, и чтобы придать ему «более силы и весу в народе», посчитал нужным определить из стражи, состоящей при окружном приказе, к каждому волостному султану по 10 казаков с «благонадежным урядником», которые постоянно находились бы при управителе (Там же, л. 21–22 об.).

С 1827 г. начался новый этап формирования волостей, связанный с новыми назначениями должностных лиц в этот регион. Генерал-майор Василий Иванович де Сент-Лоран был назначен начальником Омской области. Новоиспеченный начальник Омской области В.И. де Сент-Лоран поручил Каркаралинскому и Кокчетавскому внешним окружным приказам доставить «самовернейшие сведения о всех волостях, вошедших в управление округа, с означением их родов и родоначальников, и также и того, когда они именно поступили в состав округа, на какое расстояние кочуют от Приказа; в каких именно местах занимают кочевки, как они обширны, сколько какой родоначальник имеет под своим управлением кибиток и нельзя ли приложить карту кочевым местам» (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 473. Л. 2–2 об.).

К 1831 г. внешние окружные приказы Омской области ввели такой важный документ в делопроизводственной документации, как ведомости «о всех волостях, состоящих в ведении приказа». Ведомость стала информативным источником, ибо включала сведения, где именно «оные волости» имели зимние кочевья, с названием всех урочищ, «по коим оные кочевали» и насколько далеко откочевывали в летнее время (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 539. Л. 1). Принцип

Султангалиева Г.С. Волость, волостные управители Казахской степи
в XIX в.: особенности функционирования

сохранения за казахскими родами места зимних кочевий соблюдался и в 50-х гг. XIX в., независимо от создания новых административных единиц, в частности, как Семипалатинская область и Область сибирских казахов (май, 1854 г.). Военный губернатор Семипалатинской области, полковник П.М. Спиридонов подчеркнул, что «первым и главным соображением остается бесспорное разделение пастбищ по правам прежнего владения и избежания всякой чрезполосности» (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 235. Л. 5–5 об.).

Второй вопрос, который интересовал региональную администрацию, «какой султан кибитками управляет» и желательно было им иметь именные списки всех султанов (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 473. Л. 1). Западно-Сибирская администрация столкнулась с тем фактом, что не все султаны имели сильные позиции для занятия должности волостного управителя и конкурировали с влиятельными почетными старшинами и биями из казахских родов Среднего жуза. Так, на территории Кокчетавского внешнего округа султаны разделили поровну власть с влиятельными старшинами, а именно, по данным 1831 г., были избраны 9 волостных султанов и столько же волостных управителей из родовой знати (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 539. Л. 2 об.–26). Как мы видим, декларированные в Уставе правила не могли быть соблюдены при назначении новых должностных лиц (волостных султанов). Единственный округ, где сохранялось влияние султанов к 40-м гг. XIX в., оставался Каркаралинский внешний округ старшего султана полковника Конуркульджи Кудаймендина, где из 17 созданных волостей на этой территории в 12-ти управляли султаны.

Сводные данные и доклады региональной сибирской администрации о реальной картине, сложившейся на территории волостей внешних округов, заставили Центр пересмотреть правила и назначения волостных управителей. Нововведения уже нашли отражение в Положении об управлении Семипалатинской областью (19 мая 1854 г.), где был значительно расширен круг лиц, допущенных к выборам на должность волостного, наряду с султанами, и волостью могли управлять теперь «почетные казахи», т.е. лица не султанского происхождения. Во-вторых, было ликвидировано право наследственности, теперь волостные могли «избираться народом на неоп-

Султангалиева Г.С. Волость, волостные управители Казахской степи
в XIX в.: особенности функционирования

ределенное число лет» (§ 85) и утверждались в своей должности военным губернатором (ПСЗ-II, т. XXIX, ч. 1, № 28255, с. 501). Итак, с одной стороны, при помощи «Табели о рангах» производился как бы постоянный отбор «лучших элементов», а с другой стороны, эти новые правила стали отражением смещения акцентов российского правительства при назначении на должности в Степи от султанов к выходцам из степной элиты (бии, старшины).

Обсуждение российской властью необходимости изменения правил о допуске лиц на должность волостного султана продолжалось и в 60-х гг. XIX в. По данным Совета областного управления сибирскими казахами, к 1860-м гг. из 77 волостных управителей только 11 были султанами (ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 707. Л. 5–8).

В результате, 4 апреля 1861 г. Сибирский комитет утвердил Положение о порядке выборов волостных управителей в Казахской степи и Семипалатинской области, где закрепилось право занимать должности волостного за «почетными» казахами. Положение от 4 апреля 1861 г. внесло существенные поправки о порядке выбора волостных управителей. Согласно данному закону, к управлению волостями допускались лица не султанского происхождения, а именно казахи, имевшие офицерские чины, военные ордена, медали или «почетные кафтаны», пожалованные генерал-губернаторами. В случае же избрания на должность управителя влиятельного и уважаемого казаха, не имевшего ни одно из перечисленных «отличий», он определялся как исполняющий должность, до получения по службе чина или медали. Как мы видим, с одной стороны, при помощи «Табели о рангах» производился как бы постоянный отбор «лучших элементов», а, с другой стороны, эти новые правила стали отражением смещения акцентов российского правительства при назначении на должности в Степи от султанов к выходцам из степной элиты (бии, старшины) (Султангалиева, 2015, с. 651–679).

А в феврале 1862 г., практически через 40 лет после введения волостной системы в Степи, председатель областного правления сибирских казахов, Карл Казимирович Гутковский внес два существенных предложения: 1. Об определении 3-х летнего срока службы волостных управителей; 2. За три трехлетия службы награждать волостных управителей офицерским чином сотника. По сути своей, Карл

**Султангалиева Г.С. Волость, волостные управители Казахской степи
в XIX в.: особенности функционирования**

Гутковский поднял очень важный вопрос: как могли российские власти регулировать взаимодействие с волостным, оказывать влияние или давление, если срок службы волостного управителя не зависел от региональной администрации, в отличие от старших султанов внешнего округа или заседателей окружного приказа, срок службы которых определялся трехлетним периодом. В мае 1866 г. предложения полковника К.К. Гутковского были утверждены Государственным советом и внесены в соответствующий пункт Устава по службе по выборам сибирских инородцев (Материалы, 1960, с. 200).

Таким образом, на этом этапе, российская власть почти на протяжении полувека практически не изменила подходы к созданию волостной территориально-административной структуры в Степи, но регламентация должностных полномочий волостного управителя постепенно конкретизировалась.

Александр Константинович Гейнс, будучи в составе Степной комиссии в 1865 г., посчитал возможным и нужным распространение опыта такой территориальной структуры, как «волость», и во вновь создаваемом Туркестанском генерал-губернаторстве «... для административных целей», тем более, если «в Сибири деление на волости принесло благоприятные результаты» (Гейнс, 1898, с. 18–19).

Особенности функционирования волостной системы управления в 1868–1902 гг.

Критерием образования волости по Временному Положению об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств от 21 октября 1868 г. остался подход «соседственности аулов по земельному пользованию зимними пастбищами» (Материалы, 1960, с. 327). Этот же принцип был сохранен и в Положении об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями от 25 марта 1891 г.

Временное положение об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей от 11 июля 1867 г., «Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» от 21 октября 1868 г. конкретизировали правила выбора, назначения волостных управителей и сроки службы. Волост-

**Султангалиева Г.С. Волость, волостные управители Казахской степи
в XIX в.: особенности функционирования**

ным управителем мог теперь стать как представитель султанского сословия, так и представитель родовой знати, влияние которого на своих соплеменников было значительным. Сроки службы волостного управителя составили 3 года. Особенность этих законодательных документов состояла и в том, что в них были разработаны детали и механизм выборов волостных, а именно от времени и места «волостных съездов и аульных сходов», определяемых уездным начальником до лиц, участвующих в выборах. Впервые было введено понятие «выборные», представители каждого аула, участвующие в выборах волостного. Выборы волостного управителя могли производиться только в присутствии уездного начальника или его помощника, которые наблюдали за порядком, не вмешиваясь в направление выборов. Следующая особенность заключалась в том, что выбирались две кандидатуры: один кандидат назначался на должность волостного управителя, а второй – на должность кандидата на волостного управителя (§86) (Материалы, 1960, с. 392). Тем самым сохранялась возможность быстрого замещения должности волостного в случае болезни, смерти управителя или проведения самостоятельной линии в управлении подведомственным им населением.

Денежное содержание волостному управителю определялось волостными съездами выборных. Приговоры волостного съезда выборных о назначении жалования представлялись «на утверждение уездного начальника» (§ 78). Время и порядок выдачи жалования волостным управителям определялись военным губернатором области. Размер жалования варьировался от 300 до 600 рублей и зависел от численности кибиток, платежеспособности кочевого населения, так как процедура сбора денежного содержания для волостных управителей зависела от кибиточного сбора (§ 79) (Там же, с. 328). Одновременно «Временные положения...» включали систему поощрения волостных управителей, осуществлявших на местах своевременно все требования региональной администрации, за усердие при исполнении ими служебных обязанностей. Волостные управители могли быть отмечены: «почетным гражданством, орденами, медалями, почетными халатами, подарками и денежными наградами, на основании установленных правил» (§127) (Там же, с. 339).

Султангалиева Г.С. Волость, волостные управители Казахской степи
в XIX в.: особенности функционирования

По «Временному Положению» впервые были определены «особые бронзовые знаки» для волостных управителей при исполнении ими служебных обязанностей и особые печати для оформления исходящих от их имени официальных бумаг. Форма печатей и знаков утверждалась министром внутренних дел, и изготовление их производилось за счет государственной казны. Готовые печати и знаки выдавались уездным начальником, утвержденным волостным управителем. В случае завершения срока службы, знаки и печати должны были возвращаться уездному начальнику для передачи их приемникам (§ 104–107). Внедрение особых печатей для организации делопроизводства в низовой системе управления казахским населением вместо традиционной подписи или тамги свидетельствовало о проникновении российских атрибутов управления.

Введение волостной системы управления на территории казахов Оренбургского ведомства встретило отчаянное сопротивление, которое вылилось в восстание казахов Тургайской и Уральской областей (1869 г.) и в восстание на Мангышлаке (1870 г.). Однако сопротивление казахского населения новой административной реформе было подавлено, и волостная система была внедрена и на этой территории.

Особенность данного периода заключалась и в том, что назначенные волостные управители Тургайской и Уральской областей уже имели опыт административной службы. Анализ послужных списков волостных управителей Тургайской области, назначенных в 1869 г., показал, что из 19 волостных управителей 12 находились на должности дистанчных или местных начальников казахов Оренбургского ведомства. К примеру, управитель Буртинской волости Баядил Кейкин до избрания на должность проработал начальником дистанции, помощником султана правителя Средней части, Беркимбай Бучибаев – начальником 56-й дистанции, Кудабай Кучбин – начальником 55-й дистанции (1844–1869), Каумен Алдияров – начальником 20-й дистанции (1856–1869) и т.д. При этом они были начальниками дистанций от 10 до 20 лет, имели уже военные чины от зауряд хорунжего до есаула. Причиной этому явилось то, что они до своей службы являлись биями или старшинами родов, т.е., по сути, родоуправителями, которые возглавили свой род в но-

Султангалиева Г.С. Волость, волостные управители Казахской степи
в XIX в.: особенности функционирования

вых условиях. Вторая особенность первой волны волостных управителей состояла в том, что они попытались создать династии волостных, передавая власть от отца к сыну, в частности Нурмухамедовы, Кийкины, Беркимбаевы, Джаикпаевы, Тельгозины-Чоновы и др. Беркимбай Бучибаев в 1869 г. был избран волостным Аралтюбинской волости и прослужил на этой должности более двадцати лет. Особенность управления этой волостью состояла в том, что кандидатом в волостные все эти годы был его сын, Мирали, который в 1895 г. стал волостным и прослужил на этой должности одно трехлетие (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1609. Л. 5). С 1899 г. управителем Аралтюбинской волости стал внук Беркимбая Лаик, который прослужил до 1917 г. Таким образом, мы видим три поколения на должности волостного правителя: отец-сын-внук.

Волостные управители имели и разный образовательный уровень. К примеру, большинство волостных управителей Тургайской области являлись выпускниками школы при Оренбургском областном правлении, но были среди них и те, кто не имел русского образования, но пользовался влиянием и авторитетом как среди своих соплеменников, так и среди русской администрации. В конце XIX в. ситуация изменилась, что было связано с распространением русской грамотности в казахской степи и ведением делопроизводства на русском языке. К 17 января 1897 г. военный губернатор Тургайской области Я.Барабаш издал циркуляр о необходимости знания русского языка волостным, аульным старшинам, ибо «как должностные лица, они обязаны не только знать законы и распоряжения начальства, но и блюсти за точным их исполнением». При этом он подчеркивал, что стремление казахов занять должность и стать волостным управителем мотивировало их изучать русский язык, тратя значительные средства на наем учителей (Материалы, 1960, с. 422–423).

Интересным для понимания роли волостного управителя в Степи стал вопрос о том, нужно ли оставлять волостных как представителей местного управления, подсудными обычаям казахского народного суда? И насколько правомочен народный суд рассматривать дела об ослушании и оскорблении казахами волостных управителей, если они являются представителями русской власти на местах? На самом деле волостной управитель мог быть утвержден на

Султангалиева Г.С. Волость, волостные управители Казахской степи
в XIX в.: особенности функционирования

должность только военным губернатором области. И как могут российские власти защитить достоинство и статус должностного лица, в данном случае волостного управителя? Результатом обсуждения данного вопроса стало распоряжение оренбургского генерал-губернатора от 9 июля 1881 г. разрешить рассматривать подобного рода дела ведомству уездных судей или областному правлению вместо народных судов (Там же, с. 341–342). Этот документ, инициированный русскими чиновниками областного правления оренбургского генерал-губернаторства, является важным для понимания процесса проникновения российских атрибутов власти в Степь и попытки уравнивания волостных управителей в правовом статусе с российскими должностными лицами.

В конце XIX в. стал обсуждаться вопрос изменения организации управления крестьянским и казахским кочевым населением Казахстана. Приток переселенцев изменил социо-этническую структуру населения Казахстана, за 1870–1897 гг. удельный вес казахского населения снизился в целом по Казахстану на 5,72% (Бекмаханова, 1986, с. 140). Дискуссии о необходимости изменения административного управления казахским и крестьянским населением вылились в решение Государственного Совета (10 июня 1902 г.) о распространении касающегося сибирских губерний «Временного положения о крестьянских начальниках» на Акмолинскую, Семипалатинскую, Уральскую и Тургайскую области. Каждый уезд делился на 4 крестьянских участка, на территории которого создавались как казахские, так и русские волости (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1009. Л. 86). Сложным был вопрос разделения казахских волостей и включения их в тот или иной крестьянский участок. Причиной этому были особенности землепользования в казахском кочевом обществе, разветвленная родоплеменная структура, указывающая на общественное владение каждым родом землей, а именно пастбищными угодьями. Исходя из факта, что последняя реформа российского правительства на территории Степного генерал-губернаторства внесла изменения в систему функционирования казахской волости, нами выделен **третий этап с 1902 по 1917 г.**

Особенности функционирования волостной системы управления в этот период заключались в следующем. Во-первых, в результате

Султангалиева Г.С. Волость, волостные управители Казахской степи
в XIX в.: особенности функционирования

административных преобразований казахские волости оказались смежными, чрезполосными с русскими волостями. Каждый крестьянский участок включал от 3 до 5, но были участки с одной казахской волостью. Этот факт создавал основу для земельных споров и конфликтов между местным населением и переселенцами. Во-вторых, изменилось управление казахской волостью – по Положению об управлении степных областей 1891 г. на крестьянских начальников были возложены обязанности уездных начальников (ПСЗ-III, т. 22, № 21640, с. 593). Теперь уже крестьянские начальники, а не начальники уездов, должны были осуществлять сбор платежей и повинностей, руководить экономической и духовной жизнью подведомственного им населения, осуществлять надзор за деятельностью народных судов, участвовать в заседаниях волостных съездов народных судей, проводить ревизии делопроизводственной документации волостных управителей и аульных старшин и поддерживать внутренний порядок в подведомственных им волостях.

Местное население, которое адаптировалось к уездной системе управления на протяжении более 30 лет (1868–1902), в уже изменившихся условиях стало воспринимать разделение уезда на дробные административные участки как увеличение количества русских начальников, желание обратить казахов в «крестьян», христианизировать (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 818. Л. 292–293; Д. 2322. Л. 107–108). И отложившиеся в большом количестве документы в фондах ЦГА РК свидетельствуют о том, что крестьянские начальники не внушали казахскому населению доверия и уважения. Кроме того, крестьянские начальники в глазах казахского населения олицетворяли власть, которая занималась изъятием их земли, расселением восточнославянского населения на их территории и создавала русские волости. Анализ архивных документов показал, что конфликты между крестьянскими начальниками и казахским населением возникали при разрешении ими спорных вопросов землепользования между волостями или из-за нарушений, допущенных крестьянскими начальниками при выборах волостных или аульных старшин. Докладные представители казахской администрации (волостные управители, аульные старшины) указывают и на тот факт, что крестьянские начальники в обращении с ними использовали бранные слова, оскорбления и ору-

Султангалиева Г.С. Волость, волостные управители Казахской степи
в XIX в.: особенности функционирования

жие, что вызвало ответную реакцию казахского населения (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2986. Л. 20–29). Как показывают документы, зачастую казахское население пыталось самостоятельно разрешить возникшие конфликты, используя силовые приемы, а именно: избивание чиновников и захват их в качестве пленников, удержание их в своих кочевьях. Ярким примером этому явился доклад начальника Тургайского уезда в областное правление от 11 августа 1906 г. об избивании казахами Тусунской волости крестьянского начальника Назарова, помощника Гарфа и увозе их в урочище Жаманкуль. Причиной этому послужило незаконное разрешение строительства землянки на зимних кочевьях казахов Тусунской волости Иргизского уезда (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2835. Л. 1–7).

Таким образом, на протяжении XIX в. менялись принципы и методы организации волостей как низовой структуры управления Степи, назначения волостных управителей как представителей русской власти на местах. Сложность действий российских чиновников в регионе определялась и тем, что на территории Степи проживало население, которое отличалось хозяйственно-культурным типом от основного населения Империи. И эти отличия, в первую очередь, заключались в кочевом скотоводческом хозяйстве. И для российских чиновников сложнее было выстроить линию сотрудничества с представителями кочевой культуры, чей образ жизни значительно отличался от оседлого населения. Социальные институты волостных управителей были для российских чиновников важны и необходимы, так как установление ими административной вертикали управления давало прямой канал воздействия на остальное местное население и в конечном итоге – контроль над территорией всех казахских кочевий.

Источники и литература

1. Бакиева Г.Т. Волостное управление у сибирских татар во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 1. 2010. С. 156–164.
2. Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма. 60-е годы XIX в. – 1917 г. М.: Наука, 1986. 243 с.

Султангалиева Г.С. Волость, волостные управители Казахской степи в XIX в.: особенности функционирования

3. Бикташева А.Н. Казанское губернаторство первой половины XIX века. Бремя власти. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. 320 с.
4. Волости и волостные управители (XIX – начало XX вв.): Сборник документов и материалов / отв. ред. Г.С. Султангалиева. Алматы: «Қазақ университеті», 2018. 298 с.
5. Гейнс А.К. Дневник 1866 г. Путешествие в Туркестан. // Собрание литературных трудов. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1898. Т. II. С. 18–19.
6. Губернаторы Оренбургского края. Авторы-сост. В.Г. Семенов, В.П. Семенова. Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 1999. 400 с.
7. Ибрагимов Р.М. Взгляд генерал-губернатора Степного края Г.А. Колпаковского на основы управления «туземным» населением региона [50–80-е гг. XIX в.] // Степной край Евразии. Историко-культурные взаимодействия и современность: междунар. Евраз. форум: тез., докл. и сообщ. III науч. конф. Астана – Омск – Томск: Омский гос. университет, 2003. С. 52–53.
8. Институт волостных в системе управления казахской степью (XIX – начало XX вв.): монография в документах / отв. ред. Г.С. Султангалиева. Алматы: «Қазақ университеті», 2018. 396 с.
9. Маматова А. Роль выборного начала в местной административной системе управления Кыргызстана второй половины XIX – начала XX вв. // Отан тарихы. 2011. № 3. С. 48–52 [Электронный ресурс]: URL: <http://www.iie.kz/magazine/22/34.jsp> / (дата обращения: 10.09.2015).
10. Материалы по истории политического строя Казахстана: Сборник / Сост. М.Г. Масевич. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1960. Т. 1. 441 с.
11. Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX в.: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 428 с.
12. Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань: Центр Исслед. Национализма и Империи, 2004. С. 427–458.
13. Почеревин Е.В. Деятельность волостных сходов в Алтайском округе Томской губернии в конце XIX – начале XX в. // Тамбов: Грамота. 2013. № 4 (30): в 3-х ч. Ч. I. С. 137–140 [Электронный ресурс]: URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2013/4-1/35.html> (дата обращения: 15.10.2017).
14. ПСЗ-I. Т. XXXVIII. С. 417.

Султангалиева Г.С. Волость, волостные управители Казахской степи
в XIX в.: особенности функционирования

15. ПСЗ-II. Т. XXIX. Ч. 1. № 28255. С. 501.
16. ПСЗ-III. Т. 22. № 21640.
17. Ремнев А.В. «Региональные параметры имперской «географии власти»: Сибирь и дальний Восток» // *Ab Imperio*. 2000. № 3–4. С. 343–358.
18. Сперанский М.М. План государственного преобразования графа М.М. Сперанского (Введение к уложению государственных законов 1809 г.). М.: Издание «Русской мысли», 1905. 120 с. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/speran.html> (дата обращения: 10.08.2017).
19. Султангалиева Г.С. Казахские чиновники Российской империи XIX в.: особенности восприятия власти // *Cahiers de monde russe*. 2015. 56/4 Octobre-decembre. С. 651–679.
20. ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 235.
21. ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1609.
22. ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2835.
23. ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2986.
24. ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 443.
25. ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 473.
26. ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 539.
27. ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 707.
28. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 818.
29. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1009.
30. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2322.

Информация об авторе

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор, Казахский национальный университет им. аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан); e-mail: sultangalievagulmira@gmail.com

Sultangalieva Gulmira S. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan).

Православный приход в Чувашском крае во второй половине XIX века

Рассмотрены вопросы функционирования православного прихода в Чувашском крае в условиях буржуазной модернизации российского общества. Церковь являлась главной духовной опорой царизма, и на нее возлагались большие надежды по реализации государственной политики в стране и особенно в полиэтничных регионах. Приходское духовенство должно было соответствовать требованиям эпохи перемен. Оно и раньше, помимо религиозных функций, выполняло роль посредника между властью и обществом, но новые реалии ставили повышенные требования перед ним, поэтому правительство осуществляло ряд мер по повышению его социального статуса. Одной из причин конфликтов между причтом и паствой, а также антиклерикальных настроений крестьян являлись руга и иные церковные сборы. Изучен процесс постепенной замены натуральной руги денежным содержанием, а также перевод приходского духовенства на государственное жалованье. Приведена динамика перемен в составе приходского духовенства в условиях буржуазных преобразований и реализации миссионерско-просветительской системы Н.И. Ильминского. Уделено внимание вопросу подготовки духовных кадров из представителей новокрещеных народов. Сделан вывод о том, что решение задачи утверждения православия среди чувашей зависело не только от перевода приходского духовенства на государственное содержание, обновления кадров духовенства, внедрения богослужения на родном языке, а более всего от масштабной социокультурной трансформации всего российского общества. Исследование показало, что в рассматриваемый период происходила социокультурная трансформация церковного прихода в Чувашии, которая выразилась в утверждении православия среди основной массы чувашского народа.

Ключевые слова: церковь, приход, причт, новокрещеные чуваша, реформа, христианское просвещение, материальное положение, руга, взаимоотношения, этноконфессиональные процессы.

**Orthodox parish in the Chuvash region
in the second half of the XIX century**

The issues of the functioning of the Orthodox parish in the Chuvash region under the conditions of bourgeois modernization are examined. The church was the main spiritual pillar of tsarism, and great hopes were laid on it for the implementation of state policy in the country, and especially in multi-ethnic regions. Parish clergy had to meet the requirements of an era of change. In addition to religious functions, it had previously played the role of an intermediary between the government and society, but the new realities placed higher demands on it, so the government took a number of measures to increase its social status. One of the causes of conflicts between the clergy and flock, as well as the anti-clerical mood of the peasants, were *ruga* and other Church fees. The process of the gradual replacement of a natural *ruga* with cash fees, as well as the transfer of parish clergy to state salaries, has been studied. Is given the dynamics of changes in the composition of the parish clergy in the context of bourgeois transformations and the implementation of the missionary-educational system of N.I. Ilminsky. Attention is paid to the training of clergy from representatives of the newly baptized peoples. It is concluded that the solution of the task of establishing Orthodoxy among the Chuvash depended not only on the transfer of parish clergy to state content, updating clergy personnel, the introduction of worship in their native language, but most of all on the large-scale sociocultural transformation of the entire Russian society. The study showed that in the period under review there was a sociocultural transformation of the church parish in Chuvashia, which was expressed in the statement of Orthodoxy among the bulk of the Chuvash people.

Keywords: church, parish, clergy, newly baptized Chuvashes, reform, Christian enlightenment, financial situation, *ruga*, relationships, ethno-confessional processes.

Отдельные аспекты такой многоплановой темы, как функционирование православного прихода в новокрещенских селениях Среднего Поволжья, рассматривались в современной региональной историографии (Васина, 2006; Мокшин, Мокшина, 2005; Таймасов, 2004, Евдокимова, 2008). Тем не менее существует необходимость

Таймасов Л.А. Православный приход в Чувашском крае
во второй половине XIX века

вновь обратиться к данной теме для характеристики этноконфессиональных процессов второй половины XIX в. Буржуазные реформы привели к социокультурной трансформации российского общества. Произошли изменения в церковно-религиозной сфере. Новокрещенные чуваша, несколько веков сопротивлявшиеся политике христианизации, изменили вектор конфессиональной ориентации в сторону православия. До исследуемого в статье периода одним из препятствий на пути утверждения новокрещенных чувашей в православии являлось отсутствие взаимопонимания между духовенством и паствой. Как правило, все духовные лица, определяемые в новокрещенские приходы, были русской национальности, не знали ни языка, ни традиций прихожан, между тем как основная часть новокрещенных не была знакома с христианским вероучением, не понимала богослужения. Д.Ф. Филимонов отмечал: «Сельское духовенство составляло единственное образованное сословие и стояло несравненно выше своих прихожан, его отделяло от чуваш, кроме племенной разницы, еще громадное расстояние в культурном отношении... масса национальных, религиозных и других разных условных понятий стояла стеною между духовенством и инородцами... Духовенству невозможно было спуститься до уровня неразвитых чуваш, не представлявших по внешности ничего привлекательного, и приблизиться к душе их, чтобы начать духовное возрождение их с данных религиозных понятий их, а затем уже вести дело дальше естественным путем» (Филимонов, 1903, с. 294). Русский причт и нерусская паства внешне выглядели как целостная структура, а по сути пребывали в разных социокультурных стратах. Каждый из них жил своими делами и заботами. Приходская церковь воспринималась новокрещеными как государственное учреждение, духовные пастыри – чиновниками, призванными следить за их благонадежностью. Прихожане были индифферентными к церковным делам – не участвовали в выборе клириков, назначаемых епископом без их ведома. Посредником между причтом и паствой выступал церковный староста, который выбирался сроком на три года из среды прихожан для «попечения об имуществе и обо всем хозяйстве церкви» (Завьялов, 1901, с. 43–47). Его деятельность регламентировалась указами Синода, распоряжениями епархиальных властей.

Таймасов Л.А. Православный приход в Чувашском крае
во второй половине XIX века

Так как церковные старосты пользовались некоторыми привилегиями, то эта должность редко бывала вакантной. Но на улучшении взаимоотношений русского причта с прихожанами их работа почти не отражалась.

Существенным фактором сохранения антиклерикальных настроений крестьян являлись церковные налоги и сборы, необходимость материального обеспечения духовенства, что приводило к увеличению расходов крестьянского бюджета. Многие конфликты между причтом и паствой были обусловлены сбором руги. Например, священник А. Алексеевский чуть не стал жертвой заговора чувашских крестьян, которые, заподозрив его в превышении нормы собираемой руги, закрыли в амбаре и рассуждали о способах расправы над ним. Конец этой истории мог быть трагичным, если бы дьячок не успел позвать на выручку пастыря русских крестьян. Подобные примеры конфликтов между причтом и паствой нами выявлены в архивных документах и рассматривались в ранее опубликованной работе (Таймасов, 1992, с. 35–41). Духовенству приходилось проявлять настойчивость в сборе необходимой нормы ружного хлеба, нередко прибегая к административному давлению, или же закрывать глаза на нарушения крестьянами правил церковной жизни. Как свидетельствуют источники, собиране руги являлось одной из основных причин сохранения антиклерикальных настроений чувашских крестьян и препятствием в миссионерском деле. Правительство неоднократно предпринимало меры для решения задачи материального обеспечения приходского духовенства в инородческих приходах. Так, в 1842 г. было принято положение «Об обеспечении православного духовенства домами и единовременными пособиями» в западных губерниях, согласно которому создавались специальные комитеты из представителей губернской администрации и архиерея (ПСЗ-II, т. 17, № 15873). Нормы этого Положения постепенно распространили на другие поликонфессиональные регионы. В середине XIX в. все чаще стали звучать предложения о назначении жалованья священникам средневожжских епархий. Так, в «Проекте миссии для татар», разработанном по поручению казанского архиепископа Григория (Г.Постникова), наряду с требованиями к умственному и нравственному состоянию приходского ду-

Таймасов Л.А. Православный приход в Чувашском крае
во второй половине XIX века

ховенства, предлагалось обеспечить его жалованьем (РО РНБ. Ф. СПбДА. А. 1. Д. 232. Л. 16). К решению материальных и финансовых проблем причтов подключились отдельные государственные структуры. Например, в 1851 г. управление Департамента уделов запросило у епархиальных архиереев информацию о мерах по наделению служителей церкви землей, по ее обработке, постройке и содержанию домов для духовных лиц (РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 943. Л. 6). Самарский епископ Евсевий считал возможным наделение землей в узаконенных пропорциях без особых затруднений, которую могли возделывать прихожане или арендаторы на условиях расчета продуктами или деньгами (Там же). Однако более приемлемым вариантом называл увеличение налогов с крестьянского общества на несколько десятков рублей (Там же, л. 7.). По мнению епископа, в этом случае «не будет задето самолюбие крестьян, не привыкших слыть работниками своего священника... избавит и священника от жалоб на непокорность ислушание крестьян... При таком сборе и сектанты, или малопросвещенные христиане, не понимающие важности духовного сана, не будут иметь повода к ропоту и негодованию...» (Там же, л. 7–9).

В условиях начавшихся реформ создается специальное учреждение – Главное присутствие, в частности – для решения проблемы материального обеспечения сельского духовенства (Римский, 1998, с. 165.). На местах создавались губернские или епархиальные присутствия. За время существования Главного присутствия (с 28 июня 1862 г. по 16 февраля 1885 г.) было проведено 72 заседания по вопросам укрепления духовного ведомства. Как свидетельствуют источники, во второй половине XIX в. многие причты заменяли ругу денежным сбором. Так, в отчете казанского архиепископа Антония за 1875 г. имеется сообщение о том, что «рекомендуемая и поощряемая епархиальным начальством капитализация так называемых сборов с прихожан в пользу причтов... так удачно начатая в приходах Ядринского уезда, распространяется, хотя и медленно, в других уездах, например в Казанском и Козьмодемьянском. Этот способ обеспечения главных причтов доставляет настоятелю взамен руги и прочих доходов за требоисправления от 800 до 1000 руб. в год и псаломщику до 300 руб.» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 680. Л. 21–22).

Таймасов Л.А. Православный приход в Чувашском крае
во второй половине XIX века

«Капитализация» все же не стала единственной формой материальной поддержки приходского духовенства: сбор руги продолжал практиковаться во многих чувашских приходах.

Высочайше утвержденным положением от 2 августа 1864 г. с целью поддержки церковной реформы на местах Синод учредил приходские попечительства (ПСЗ-II, т. 39, № 41144). Для регламентации их создания и деятельности было издано особое Положение. Члены попечительства выбирались на общих собраниях прихожан. В его состав обязательно включались церковный староста, волостные старшина и голова. Попечительства создавались и в чувашских приходах. Они сыграли определенную роль при открытии и строительстве церквей и монастырей, училищ, благоустройстве церковных объектов и т.д. Их «капитал» формировался за счет добровольных пожертвований, однако, как показал опыт, попечительства не оказали особого влияния на повышение жизненного уровня причтов.

Крестьяне стремились сократить расходы на содержание клириков, объясняя свою позицию и «без того недостаточными доходами духовенства». Например, 10 июня 1866 г. Янгильдинское волостное правление организовало сход прихожан церковью сел Ишаки и Янгильдино для обсуждения вопроса о повышении сборов на церковные нужды. Крестьяне с. Ишаки в приговоре отметили, что причт с 1806 г. собирает ругу по 3 пуда рожью, по 2 пудовки овса с каждого венца, да за требоисправления около 1000 руб. серебром ежегодно, кроме того, получает жалованье из казны, поэтому «не обязаны более заботиться об улучшении их содержания». Они также предлагали снизить цены за требы и не проводить других сборов, так как «по неурожаем хлебов обыватели ... большей частью пришли в бедное положение и едва только могут с трудом оплачивать государственные денежные сборы» (Кузнецов, с. 347). Аналогичным было и решение крестьян с. Янгильдино.

Религиозное состояние прихожан зависело также от качества исполнения клириками своих служебных обязанностей. До начала буржуазных реформ христианское просвещение прихожан всецело зависело от священнослужителей, однако они не были подготовлены для просветительской работы. Хотя случались исключения, когда отдельные священники, овладевшие языком своих прихожан, успешно

Таймасов Л.А. Православный приход в Чувашском крае
во второй половине XIX века

воздействовали на их религиозное сознание. На священнические места в чувашские приходы определялись в основном выпускники духовных учебных заведений в Казани и Симбирске, но нередко клириками становились лица, не завершившие полный курс обучения или имевшие домашнее образование. Во второй половине XIX в. произошло значительное повышение уровня образования у всех групп приходского духовенства. Православному ведомству в условиях модернизации общества и утверждения принципов христианского просвещения требовались образованные и подготовленные к миссионерской работе священнослужители. Казанский архиепископ Антоний в 1876 г. писал: «Очевидно, образование духовенства не может считаться достаточно одинакового, более или менее высокого уровня» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 680. Л. 19). Отход от замкнутости духовного сословия также не привел к массовому притоку в его среду инородческих лиц. Выходцы из других социальных слоев начали поступать в духовные учебные заведения, но неохотно шли на церковную службу: тяжелая работа при невысоком за нее вознаграждении делала ее малопривлекательной. Всего за двадцать лет (1867–1886 гг.) в России духовное образование получили более 21 689 «иносословных» граждан, или в среднем по 1000 человек ежегодно, что в пределах ведомства православного исповедания было цифрой незначительной (Отечественная церковь, 1897, с. 189).

В 80-е гг. XIX в. стало формироваться духовенство из представителей нерусских народов. В письме к обер-прокурору Синода К.П. Победоносцеву от 2 ноября 1883 г. Н.И. Ильминский отмечал: «Преосвященный Уфимский постоянно требует от меня инородческих и даже русских кандидатов учительства и священства. Благодаря преимущественно его участию быстро возросло число священников из воспитанников Казанской учительской семинарии. Теперь я насчитываю десять кончивших курс семинарии, двоих вышедших из семинарии до окончания курса, о шестерых производится дело о принятии их в духовное звание. Число инородческих священников пополняется воспитанниками Казанской крещенотатарской школы и Симбирской чувашской» (Ильминский, 1895, с. 43). Церковное ведомство надеялось, что духовенство, вышедшее из среды новокрещеных, может более успешно решать задачи христианского про-

Таймасов Л.А. Православный приход в Чувашском крае
во второй половине XIX века

свещения «инородческой паствы». Однако эти ожидания не в полной мере оправдались. Нередко на священнические места определялись лица сомнительного поведения или не имевшие ясного представления о своей миссии. И.Я. Яковлев, как и Н.И. Ильминский, считал, что при посвящении в священство или направлении кандидатов в духовные семинарии и академии нельзя допускать ошибок, так как «появление деятелей из народа в нежелательном духе, иногда зазорного поведения, роняет православие и представление о русской культуре... в глазах инородцев» (Яковлев, 1997, с. 213–214). Масштабной замены русских священнослужителей выходцами из народа не произошло. Некоторые исследователи считают, что Н.И. Ильминский в деле утверждения православия в новокрещенской среде больше надеялся на новые кадры, так как русское духовенство испытывало апатию или даже антипатию к религиозной и культурной ассимиляции нерусских (Geraci, 2001, p. 71–76). С подобным утверждением трудно согласиться, так как русское священство по-разному относилось к системе Ильминского: в их среде были как активные сторонники, так и яростные противники.

Фактором, влиявшим на приходскую жизнь, стало разрешение церковного богослужения на языках новокрещеных народов. 15 января 1883 г. Синод принял решение о дозволении совершать богослужения на инородческих языках с соблюдением следующих условий: «а) где есть более или менее значительное число крещеных инородцев, допускать церковное богослужение, общественное и частное, на соответствующих языках, вполне или по частям, б) при богослужении должны быть употребляемы издания Православного миссионерского общества, напечатанные существующею при Братстве св. Гурия в Казани переводческой комиссией; можно допускать временно и рукописные переводы, но одобренные означенною комиссией, в) при введении и исполнении богослужения на инородческих языках обращать внимание на то, производит ли оно на инородцев благотворное и религиозное впечатление, и г) если с инородцами в церкви присутствуют русские, то полезно соединять пополам или в известных пропорциях богослужение на славянском и инородческом языках» (Завьялов, 1901, с. 188). Опыт реализации христианского просвещения на основе системы Н.И. Ильминского

Таймасов Л.А. Православный приход в Чувашском крае
во второй половине XIX века

показал эффективность «применения родного языка в школе и церкви, в обучении и богослужении» (Просветитель инородцев, 1900, с. 169).

С ростом образовательного уровня и материального достатка менялся культурный и нравственный облик приходского духовенства. Пастырское служение превращалось в профессию. Выросла конкуренция среди претендентов на священнические места, усилился контроль со стороны церковных учреждений. Епархиальное начальство принимало строгие меры в отношении провинившихся духовных лиц. Например, 9 ноября 1896 г. за нетрезвую жизнь и прелюбодеяния священник с. Буртасы Цивильского уезда Пономарев был приговорен, несмотря на его 60-летний возраст, к «откреплению от места, низведению в причетники навсегда», до назначения на новое место службы он должен был пройти трехмесячное послушание в монастыре, в последующем за ним устанавливался особый надзор (РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 595. Л. 134). По мере роста общественного положения и социального статуса духовенство стало больше заботиться о корпоративных интересах, ревностно оберегая себя от посягательств со стороны учителей, которые значительно урезали их безраздельное господство в сфере образования и духовного воспитания. Так, поэт и педагог М.Ф. Федоров писал И.Я. Яковлеву: «Священники... бездельничают, пьянствуют. От безделья доносы пишут на учителей и разносят нас с церковных кафедр» (Коршунова, 2000, с. 98). Надо заметить, что общественная критика все же оказывала определенное воздействие на оздоровление морально-нравственного облика духовенства.

Успехи христианского просвещения способствовали укреплению православия среди чувашей. Многие чуваша, которые прошли школьное обучение, выезжали на отхожие промыслы, служили в армии или проживали по соседству с русскими, превосходно владели русским языком, поэтому языковой фактор перестал быть барьером во взаимоотношениях причта и паствы. Выдача жалованья из казны практически превратила церковную службу в профессию: в Казанской губернии за 1900 г. причты 496 церквей получили почти 191 тыс. руб. (Всеподданнейший отчет, 1900, с. 53–54). Относительная финансовая независимость клириков от крестьян значи-

Таймасов Л.А. Православный приход в Чувашском крае
во второй половине XIX века

тельно сократила количество конфликтов и тяжб между ними. Реформы и этнокультурная трансформация сгладили социальные грани между этими сословиями, но полностью преодолеть отчуждение не смогли. Даже духовных лиц из среды своего народа чуваша воспринимали как «чужаков». Священник В.Д. Дмитриев вспоминал: «Нас (семью священника. – Л.Т.) считали зажиточными... Я раз стою у калитки – шемуршинские едут из Астрадамовки: *Ку пуп пуян пулĕ, сурчĕ мĕнле!* («Этот поп, видно, богатый, дом вон какой!»). Тут подошла к калитке большая корова со стада, громко так замычала. Проезжие говорят: *Унĕн ĕни те епле мĕкĕрет!* («У него и корова как мычит!»). В большинстве случаев народная молва давала священнослужителям нелестные характеристики» (Чувашские пословицы, 2012, с. 33–34). Повод для этого давали чаще всего сами духовные пастыри (Денисов, 1959, с. 339).

Таким образом, в рассматриваемый период чувашские православные приходы претерпели перемены, обусловленные, с одной стороны, реформированием церковного ведомства, с другой, налаживанием взаимопонимания между причтом и паствой посредством реализации миссионерско-просветительской системы Н.И. Ильминского. Произошло разрушение сословной и этнической замкнутости приходского духовенства, качественное обновление его состава. Использование родного языка в школьном деле, церковном богослужении явилось важнейшим фактором изменения религиозной ориентации чувашского крестьянства от традиционных верований к православию.

Источники и литература

1. Васина С.М. Приходское духовенство Марийского края в XIX – начале XX века. Йошкар-Ола: МарГТУ, 2006. 206, [1] с.
2. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1900 г. СПб.: Синодальная тип., 1903. [2], VI, 387, 83 с.
3. Денисов П.В. Религиозные верования чуваш. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1959. 408 с.
4. Дмитриев (Эльмек) В.Д. Записки репрессированного священника. Чебоксары: [Калем], 2002. 155, [2] с.

Таймасов Л.А. Православный приход в Чувашском крае
во второй половине XIX века

5. Евдокимова А.Н. Православный приход Чувашского края конца XVIII – первой половины XIX вв.: общая характеристика // Служение истории: сборник научных статей. Вып. 2 / Редкол.: А.Г. Иванов (отв. ред.) и др. Чебоксары, 2008. С. 275–287.
6. Завьялов А.А. Циркулярные указы Святейшего Правительствующего Синода. 1867–1900. 2-е изд., доп. СПб.: И.Л. Тузов, 1901. 448 с.
7. [Ильминский Н.И.] Письма Николая Ивановича Ильминского [к обер-прокурору Св. Синода К.П. Победоносцеву]. Казань: ред. Православ. собеседника, 1895 (обл. 1898). VI, 414, XII с.
8. Исахов Р.Р. Очерки истории традиционной культуры и религиозности татар-кряшен (XIX – начало XX вв.): монография. Казань: Изд-во «Центр инновационных технологий», 2014. 332 с.
9. Коршунова О.Н. Взаимодействие культур народов Поволжья и Приуралья в новое время: исторический аспект. Чебоксары: Клио, 2000. 170 с.
10. Кузнецов И.Д. Крестьянство Чувашии в период капитализма. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1963. 584 с.
11. Мокшин Н.Ф., Мокшина Е.Н. Мордва и вера. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2005. 532 с.
12. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840–41 по 1890–91 гг. / составил магистр Ив. Преображенский. СПб.: Тип. Э. Арнольда, 1897. [4], 236 с.
13. Просветитель инородцев Казанского края Николай Иванович Ильминский / Сост. Н.А. Спасский. Самара: тип. Самар. духов. консистории (Н.А. Жданова), 1900. 374 с.
14. ПСЗ-II. Т. 17, 39.
15. РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 943.
16. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 680.
17. Римский С.В. Православная церковь и государство в XIX веке. Донская епархия: от прошлого к настоящему. Ростов н/Д., 1998. 334 с.
18. РО РНБ. Ф. СПбДА. А. 1. Д. 232.
19. Таймасов Л.А. Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 524 с.
20. Таймасов Л.А. Христианизация чувашского народа в первой половине XIX века. Чебоксары: Изд-во Чуваш. госуниверситета, 1992. 146 с.
21. Филимонов Д.Ф. К десятилетию со дня кончины Н.И. Ильминского // Православный благовестник. 1903. № 15.

Таймасов Л.А. Православный приход в Чувашском крае
во второй половине XIX века

22. Чувашские пословицы, поговорки и загадки / сост. Н.Р. Романов. Чебоксары: Чуваш кн. изд-во, 2012. 352 с.
23. Яковлев И.Я. Моя жизнь: воспоминания. М.: Республика, 1997. 696 с.
24. Geraci R. Window on the East: National and Imperial identities in Late Tsarist Russia. Ithaca; London, 2001. XI+389 pp.

Информация об авторе

Таймасов Леонид Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары); e-mail: taymasov@mail.ru

Taumasov Leonid A. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Regional History of the Chuvash State University named after I.N. Ulyanov (Cheboksary).

**Традиции лесопользования и лесоохранная деятельность
крестьянской общины в дореволюционный период
(на примере Западной Сибири)**

В статье на примере Западной Сибири рассматривается деятельность общины по охране лесов, входивших в границы крестьянских наделов. Западная Сибирь обладала спецификой в вопросах лесопользования и лесосохраны, обусловленной наличием природно-географических, социально-экономических и правовых особенностей. Система лесопользования в Сибири возникла на основе права всего населения на свободный доступ к лесным ресурсам. Постепенно были установлены четкие границы между государственными и общинными лесами. Община, получая от государства лесные наделы, устанавливала свои внутренние правила лесопользования и лесосохраны. Деятельность общины в этой сфере зависела от количества и качества леса, входивших в границы наделов. Лесоохранная деятельность крестьянской общины регулировалась, в большей степени, нормами обычного права. Наиболее распространенной формой лесоохранной деятельности крестьянской общины являлась передача определенных участков в «заказ», т.е. запрет на вырубку деревьев на конкретном участке в течение определенного времени.

Ключевые слова: крестьянская община, крестьянские леса, охрана лесов, заказные рощи, лесной надел, Западная Сибирь.

**Traditions of forest exploitation and forest conservation activities
of the peasant community in the pre-revolutionary period
(on the example of Western Siberia)**

The article, on the example of Western Siberia, considers the activities of the community to protect the forests that were part of the borders of peasant estates. Western Siberia was specific in forest management and forest management due to its natural, geographic, socio-economic and legal characteristics.

Тяпкин М.О. Традиции лесопользования и лесоохранная деятельность крестьянской общины в дореволюционный период...

The system of forest management in Siberia was established on the basis of the right of the entire population to free access to forest resources. Clear boundaries between State and community forests were gradually established. The community, having received forest plots from the state, established its internal rules of forest protection and forest management. The activities of the community in this area depended on the quantity and quality of the forest within the boundaries of the properties. The forestry activities of the peasant community were regulated to a greater extent, by customary law. The most common form of conservation activities of the peasant community was the transfer of certain plots to "zakaz," i.e. the prohibition of cutting trees on a particular plot within a certain time.

Keywords: peasant community, peasant forests, forest protection, forest reserve, forest allotment, Western Siberia

В.О. Ключевский писал: «Лес сыграл крупную роль в нашей истории. Он был многовековой обстановкой русской жизни. Лес оказывал русскому народу разнообразные услуги – хозяйственные, политические и даже нравственные: обстраивал его сосной и дубом, отапливал березой и осиной, освещал его избу березовой лучиной, обувал его лыковыми лаптями, обзаводил домашней посудой и мочалом. Долго и на севере, как и прежде на юге, он питал народное хозяйство пушным зверем и лесной пчелой. Лес служил самым надежным убежищем от внешних врагов, заменяя русскому человеку горы и замки» (Ключевский, 1987, с. 83). Одновременно лес заставлял крестьянина бороться за выживание, являлся препятствием на пути развития сельского хозяйства, страшил его, становился врагом, формируя в человеке смешанные чувства благодарности, уважения, страха, небрежности и бессильной злобы.

Система крестьянского землепользования была неразрывно связана с пользованием лесными ресурсами. Активное ведение земледельческого хозяйства и развитие скотоводства привело к значительному сокращению лесных площадей, особенно в густонаселенных районах страны. По подсчетам М.А. Цветкова, лесистость европейской части страны за период с начала XVII до начала XX в. снизилась с 52 до 35%, что означало сокращение лесного запаса на одну треть (Цветков, 1957, с. 201). К 1914 г. в европейской части страны насчитывалось около 13 млн дес. крестьянских лесов, что

Тяпкин М.О. Традиции лесопользования и лесоохранная деятельность крестьянской общины в дореволюционный период...

составляло около 8% общей лесной площади. В Азиатской России объемы крестьянского лесопользования были значительно выше, хотя количественные показатели приблизительны. Более точное определение было невозможно, поскольку Лесной департамент планировал закончить лесоустройство в Сибири и на Дальнем Востоке к 1929 г. К началу Первой мировой войны лесная площадь за Уралом составляла 316 млн дес., из которых собственно казенными, т.е. находившимися в ведении казенного лесного управления, являлись 230 млн дес., а остальные 86 млн дес. относились к лесам разных категорий, сюда же включались и крестьянские леса. Пространственная неопределенность крестьянских лесов влекла за собой правовую неопределенность. Исследователями отмечалось, что понятие «мирских лесов» очень смутно, а взгляд общины и администрации на одни и те же лесные угодья различен. В народном сознании отсутствовали четкие границы, отделявшие казенные и общинные леса, поэтому большинство случаев самовольного лесопользования происходило с твердой убежденностью крестьянина в правомерности своих действий.

Община на всем протяжении своего существования так или иначе проявляла заботу о лесе, однако систематического лесного хозяйства не вела. Правительство пыталось активизировать эту деятельность, перекладывая на плечи общины ответственность за состояние крестьянских лесов, поскольку они даже в начале XX в. выпадали из-под надзора казенного лесного управления, не располагавшего достаточными силами и средствами. Сельским обществам предписывалось осуществлять конкретные меры по охране своих наделных лесов: ограничивать сплошные рубки, накладывать «заповедь», т.е. запрет на пользование определенными участками, избирать общественную лесную стражу (полесовщиков и пожарных старост), бороться с лесными пожарами и т.д. Постепенно сформировался круг применяемых на практике мер по охране наделных крестьянских лесов. Содержание этой деятельности не было одинаковым на всей территории империи и зависело от целого ряда факторов, в том числе региональных условий. В рамках статьи мы рассмотрим некоторые аспекты осуществления лесоохранной деятельности крестьянской общины в Западной Сибири.

Тяпкин М.О. Традиции лесопользования и лесоохранная деятельность крестьянской общины в дореволюционный период...

В каждой из пяти природных зон Западной Сибири (тундровая, лесотундровая, лесная, лесостепная, степная, горные районы Салаира, Алтай, Кузнецкого Алатау и Горной Шории) распространение лесной растительности было неравномерным, что накладывало существенный отпечаток на характер лесопользования местного населения и лесоохранной деятельности крестьянской общины. В тех местностях, где дефицита лесных материалов не ощущалось, крестьянское население было обеспечено строевым лесом и дровами, поэтому в осуществлении деятельности по охране лесов не было заинтересовано. В безлесных районах Томской и Тобольской губерний (особенно в южной части Каинского округа Томской губернии) в результате интенсивных рубок лес на крестьянских земельных наделах уже к концу XIX в. был практически полностью вырублен, что заставляло население искать способы более рационального лесопользования в сохранившихся участках.

По отношению к сибирским лесам в отечественном лесном законодательстве на протяжении всего дореволюционного периода сохранялась установленная еще указами Петра I норма, предоставлявшая право свободного пользования лесами всем проживавшим в Сибири обывателям. По мере развития и коммерциализации государственного лесного хозяйства в Западной Сибири активизировалось противостояние казенного лесного управления, стремившегося закрепить за собой лучшие леса региона, и населения, привыкшего к вольному и ничем не ограниченному лесопользованию. Официальная позиция государства была закреплена законодательно и заключалась в необходимости установления четких границ (фактических и правовых) между казенными лесами и лесными участками, находившимися в пользовании населения. Политика государства принимала характер постоянной борьбы с крестьянами по поводу перераспределения лесных ресурсов, особенно в малолесных районах. Народ противопоставлял официальной позиции свои представления о лесной собственности, полагая, что лес «божий», т.е. принадлежащий всему «миру», так как его никто не выращивал, поэтому все могут пользоваться его дарами неограниченно. Народные взгляды на лес как объект «общего доступа» подкреплялись устоявшимися нормами обычного права. В исследованиях Н. Кост-

Тяпкин М.О. Традиции лесопользования и лесоохранная деятельность крестьянской общины в дореволюционный период...

рова, Н. Новомбергского, С. Чудновского и др. отмечалась значимость норм обычного права в повседневной хозяйственной жизни крестьянина, а также дифференцированное отношение к казенному и общинному лесу. Если по отношению к первому преобладало равнодушное, даже враждебное отношение, то о втором заботились и тщательно охраняли его.

Преобладание вольного лесопользования в Сибири исторически было обусловлено не только неразвитостью системы лесопользования, но и достаточно большими лесными запасами, которые позволяли крестьянам не испытывать «лесной голод». Однако по мере увеличения численности и плотности населения и возрастания антропогенной нагрузки на лесные массивы система вольного лесопользования стала фактором сокращения лесистости и даже уничтожения лесов. Современники видели причину лесоистребления в Сибири не только в дефиците надзора за лесами со стороны казны, но и «в отсутствии заботливости о них со стороны населения» (Кауфман, 1894, с. 85).

В результате проведенного в конце XIX в. по инициативе Министерства государственных имуществ исследования системы крестьянского хозяйства Западной Сибири было установлено, что «община не стесняет никого из принадлежащих к ее составу лиц в отношении ни размеров лесных заготовок, ни цели их, ни избираемого места; каждый может рубить лес в произвольном количестве, прибегая, в случае надобности, к найму рабочих для заготовки леса и лошадей для его вывозки; он может рубить лес и для надобностей собственного обихода, и на продажу, может рубить везде «куда топор ходит», не стесняясь даже границами недоступных в других отношениях для посторонних лиц «заимок» (Крестьянское землепользование, 1894, с. 68). Далее отмечалось, что в местностях, где преобладало вольное пользование, «леса находятся в самом безотрадном состоянии; так как не только отдельный крестьянин, но даже и деревенская община не заинтересованы в сохранении участка леса, то леса вырубаются беспощадно» (Крестьянское землепользование, 1894, с. 69).

В ходе начавшегося еще в 1850-х гг. в Западной Сибири межевания определялись границы дач единственного владения казны

Тяпкин М.О. Традиции лесопользования и лесоохранная деятельность крестьянской общины в дореволюционный период...

(дачи I разряда), дач общего пользования казны и крестьян (II разряда) и крестьянские надельные земли с лесными участками (III разряда). Лесное ведомство, не имея в своем распоряжении достаточного количества сотрудников и необходимых сил и средств, не могло обеспечить сохранность лесов в дачах II и III разрядов. Судьба этих лесных дач зависела от «сознательности» и особенностей хозяйственного уклада местных общин.

При проведении межевания и выделения крестьянских земельных наделов, леса, в отличие от пашенных земель и покосов, чаще всего, не разделялись на участки и не приписывались к конкретному селению, что обуславливалось незавершенностью лесоустройства и отсутствием четких границ лесных дач. Такие леса находились в пользовании жителей всей волости или группы селений, что провоцировало конфликты между крестьянами соседних деревень. Приборовые селения полагали, что имеют больше прав на пользование лесом, чем жители отдаленных от лесов сел и деревень. Обеспечить сохранность «общих» лесов было практически невозможно, поскольку крестьяне были заинтересованы не в том, чтобы их сберечь, а, напротив, постараться вырубить, пока этого не сделали соседи. В первом выпуске «Материалов для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири» 1888 г. указывалось, что отдельные деревни, стремясь предотвратить такую «соревновательную» вырубку неразмежеванных лесов, практиковали огораживание участков в лесу заборами и охраняли их от вторжения прочих лиц с целью «обеспечить себя топливом и строительным материалом на будущее время» (Материалы для изучения, 1888, с. 106).

Неправильность такой ситуации была очевидна для лесной администрации, поэтому этот вопрос поднимался уже на первых этапах деятельности специально командированных в Западную Сибирь лесных ревизоров. В 1879 г. ревизор Ю.М. Пайсель предлагал генерал-губернатору Западной Сибири разрешить выделение лесов в собственность каждому сельскому обществу, по аналогии с земельными наделами (ГАОО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 16488. Л. 1). В таком случае каждое селение получало право пользования лесом, располагав-

Тяпкин М.О. Традиции лесопользования и лесоохранная деятельность крестьянской общины в дореволюционный период...

шимся в пределах общинных земель, что позволяло общине самостоятельно устанавливать правила его эксплуатации и охраны.

Сокращение доступных и удобных для эксплуатации лесных площадей, особенно с наплывом переселенцев, заставляло общину в целях сохранности лесных наделов делить их на душевые участки с периодическими переделами и «отрезками» для обеспечения древесиной новых однообщественников. Один из исследователей крестьянского землепользования Курганского округа в конце XIX в. объяснял мотивы общины по разделу леса между домохозяевами тем, что «личный интерес каждого будет лучшим защитником леса от каких бы то ни было порубок» (Крестьянское землепользование, 1894, с. 80). Каждый отдельный хозяин был лично заинтересован в сохранении своего надела, поскольку он часто становился единственным источником деловой древесины и топлива. Н.М. Ядринцев писал, что «сибирский крестьянин, там, где он хозяйничает на воле и на своих полях, ничего не делает без расчета, без пользы для себя. Как родное дитя бережет он и холит лес, отведенный ему для обихода» (Ядринцев, 1884, с. 62).

Община строго следила за справедливым определением размеров участка, в зависимости от качества произраставшего на нем леса и потребностей каждого крестьянина. При проведении очередного передела учитывалось количество труда, вложенного хозяином в охрану и восстановление своего лесного надела. В многолесных районах практиковались лесные переделы «набоем», т.е. на определенное время – до следующего лесного передела. В бедных лесом местностях общины раньше приходили к осознанию необходимости распределения лесных наделов «по старшинству», т.е. закрепление их за отдельными домохозяевами. Душевое пользование лесом нередко становилось наследственным; получалось, что домохозяин охранял и выращивал лес для себя и своих потомков.

Современники отмечали, что «в видах лесоохранения, раздел леса на души имеет огромное преимущество перед общим пользованием всей деревней. Разница в состоянии между лесами, находящимися в общем пользовании и поделенными между хозяевами, так очевидна, что стремление к разделу остатков надельного леса проявляется почти повсюду» (Сибирская газета, 1888, № 44).

Тяпкин М.О. Традиции лесопользования и лесоохранная деятельность крестьянской общины в дореволюционный период...

В местностях с установившимся душевым пользованием существовала практика выделения «садов» или «рощ», которые отдавались отдельным домохозяевам в исключительное пользование под условием их охраны: «Каждый домохозяин, сохраняя за собой право пользования вольными общественными лесами, имеет право окопать или огородить участок леса величиной в несколько десятин и, объявив этот участок своим «садом», был обязан очищать его от бурелома, оберегать его от огня, за это он приобретает исключительное право пользования входящим в состав «сада» лесом» (Крестьянское землепользование, 1894, с. 70). Свои «сады» и «рощи» могли формировать и богатые крестьяне путем захвата общинного леса, что делало их де-факто частными лесовладельцами.

Помимо «садов» и «рощ», существовали еще так называемые «садоочки», т.е. выращенные отдельными общинниками леса на землях, принятых ими в счет душевого надела пахотной земли. По отношению к такому виду лесных участков община поступала тройко. В первом случае при очередном переделе пахотных земель прежнему владельцу разрешалось срубить весь крупный лес, а мелкий переходил к новому владельцу, от воли которого зависело, продолжать выращивать лес или пустить землю под пашню. Во втором случае общины позволяли владельцу полностью срубить весь выращенный им лес. И, наконец, некоторые общины вообще запрещали рубку леса в этих «садоочках» и передавали их вместе с землей новому владельцу.

Однако выделение лесных участков еще не означало обеспечение сохранности лесов. Развитие ситуации слишком сильно зависело от целого ряда факторов, в том числе, субъективного характера. Надзор казенного лесного управления за состоянием крестьянских лесов практически отсутствовал, поэтому крестьяне должны были обеспечивать их сохранность своими силами. Далекое не всегда это было возможно. Лесной ревизор В.А. Энгельфельд приводил примеры, доказывавшие, что «подушный раздел общественных лесов был одной из главных причин их беспощадного истребления» (О лесах, 1888, с. 49). После раздела лесов община была не в силах воздействовать на своих членов, нередко занимавшихся продажей отведенного им леса. Обратный переход из душевого в общинное

Тяпкин М.О. Традиции лесопользования и лесоохранная деятельность крестьянской общины в дореволюционный период...

пользование практиковался в случаях, когда отдельные домохозяева не могли справиться с вырубкой своего надельного леса посторонними (в основном, переселенцами).

Удовлетворить потребности населения в дровяной и строевой древесине надельные леса не могли. В связи с этим крестьяне предпочитали оставлять свои надельные участки «про запас» и приобретать лес у «казны» путем покупки, получения бесплатно или на льготных основаниях, а также совершая незаконные самовольные порубки.

Одной из самых распространенных форм сохранения крестьянских лесов от вырубки в конце XIX – начале XX в. стало отведение решением общины наиболее истощенных участков в «заказ» и создание тем самым «заказных», или, как их называли в Сибири, «запрещенных» рощ. В первую очередь в «заказ» попадали леса, представлявшие для крестьян особый интерес и ценность, например, «защитные забоки и лес в поскотине, как самый близкий к деревне и наиболее интенсивно используемый для хозяйственных нужд» (Якимова, 1994, с. 140).

Полесовщики достаточно внимательно следили за соблюдением «заказа». Любые пользования в заказных лесах допускались только под контролем общества, выборочно и иногда с внесением определенного взноса. За нарушение «заказа» решением общества на провинившегося налагались санкции от денежного штрафа до телесных наказаний. В то же время, крестьяне общины, лес которой был отведен в «заказ», не считали преступлением рубку леса у соседей или в казенных дачах.

Существовало два вида заказа. В первом случае участок разделялся на некое подобие годовых лесосек с установлением очередности их использования. Второй был более радикальным и предполагал запрет пользования всем лесным участком на определенный срок (до 50 лет). После того как срок «заказа» истек, лес оставался под общинным патронажем, либо делился на участки и отдавался в распоряжение отдельных домохозяев с правом его рубки. Система «заказа» имела слабое место, обусловленное присутствием в обществах сил (в первую очередь бедноты), которые стремились к сокращению сроков запрета лесопользования, а если они добивались этого, тогда отведенного для восстановления лесной растительности срока не хватало.

Тяпкин М.О. Традиции лесопользования и лесоохранная деятельность крестьянской общины в дореволюционный период...

Таким образом, система общинного лесопользования на протяжении рассматриваемого периода находилась в непрерывном движении от права каждого на свободное лесопользование к установлению границ крестьянских лесных наделов. Последовавшее за эти сокращение объемов крестьянского лесопользования привело к выработке общинами комплекса мер, направленных на сохранение лесов, находившихся в пределах их фактического пользования. Наиболее продуктивной формой лесоохранной деятельности крестьянской общины можно считать практику разделения лесных наделов на «душевые» участки и создания «заказных» лесных дач. Эффективность такого рода деятельности современниками оценивалась достаточно высоко, однако говорить о складывании целостной системы лесоохранительных мер, на наш взгляд, не приходится. Далеко не каждое крестьянское общество предпринимало какие-либо меры для сбережения своих лесов, либо по причине отсутствия потребности в подобной деятельности, либо, напротив, по причине отсутствия лесных наделов как таковых.

Источники и литература

1. ГАОО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 16488.
2. Кауфман А.А. Очерк крестьянского хозяйства в Сибири. Томск: Изд. кн. магазина П.И. Макушина, 1894. II, 90 с.
3. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 1: Курс русской истории, ч. 1 / Под редакцией В.Л. Янина. М.: Издательство «Мысль», 1987. 430, [1] с., [1] л.
4. Крестьянское землепользование и хозяйство в Тобольской и Томской губерниях: по исследованиям чинов М-ва гос. имуществ. СПб.: Деп. общ. дел М-ва гос. имуществ, 1894. VI, 428 с.
5. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. 1: Экономический быт государственных крестьян Богадинской, Бухарской, Кашегальской, Червишевской и Яровской волостей Тюменского округа Тобольской губернии Исследование С.В. Патканова. СПб.: тип. Я.И. Либермана, 1888.[2], 351, [49] с.
6. О лесах Западной Сибири / Сост. В.А. Энгельфельд. СПб.: тип. Канцелярии с.-петерб. градоначальника, 1888. 72 с.
7. Сибирская газета. 1888. № 44.

Тяпкин М.О. Традиции лесопользования и лесоохранная деятельность крестьянской общины в дореволюционный период...

8. Цветков М.А. Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 213 с.

9. Ядринцев Н.М. Западно-Сибирская низменность // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / Под общ. ред. П.П. Семенова. Т. 11. Западная Сибирь. СПб., М.: [Тип.] М. О. Вольф, 1884. С. 49–82.

10. Якимова И.А. Община и крестьянское лесопользование на Алтае во второй половине XIX века // Тара – 400 лет. Проблемы социально-экономического освоения Сибири: материалы науч.-практ. конф. В 2 ч. / Редкол.: П. П. Вибе (отв. ред.) и др. Ч. 1: История и краеведение. Тара и города Сибири и России. Омск, Тара: [б. и.], 1994. С. 139–142.

Информация об авторе

Тяпкин Михаил Олегович – доктор исторических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории права и государства, Барнаульский юридический институт МВД России (г. Барнаул); e-mail: tyapkin@rambler.ru

Tyapkin Mikhail O. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Chair of Theory and History of Law and the State, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul).

И.З. Файзрахманов

**Сельские общины Казанского уезда
и оброчные казенные платежи в 1720–1760-х гг.**

В статье на основе статистических материалов 1720-х и 1760-х гг. из фондов Российского государственного архива древних актов раскрываются основные виды хозяйственной деятельности податного населения Казанского уезда, доходы с которых облагались государственным налогом (оброком). Обращается внимание на то, что сбор этих налогов чаще всего осуществлялся людьми, назначавшимися сельским обществом. Автор делает акцент на изучение некоторых основных видов хозяйственной деятельности, облагавшихся налогами: мельничное производство, лавочная торговля и др.

Ключевые слова: сельская община, оброчные платежи, Казань, Казанский уезд, мельницы, лавки, XVIII век.

I.Z. Faizrakhmanov

**Rural communities of the Kazan district and quit-rent payments
in the 1720–1760s**

The article is based on statistical materials of the 1720s and 1760s from the funds of the Russian State Archive of Ancient Acts, the main types of economic activity of the taxable population of the Kazan district are disclosed, the income of which was taxed by the state tax (dues). Attention is drawn to the fact that the collection of these taxes was most often carried out by people appointed by the rural community. The author focuses on the study of some of the main types of taxed business activities: mill production, shop trading, etc.

Keywords: rural community, quit-rent payments, Kazan, Kazan district, mills, shops, XVIII century.

Файзрахманов И.З. Сельские общины Казанского уезда
и оброчные казенные платежи в 1720–1760-х гг.

Общинное самоуправление в России, кроме своего основного прямого предназначения – решения вопросов местного уровня, являлось удобным инструментом управления в руках действующей власти. Введенный Петром I сбор подушной подати с податных слоев населения был основным средством пополнения казны. Кроме того, существовали и иные способы казенных сборов. За ведение некоторых видов хозяйственной деятельности с владельцев и предпринимателей предусматривались определенные платежи в казну, при этом за своевременность и полноту выплат, чаще всего, была ответственна вся сельская община.

Государство стремилось максимально обложить различные виды деятельности: рыболовство, бортничество, пользование санными покосами, ведение мельничного хозяйства и т.д. Петровский период был наиболее богат на придумывание новых видов налогов. Обложение налогами и сборами многих видов хозяйственной деятельности тогда получило наибольшее развитие. В документах о налогообложении податных слоев Казанской губернии за 1720-е гг. содержатся сведения о различных сборах. Так, оброчный сбор с пашенных казенных земель составлял 40 копеек – вместе с 70-копеечной подушной податью являлся самым массовым видом прямого налога с государственных крестьян (РГАДА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 852. Л. 22 об.). Доходы с лавок, амбаров, ларей, погребов, полков, рыбных ловель, бобровых гонов, домовых бань, кузниц также являлись объектом налогообложения (Там же, л. 2, 20 об., 35). Видимо, как временная мера в переходном этапе 1720-х гг. вместо прежних «валешного» и подымного сбора собирали особый сбор (Там же, л. 22). Отдельным видом налога был сбор с санных покосов, размер которого зависел от площади лугов, измерявшейся чаще всего в копнах (Там же, л. 22 об.).

Некоторые сборы получили названия в зависимости от способов их взимания. Например, в документах отмечены такие виды сборов, как «с мельниц верногобору», «с перевозу верногобору» (таможенный сбор с оброчных перевозов) (Там же, л. 10 об., 16 об., 40). Их сборщики были из числа сельских обществ, посадских и купеческих людей. Они принимали присягу на верность и на безвоз-

Файзрахманов И.З. Сельские общины Казанского уезда
и оброчные казенные платежи в 1720–1760-х гг.

мездной основе занимались сбором денег, что для них фактически являлось одним из видов повинности.

В числе остальных сборов значатся конские пошрины, собираемые за продажу лошадей, кабацкие сборы, налог с «табашной продажи» (Там же, л. 5 об., 7 об., 20 об., 46 об.). Были и другие виды оброчных статей: за различные угодья, за сбор различных лесных припасов (грибов, ягод, древесной коры, меда и т.д.), за заготовку дров (Там же, л. 20).

Одним из видов сбора являлся оброк с бобылей (безземельных крестьян и посадских людей), оплачиваемый владельцу земли за ее использование (в данном случае государству) (Там же). Государство также стремилось контролировать связанные с бортничеством воскобойный и медовый промыслы, вводя сборы за их ведение (Там же, л. 46). Оброк с торговых и ремесленных людей десятой деньги от выручки не являлся ежегодным, но все же существовал (Там же, л. 21). Налог с постоянных дворов – с помещений для ночлега с двором для размещения лошадей и экипажей – один из видов налогов за содержание квартирантов, который являлся регулярным государственным сбором (Там же, л. 38 об.). В дворцовых землях был распространен десятинный сбор за пашню (Там же, л. 22 об.).

Введение сбора с клеймения кубов и казанов было следствием борьбы государства с нелегальным производством вина, которое очень сложно было проконтролировать. Вино можно было производить в домашних условиях в отдельных «кубах» и «казанах». С целью налогообложения каждый куб и казан подлежал обязательному учету, на них ставились клейма. Таким образом, государство как-то пыталось поставить производство вина под свой контроль (Там же, л. 39).

Стоит отметить, что недоимки по оброчным платежам из года в год увеличивались. Это объяснялось как неэффективностью механизмов по сбору налогов, так и неплатежеспособностью населения. Например, все недоимки с доходов населения Казанской губернии за 1724, 1725, 1726 и 1727 гг. составили чуть более 39680 руб., в т.ч. более 24982 руб. было недобрано «верными» сборщиками по губернской части, более 4754 руб. – дворцовым ведомством, более 386 руб. – канцелярией корабельных лесов (с приписных к Адмиралтейству мурз и служилых людей), более 1036 руб. – бывшим ка-

Файзрахманов И.З. Сельские общины Казанского уезда
и оброчные казенные платежи в 1720–1760-х гг.

занским магистратом, более 1219 руб. «не взято за пустотою», более 5411 руб. «не взято по указам», 919 руб. с копейками не взято с тех, кто платит еще прежние недоимки, 969 руб. с копейками недобрано ответственными за сборы комиссарами (Там же, л. 246 об.–247 об.).

После прихода к власти в 1762 г. Екатерина II издала несколько манифестов, в целом определивших приоритеты внутренней политики Российского государства в период ее правления. Манифест от 15 декабря 1763 г. содержал пункты о новой «переоброчке» амбаров, лавок, кузниц, мельниц и других оброчных мест по всему государству с целью «казенной пользы». Подсчету также подвергались все новые неучтенные заведения (7-й и 14-й пункты манифеста) (ПСЗ-I, т. 16, №11988, с. 460–461). Как и во всем государстве, учет оброчных статей был проведен и в Казанском уезде, сведениями из которого мы ниже будем оперировать.

Одной из высокодоходных статей государственной казны Российской империи являлся оброк государству за ведение мельничной деятельности. Каждая деревня нуждалась в помоле зерна и стремилась обзавестись собственной мельницей, если все же по каким-либо причинам это было невозможно, крестьяне ездили в ближайшие мельницы. Естественно, государство не осталось в стороне от выгодной возможности обложения налогами подобных видов деятельности для обогащения казны. Казна должна была получать одну десятую часть от прибыли мельниц. При этом в качестве плательщиков выступали либо сами владельцы мельниц, либо их арендаторы (содержатели). Если мельницы принадлежали казне, то оброк не взимался. По данным 1760-х гг., все казенные мельницы Казанского уезда находились в г. Казани (большей частью на р. Казанка) (РГАДА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 710. Л. 58). В 1764–1768 гг. казна за определенную плату передавала их на откуп московскому купцу Ивану Шемякину, т.е. он фактически стал арендатором казанских мельниц на выгодных для себя условиях. Стоит отметить, что казанские мельницы были весьма доходными. Так, по сведениям 1764 г., годичный доход казанских мельниц составил 1079 руб. 57 ¹/₄ коп., в то время как прибыль 1679 прежде учтенных мельниц Казанского уезда – всего 29112 руб. 58 коп. Другими словами, ежегодная прибыль одной мельницы в Казанском уезде составляла чуть более 17 руб., в

Файзрахманов И.З. Сельские общины Казанского уезда
и оброчные казенные платежи в 1720–1760-х гг.

губернском центре мельницы, вероятно, получали еще больше прибыли (однако точное количество мельниц нам неизвестно, предположительно, не более десяти).

Таблица 1

*Количество прежде учтенных мельниц в Казанском уезде
(кроме Казани), объемы их ежегодных доходов и оброка в казну.
1764 г.*

Дороги Казанского уезда	Количество мельниц	Доход		Оброк государству	
		руб.	коп.	руб.	коп.
Арская дорога	817	5085	81	508	58 ¹ / ₄
Алатская дорога	331	5664	47	566	44 ³ / ₄
Галицкая дорога	52	749	72	74	97 ¹ / ₄
Ногайская дорога	215	13724	83	1372	48 ¹ / ₄
Зюрейская дорога	264	3887	75	388	77 ¹ / ₂
Итого	1679	29112	58	2911	26

Составлено по: РГАДА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 710. Л. 201 об.

Наиболее прибыльными являлись мельницы Ногайской дороги, что вполне объяснимо развитостью зернового хозяйства в южной части Казанского уезда (см. табл. 1). В то же время мы видим крайне скромные доходы мельниц дорог, расположенных севернее, особенно Арской дороги, где количество мельниц было максимальным, но находились они большей частью в лесной зоне (на территории современной Удмуртии и Кировской области), чем можно объяснить их малопродуктивность.

Здесь учитываются новые построенные мельницы в 1745–1764 гг. (см. табл. 2). Также следует отметить, что годы постройки большинства мельниц приходится на 1763 и 1764 гг. Вероятно, что большинство из них были построены ранее 1763 г., но владельцы мельниц, чтобы не платить налоги за предыдущие годы, указали другие даты (Там же, л. 152–158 об.).

Файзрахманов И.З. Сельские общины Казанского уезда
и оброчные казенные платежи в 1720–1760-х гг.

Таблица 2

*Количество построенных с 1745 по 1764 год мельниц
в Казанском уезде (кроме Казани), объемы их ежегодных
доходов и оброка в казну*

Дороги Казанского уезда	Количество мельниц	Доход		Оброк государству ¹	
		руб.	коп.	руб.	коп.
Арская дорога	99	507	97	50	79 ³ / ₄
Алатская дорога	24	371	60	37	16
Галицкая дорога	3	79	12	7	91 ¹ / ₄
Ногайская дорога	13	193	5	19	30 ¹ / ₂
Зюрейская дорога	12	114	67	11	46 ³ / ₄
Итого	151	1266	41	126	64 ¹ / ₄

Составлено по: РГАДА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 710. Л. 202.

Таблица 3

*Количество прежде учтенных мельниц в дворцовых волостях
Арской и Алатской дорог Казанского уезда, объемы
их ежегодных доходов и оброка в казну. 1764 г.*

Волости и дороги Казанского уезда	Количество мельниц	Доход		Оброк государству	
		руб.	коп.	руб.	коп.
Сарапульская дворцовая волость Арской дороги	74	454	62 ¹ / ₂	45	46 ¹ / ₄
Кукарская дворцовая волость Алатской дороги	52	196	23	19	62 ¹ / ₄
Итого	126	650	85 ¹ / ₂	65	8 ¹ / ₂

Составлено по: РГАДА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 710. Л. 202 об.

¹ В силу указа от 15 мая 1729 г. с дворцовых волостей взималась только ¹/₄ часть от общей суммы, поэтому из итоговой суммы (126 руб. 64 ¹/₄ коп.) исключали дворцовые суммы, т.е. ³/₄ части (15 руб. 44 ¹/₄ коп.), после чего она составила 111 руб. 20 коп. (РГАДА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 710. Л. 202).

Файзрахманов И.З. Сельские общины Казанского уезда
и оброчные казенные платежи в 1720–1760-х гг.

Выше показано количество мельниц в Кукарской и Сарapulьской дворцовых волостях (см. табл. 3). Из итоговой суммы также вычиталась $\frac{3}{4}$ часть дворцовых сумм, однако, бывало, что в казну никакой суммы (даже $\frac{1}{4}$ части) не поступало (Там же, л. 202 об.). Всего в 1764 г. в Казанском уезде действовали 1956 мельниц (без учета мельниц г.Казани).

Таблица 4

*Количество недействующих из ранее действовавших
мельниц Казанского уезда. 1764 г.*

Дороги Казанского уезда	Количество мельниц
Арская дорога	308
Алатская дорога	121
Галицкая дорога	42
Ногайская дорога	117
Зюрейская дорога	381
Итого	969

Составлено по: РГАДА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 710. Л. 203.

Количество мельниц Казанского уезда, переставших действовать в 1745–1764 гг., огромно (см. табл. 4). Если за это время в уезде перестали действовать 969 мельниц, то была построена всего 151 новая мельница, т.е. количество мельниц значительно сократилось по сравнению с 1740-ми годами. Сами фискальные списки демонстрируют частые смены владельцев и арендаторов мельниц за период с 1745 по 1764 год, что может свидетельствовать о нестабильном развитии отрасли вследствие различных причин, в первую очередь из-за неурожаев. Были и другие причины уменьшения мукомольных мельниц в Казанском уезде (см. табл. 5).

Файзрахманов И.З. Сельские общины Казанского уезда
и оброчные казенные платежи в 1720–1760-х гг.

Таблица 5

Количество «отпавших» мельниц в Казанском уезде
по иным причинам. 1764 г.

Мельницы	Количество
Мельницы, отошедшие из ведомства Казанской губернской канцелярии в другие канцелярии:	
– в Ставропольский уезд	14
– в Свяжский уезд	1
– в Симбирский уезд	1
– в ведомство канцелярии поселения отставных	2
Убыточные мельницы в Арской дороге	28
Не выявленные ранее построенные мельницы:	
– в Арской дороге	5
– в Зюрейской дороге	3
– в Ногайской дороге	1
Мучная мельница, которая перестраивалась в пильную мельницу	1
Итого	56

Составлено по: РГАДА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 710. Л. 203 об. – 204.

Одной из статей доходов казны были оброчные платежи с лавок, харчевен, амбаров, кузниц и постоянных дворов, сосредоточенных почти исключительно в г. Казани и его пригородах. В 1764 г. и по ним фискальными агентами были составлены списки.

Таблица 6

Количество прежде учтенных лавок г. Казани и его пригородов,
объемы их ежегодных доходов и оброка в казну в 1764 г.

Лавки	Количество	Доход		Оброк государству	
		руб.	коп.	руб.	коп.
Гостиного двора:					
– казенные	203	729	0	72	90
– «вотчинниковые»	737	3356	81	335	68 ¹ / ₄
Итого	940	3356	81	408	58 ¹ / ₄

Составлено по: РГАДА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 710. Л. 201.

Файзрахманов И.З. Сельские общины Казанского уезда
и оброчные казенные платежи в 1720–1760-х гг.

Следует отметить, что, согласно сведениям 1764 г. (см. табл. 6), в Гостином дворе Казани действовало 50 лавок, принадлежащих купцам, цеховым, графу Ягужинскому, содержателю суконной фабрики Дряблову и монастырям. Остальные 150 с лишним лавок находились в торговых рядах, названия которых большей частью дают понятие об ассортименте реализуемых в них товаров: сибирский, железный, серебряный, рогожный, крашенинный, «лентошный», кафтанный и пушной, мыльный, «молошный», «дехтяной», мелочный ряды. Часть лавок находилась по Большой Мостовой улице (Там же, л. 1–8). «Вотчинниковые» (частновладельческие) лавки, кроме вышеуказанных рядов, располагались в сапожном, «медянном», «шапошном», «замошном», «чюлошном», «ветошинном», женском мелочном, «женском холшевом», зелейном, «сыромятном», «масленом», «солодяном», «щепяном», «горшешном», «рукавишном», харчевом, крупяном, рогожном, рыбном, мясном рядах. Доходы питейных каменных палаток, харчевен, «калашных изб», кладовых амбаров, кузниц в «кузнешном» ряду также подлежали обложению оброком. При итоговом подсчете их также включили в число «вотчинниковых» лавок (Там же, л. 9–35 об.).

Таблица 7

Количество построенных с 1745 по 1764 год лавок, харчевен, амбаров, кузниц и постоянных дворов в г. Казани и его пригородах, объемы их ежегодных доходов и оброка в казну

Постройки	Количество	Доход		Оброк государству	
		руб.	коп.	руб.	коп.
Лавки казенные	2	3	0	0	30
Лавки «вотчинниковые»	192	1159	0	115	90
Харчевни	60				
Амбары	20				
Кузницы	35				
Постоялые дворы	265				
Итого	574	1648	0	164	80

Составлено по: РГАДА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 710. Л. 201.

Файзрахманов И.З. Сельские общины Казанского уезда
и оброчные казенные платежи в 1720–1760-х гг.

Сведения о новых построенных лавках, харчевнях, амбарах, кузницах и постоянных дворах г. Казани и его пригородов в период с 1745 по 1764 г. раскрывают рост числа торговых предприятий и вовлечение в торговлю новых лиц из различных сословий (см. табл. 7). Следует уточнить, что в итоговых данных в число 60 харчевен составители списка включили 12 заведений, называвшихся собственно харчевнями, 39 «калашных изб», 9 «прянишных изб», в число 20 амбаров – 17 амбаров и 3 кладовые палатки. Заметим, что все постоянные дворы в городе и пригородах (всего 265) значатся как новозаведенные (Там же, л. 36–57). Это наводит на мысль, что они не могли все возникнуть сразу, а раньше могли не учитываться в качестве оброчной статьи.

Таблица 8

*Количество построенных с 1745 по 1764 год лавок и кузниц
в пригородах Казанского уезда (кроме Казани и ее пригородов), объемы их
ежегодных доходов и оброка в казну*

Постройки	Количество	Доход		Оброк государст- ву	
		руб.	коп.	руб.	коп.
Лавки:					
– в Мензелинске	3	12	0	1	20
– в Тетюшах	6	3	50 ¹ / ₂	0	35 ¹ / ₂
– в Малмыже	8	26	0	2	60
Кузницы малмыж- ских купцов	7	30	50	3	5
Итого	24	72	¹ / ₂	7	20 ¹ / ₂

Составлено по: РГАДА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 710. Л. 204.

Вышеприведенные сведения показывают весьма скромные, по сравнению с Казанью, результаты хозяйственной деятельности положенных в оброк торговых и производственных предприятий уезда (см. табл. 8). Несомненно, что торговля и промысловые занятия, которые развивались вне рамок налогооблагаемых государством форм хозяйственной деятельности, достигали внушительных объемов, однако по ним статистика не велась.

Файзрахманов И.З. Сельские общины Казанского уезда
и оброчные казенные платежи в 1720–1760-х гг.

За период с 1745 по 1764 год в Казани не действовали 22 лавки и еще 7 лавок в Мензелинске, Тетюшах и Малмыже, 8 лавок в Тетюшах были убыточными (см. табл. 9).

Таблица 9

Количество пустых и убыточных лавок в Казанском уезде. 1764 г.

Лавки	Количество
Пустые лавки в Казани	22
Убыточные лавки в Тетюшах	8
Пустые лавки:	
– в Мензелинске	1
– в Тетюшах	5
– в Малмыже	1
Итого	37

Составлено по: РГАДА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 710. Л. 204 об.

Таким образом, оброчные платежи с доходов за ведение того или иного вида деятельности были существенной статьей пополнения государственной казны. Большой частью оброчные сборы собирались людьми, назначенными сельскими общинами на сходе – их называли верными сборщиками. Людей, отвечавших за такие сборы в городах, называли целовальниками. Однако за сборы были ответственны не только они, но и комиссары, различные ведомства (например, сбор оброчных платежей с доходов мельниц мурз и служилых татар, приписанных к Адмиралтейству, контролировался соответствующей структурой). Рассмотренные документы 1720-х и 1760-х гг. позволяют утверждать, что государственное налогообложение различных видов хозяйственной деятельности населения не было всеобщим и не выполнялось в полной мере – недоимки являлись обыденным явлением.

Источники и литература

1. ПСЗ-I. Т. 16.
2. РГАДА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 710.
3. РГАДА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 852.

Файзрахманов И.З. Сельские общины Казанского уезда
и оброчные казенные платежи в 1720–1760-х гг.

Информация об авторе

Файзрахманов Ильшат Завдатович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань); e-mail: istorkazan@mail.ru

Faizrakhmanov Ilshat Z. – Candidate of Historical Sciences, Senior Scientific Researcher of the Department of New History, Sh.Mardjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan).

Взаимоотношения сельского общества и власти в Татарстане накануне коллективизации*

В статье рассматриваются взаимоотношения сельского общества и власти Татарстана в контексте «перекачки» капиталов из сельского хозяйства в промышленность в первые годы индустриализации. В ней анализируется социально-экономическое состояние крестьянства республики, выявляются основные индикаторы применительно к проблеме обострения социального напряжения в сельском обществе, определяются важнейшие параметры формирования протестного настроения крестьянства. Особое внимание уделяется проблеме и этапам консолидации сельских слухов и их роли в формировании протестного движения в деревне. В то же время в историческом аспекте рассматриваются понятия «горлопаны» и «коштань». Полученные результаты, несомненно, станут научной основой для дальнейшей комплексной реконструкции социальной истории крестьянства Татарстана и решения проблемы сохранения самобытной культуры и традиций сел и деревень в контексте углубления изучения опыта отдельных российских регионов, его прикладного анализа.

Ключевые слова: деревня Татарстана накануне коллективизации, индустриализация, проблема «перекачки» средств из деревни в город, власть и сельская общественность, социальная напряженность, сельские слухи, протестные настроения нэповского крестьянства, «горлопаны», «коштань».

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Социокультурное пространство села Татарстана (2-я половина XIX – начало XXI вв.): история, традиции, хозяйствующие субъекты», №18-49-160009.*

**Relations of rural society and authorities
in Tatarstan on the eve of collectivization**

The article discusses the relationship of rural society and the authorities of Tatarstan in the context of the "transfer" of capital from agriculture to industry in the early years of industrialization. It analyzes the socio-economic condition of the peasantry of the republic, identifies the main indicators in relation to the problem of exacerbation of social tension in rural society, defines the most important parameters for the formation of the protest mood of the peasantry. Particular attention is paid to the problem and stages of the consolidation of rural rumors and their role in the formation of the protest movement in the village. At the same time, in the historical aspect, the concepts of "throats" and "chestnuts" are considered. The results obtained will undoubtedly become the scientific basis for the further comprehensive reconstruction of the social history of the peasantry of Tatarstan and the solution of the problem of preserving the original culture and traditions of villages and villages in the context of deepening the study of the experience of individual Russian regions and its applied analysis.

Keywords: village of Tatarstan on the eve of collectivization, industrialization, the problem of "pumping" funds from the village to the city, the government and the rural community, social tension, rural rumors, protest moods of the NEP peasantry, "throats", "chestnuts".

Глубочайший поворот в жизни современного многонационального российского общества потребовал нового осмысления пройденного исторического пути, итогов и сущности тех изменений, которые произошли в обществе за годы «социалистического строительства» в России и Татарстане. Среди многих важных проблем, оказавшихся в центре внимания современной ученой и творческой общественности, советские преобразования деревенской общинной жизни, судьбы крестьянства, прежде всего коллективизация и ликвидация кулачества. В этом нет ничего удивительного: в момент Октябрьской революции 1917 г. и в первые десятилетия после нее Татарстан оставался преимущественно крестьянской республикой – по составу населения, общественному (общинному) менталитету и социально-культурному облику. К тому же на пути к социализму

Шайдуллин Р.В. Взаимоотношения сельского общества и власти
в Татарстане накануне коллективизации

именно крестьянство прошло через коллективизацию, изменившую не только условия труда и систему многовековых общинных отношений и традиций, но и сам строй его житейской мысли, настроений и привычек.

Драматический характер начавшегося индустриального переворота во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. кардинально затронул все стороны жизнедеятельности населения Советской России, его экономические и социальные последствия сегодня только начинают осознаваться в их истинном значении. Осуществление грандиозной индустриализации потребовало коренной перестройки всего аграрного сектора страны. В отличие от России, в странах Запада аграрная революция (система совершенствования сельскохозяйственного производства) предшествовала промышленному перевороту, поэтому в них в целом не было особых затруднений в плане снабжения городского населения продовольственными продуктами широкого потребления. В Советском Союзе оба эти процесса приходилось осуществлять одновременно. При этом деревня рассматривалась не только как источник продовольствия и сырья для промышленности, но и как важнейший канал финансовых ресурсов для нужд индустриализации.

Едва только значительная часть крестьянства Татарстана смогла встать на ноги и хозяйственно окрепнуть после системного экономического кризиса, спровоцированного братоубийственной Гражданской войной и неурожайными годами начала нэповского периода, во второй половине 1920-х гг. появляются довольно противоречивые решения властей, глубоко потрясшие умонастроения селян. Новые экономические и общественно-политические решения коммунистических структур фактически завершили конструирование новой экономической политики, главной идеей которой было совмещение мелкотоварного уклада широких масс населения с задачами индустриализации. Эта проблема была уже практически поставлена в плоскость «перекачки» – неэквивалентного товарного обмена между промышленностью и сельским хозяйством. Однако нормальные хозрасчетные отношения, сбалансированная экономика исключали такой неэквивалентный обмен, так как непропорцио-

Шайдуллин Р.В. Взаимоотношения сельского общества и власти
в Татарстане накануне коллективизации

нальный товарообмен между городом и деревней являлся неизбежной константой для частых экономических кризисов в стране.

Весь драматизм принятого тогда решения как раз и состоял в том, что обеспечение стабильности перекачки средств для индустриализации на основе длительного сохранения индивидуального крестьянского хозяйства требовало постоянных усилий советских руководителей в плане нахождения и поддержания сложных политических и социальных компромиссов. Однако это было очень трудной задачей для властей, поскольку индустриализация, развивавшаяся форсированными темпами, с каждым годом требовала все больше средств. В этой ситуации советское руководство перешло на жесткую финансово-кредитную политику. Его первоочередной задачей в такой аграрной стране, как Россия, стало строительство объектов тяжелой промышленности, что привело еще к большим экономическим затратам. Для их покрытия нужны были огромные средства, большую часть которых могли дать только крестьяне. И советское руководство встало на путь прямой «перекачки» финансовых средств, продовольствия и сырья из сельского хозяйства в промышленность, тем самым разрушая экономическую и культурную смычку между городом и деревней. Характеризуя экономическое состояние деревень Татарстана того периода, бакинский рабочий-коммунист И.Андреев, побывавший в отпуске в Чистопольском кантоне республики, заметил: «Мы, рабочие и коммунисты, увлеклись революционным энтузиазмом, увлеклись тем, что сильны политически и экономически. Напрасно мы думаем, что деревня у нас богатеет и сильно развивается сельское хозяйство, у нас в Татарской республике этого отметить нельзя. Деревня здесь живет в невероятно тяжелых условиях: бедность и невежество в полном расцвете. Душат налогами, и никаких мер со стороны местных властей для улучшения сельского хозяйства не делается. Деревня голодает, крестьяне питаются хлебом и водой» (ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 2. Д. 344. Л. 34).

Фактически сбор средств для индустриализации превратился в откровенный грабёж крестьянства. Власти, начав с мягких форм внеэкономического принуждения, по мере форсирования темпов сбора с сельского населения налогов, займов индустриализации, страховых и других платежей, заостряли их репрессивную направ-

Шайдуллин Р.В. Взаимоотношения сельского общества и власти
в Татарстане накануне коллективизации

ленность. Пожалуй, наиболее жесткими формами насилия по отношению к крестьянам были опись и конфискация их имущества, массовое привлечение владельцев «хлебных излишков» к судебной ответственности. Накануне коллективизации это стало обычной сельской повседневностью: судебные органы без особого разбирательства выносили приговоры о конфискации хлебов, оставленных домохозяевами для посева и собственного потребления. Изымались также скот, хозяйственные постройки, инвентарь, вплоть до одежды и бытовых предметов. По неполным данным, в начале 1928 г. в Бугульминском кантоне Татарстана к тюремному заключению были привлечены 34 крестьянина, из них 8 посажены на 1 год, 8 – на 6 месяцев, 10 – на 4 месяца, 2 – на 3 месяца, 6 – на 1 месяц. У них было конфисковано 6100 пудов зерна, около 6 тыс. пудов необмолоченного хлеба в копнах, 31 лошадь, 27 коров, 163 овцы и др. В Левашевской волости Спасского кантона было описано имущество у более чем 30% населения. В д. Сихтерма того же кантона уполномоченный волисполкома за неуплату обязательного налога отнял у бедняка единственную корову (ГА РТ. Ф. П–654. Оп. 1. Д. 140. Л. 11–12, 61, 99). Уголовное преследование крестьян накануне коллективизации развивалось по восходящей линии, и оно начало принимать политический окрас. К примеру, по неполным данным Наркомата юстиции Татарстана за 1929 г., из 36 судебных участков было осуждено 2232 человека по статьям 61, 62, 107 (ГА РТ. Ф. П–654. Оп. 1. Д. 521. Л. 30).

С усилением практики внеэкономических методов изъятия хлеба широкие массы крестьянства Татарстана начали испытывать на себе прямое насилие со стороны государства. Крестьяне, имевшие запасы хлеба, приравнивались к кулакам и спекулянтам. В ответ крестьяне перестали поставлять хлеб на рынок, усиливая продовольственный кризис и используя его как средство политического давления на власть. Они стали более решительно выступать против продовольственной и налоговой политики правящего режима, концентрации земли в руках государства, создания общественных форм сельского хозяйства. Меры принуждения, насилия ассоциировались в их сознании с периодом «военного коммунизма». «Советская власть меняет свою политику по отношению к деревне, все отбира-

Шайдуллин Р.В. Взаимоотношения сельского общества и власти
в Татарстане накануне коллективизации

ет у мужиков. Что теперь он будет делать, если у него отберут весь хлеб. Вот она, Советская власть: обещала многое, а вернулась к военному коммунизму» (ГА РТ. Ф. П–7262. Оп. 1. Д. 345. Л. 50).

Насилие по отношению к крестьянству накануне коллективизации превратилось в функцию экономики и стало спутником хозяйственного развития советского строя. Санкционированная сверху безнаказанность пробуждала в советских и партийных работниках самые низменные наклонности: им ничего не стоило избить «провинившегося» крестьянина до полусмерти или совершить другие преступления. Так, например, председатель Левашевского волисполкома Спасского кантона К.Башкиров избил крестьянина за то, что тот не смог вовремя внести сумму, причитающуюся с него по обязательным платежам (ГА РТ. Ф. П–15. Оп. 2. Д. 619. Л. 99). Рукоприкладство среди руководства в те годы получило широкое распространение, что признавалось и местными руководителями. К примеру, в письме секретаря Альметьевского волкома ВКП(б) Бугульминского кантона говорится, что «для того, чтобы выполнить все задания, приходится делать все жестокости. Уже начинаем брать последние рубашки с полок и гусей, а об овцах и телках нет и разговора. Семсуду, если от нищего не возьмем его последнюю козу и самовар (не больше яйца), то собрать не сумеем (ГА РТ. Ф. П–15. Оп. 2. Д. 330. Л. 21).

Бесчинства татарстанских властей по отношению к крестьянству на селе в период форсированного накопления средств для индустриализации вызывали все возрастающее сопротивление сельского населения. Характерно и то, что протестное движение в ряде кантонов республики начало принимать организованный контекст и приобретать ярко выраженную идейную направленность. Недовольство селян было направлено, прежде всего, против советских и партийных работников, сельских и комсомольских активистов, членов бедняцких групп. В ряде мест по отношению к ним крестьяне совершали различные формы физического воздействия, порой доходило до смертоубийства. Очень выразительно оценил обстановку в деревне Татарстана секретарь Альметьевского волкома Бугульминского кантона: «Настроение масс похоже на канун вилочного восстания» (Там же, л. 19).

Шайдуллин Р.В. Взаимоотношения сельского общества и власти
в Татарстане накануне коллективизации

Почва для недовольства крестьянства создалась антинародной социально-экономической политикой правящего режима. Налицо факты массового разграбления крестьянских хозяйств во имя «светлого будущего», многочисленные перегибы, связанные с должностными злоупотреблениями советских и партийных работников, моральное разложение в среде коммунистов и комсомольцев, беспартийного советского актива. Причины массового недовольства сельских хозяев коренились и в разрушительных свойствах фискальной политики советского руководства, в непомерности налогов, страховых платежей и процентных ставок на ссуды. Широкое применение репрессивных мер в отношении сельских тружеников в период хлебозаготовительных кампаний конца 1920-х гг. вызвало с их стороны сильное недовольство политикой существующего режима, которое грозило перерасти в общекрестьянское восстание, несущее опасность существованию самого Советского государства.

Признаки роста социальной напряженности проявлялись не только в обострении взаимоотношений между крестьянами и властями, но и в темпах и массовости распространения «антисоветских» слухов в сельской местности, в росте критических умонастроений среди населения. Недовольные экономической политикой властей, превращавшей их в «дойных коров», сельские труженики открыто заявляли, что «индустриализация идет за счет крестьянских хозяйств» (ГА РТ. Ф. П–15. Оп. 2. Д. 521. Л. 2). При этом они громогласно утверждали, что «вся тяжесть лежит на крестьянстве: налоги, облигации, самообложение и т.д. Этим разоряют крестьянство, и оно нищает» (ГА РТ. Ф. П–1419. Оп. 8. Д. 526. Л. 1). «Крестьянский заем есть не что иное, как контрибуция 1918–1919 гг.: если его насильно заставляют покупать не только зажиточных, но и середняков, и бедняков». «Государство берет с нас налоги, проценты, семссуду, страховку, заставляет готовить дрова для школ, а нам за это ничего не дает» (ГА РТ. Ф. П–1419. Оп. 8. Д. 516. Л. 101). «Пусть Советская власть для выкачки с крестьян денег ухитрится в чем-либо другом, но не в распространении займа, т.к. в прошлом году у нас с займами обманули, а теперь уж не обманут, никто брать не будет, т.к. в этом крестьянство ничего хорошего для себя не видит» (ГА РТ. Ф. П–7262. Оп. 1. Д. 345. Л. 193).

Шайдуллин Р.В. Взаимоотношения сельского общества и власти
в Татарстане накануне коллективизации

Невозможно не согласиться и со справедливыми заявлениями крестьян о том, что власть отказалась от принципов новой экономической политики и вновь вернулась к методам политики «военного коммунизма», широко практиковавшимся в годы Гражданской войны на территории Татарстана. Во многих крестьянских обращениях к властям чувствуется некоторая безысходность и недоверие к советской власти. Так, например, в одном из анонимных обращений к генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину говорится: «А тут живешь уже 11 лет при Советской власти – лучшего не ждать, а наоборот, становится труднее и труднее. У крестьянства начинает пропадать интерес к сельскому хозяйству. Доходы крестьянского хозяйства не оправдывают даже неотложные расходы» (Там же, л. 106–107). В другом письме бугульминские крестьяне обращаются к властям со следующими словами: «Товарищи, работающие в областкоме. Мы измучились гнетом царя на войне. Совершили революцию, создали Советы, но ошиблись. Вы отобрали весь наш хлеб, которым кормили московских рабочих, а нас морили с голоду. И теперь собираете налоги, продавая наши самовары. Забираете наши последние хлеба и сшибаете нас с ног, заставляя молотить последние копны. Если к весне голод будет, то остается опять всем умирать с голоду. Вы превращаете нас, татар, в собак. Разве это дело, что у вас всего недостает» (Там же, л. 21).

Традиционное объяснение общественно-политического настроения крестьянства по отношению к центральным и республиканским властям, сформировавшегося накануне коллективизации, что оно имело стихийный и злободневный характер, не раскрывает полную картину этого явления. В этом процессе большую роль играли общинные традиции консолидации общественного настроения в деревне. Возникшие об отношении властей слухи в деревне, как правило, проходили несколько этапов обсуждения. Первоначально они озвучивались во время различных сельских посиделок или проведения помочей, а затем обсуждались на сельских сходах. В ходе консолидации слухов «крестьянская молва» обрастала различными подробностями или корректировалась в зависимости от местных обстоятельств. Боязливые и в то же время консервативные по отношению к властям крестьяне редко сами озвучивали эти «крамоль-

Шайдуллин Р.В. Взаимоотношения сельского общества и власти
в Татарстане накануне коллективизации

ные» слова во время сельских собраний, устраиваемых советским и партийным активом. Для этого ими выбирались специальные люди, так называемые горлопаны, которые имели небольшой имущественный достаток и которым нечего было терять.

Сельский (общинный) институт горлопанов в деревнях Татарстана существовал издавна и использовался при решении различных общинных или межклановых проблем. Многие из горлопанов были людьми, повидавшими мир (солдаты, отходники и др.), умели хорошо говорить, имели напористый нрав, могли перекричать сельскую толпу и управлять ею. Эта традиция сохранилась и в советское время. Во время собраний крестьянский сход именно горлопанам поручал озвучивать важные мысли и защищать сельское общество от нападков властей. В то же время именно они доводили до властей консолидированные слухи о правящих режимах с целью защиты экономических, социально-правовых и этнокультурных интересов сельского общества или определенного семейного клана, социальной прослойки. В 1920-е гг. в сельских общинах их услугами широко пользовались. Большая часть материалов о властях и политике из сводок об общественно-политическом настроении татарстанского крестьянства, составленных местными, отчасти и московскими партийными и советскими работниками, принадлежит им.

Отношение советских властей к этому институту общинного крестьянства было политически враждебным. Во второй половине 1920-х гг. горлопаны получили унижительный советский ярлык «коштаны» (куштаны), то есть подкулачники, кулаческие подпевала. Хотя этот термин имеет дореволюционное происхождение, тогда коштаном называли высокомерного, надменного, спесивого и заносчивого человека.

Таким образом, индустриализация проводилась путем феодальной эксплуатации деревни. Большевики превзошли всех своих предшественников, насилие стало главным атрибутом их политики. Накануне коллективизации сельские труженики неоднозначно воспринимали социально-экономическую политику советского руководства. Конец 1920-х гг. характеризуется острой социальной напряженностью в деревне. Крестьянство боролось, главным образом, за улучшение своего экономического положения, политические

Шайдуллин Р.В. Взаимоотношения сельского общества и власти
в Татарстане накануне коллективизации

требования как таковые почти не предъявлялись. Во время своих выступлений крестьяне критиковали не советскую власть в целом, а ее антинародную политику. Социальная напряженность в сельской местности была обусловлена не столько расслоением деревни, сколько нерациональной экономической политикой советского и партийного руководства. Индустриализация, последовавшая за ней коллективизация окончательно разрушили общинные институты в Татарстане и надолго прикрепили их к колхозам, сделав, таким образом, селян безвольными наемными рабами советской власти.

Источники и литература

1. ГА РТ. Ф. П–15. Оп. 2. Д. 330.
2. ГА РТ. Ф. П–15. Оп. 2. Д. 344.
3. ГА РТ. Ф. П–15. Оп. 2. Д. 521.
4. ГА РТ. Ф. П–15. Оп. 2. Д. 619.
5. ГА РТ. Ф. П–654. Оп. 1. Д. 140.
6. ГА РТ. Ф. П–654. Оп. 1. Д. 521.
7. ГА РТ. Ф. П–1419. Оп. 8. Д. 516.
8. ГА РТ. Ф. П–1419. Оп. 8. Д. 526.
9. ГА РТ. Ф. П–7262. Оп. 1. Д. 345.

Информация об авторе

Шайдуллин Рафаиль Валеевич – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра энциклопедистики Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан, (г. Казань); e-mail: srv60@yandex.ru

Shaydullin Rafail V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Center of an entsiklopedistika of the Institute of the Tatar encyclopedia and regional studies of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- в. – век
вв. – века
вып. – выпуск
г. – год
гг. – годы
губ. – губерния
дер. – деревня
дес. – десятина
дисс. – диссертация
др. – другие
ж.п. – женский пол
изд. – издание
им. – имени
коп. – копейка
м.п. – мужской пол
об. – оборотный
пос. – поселок
ред. – редактор
р-н – район
руб. – рубль
с. – страница
сб. – сборник
сельсовет – сельский совет
сер. – серия
см. – смотрите
сост. – составитель
т. – том
т.д. – так далее
т.е. – то есть
т.п. – тому подобное
табл. – таблица
тип. – типография
тыс. – тысяча
ч. – часть
чел. – человек
- АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АРЭМ – Архив Российского этнографического музея
Баш АССР – Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика
ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевики)
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
ГА РМЭ – Государственный архив Республики Марий Эл
ГА РТ – Государственный архив Республики Татарстан
ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАНО – Государственный архив Нижегородской области
ГАОО – Государственный архив Омской области
ГАПО – Государственный архив Пензенской области
ГИА ЧР – Государственный исторический архив Чувашской Республики
Д. – дело
ИРИ – Институт российской истории
Кантисполком (КИК) – кантональный исполнительный комитет

Список сокращений

- Карт. – картон
Кн. – книга
КОНО – кантонный отдел народного образования
Л. – лист
НА НИИГН – Научный архив Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия
НА ЧГИГН – Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук
Наркомат – народный комиссариат
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКПрос – Народный комиссариат просвещения
Нов. оп. – Новая опись
НЭП – новая экономическая политика
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
ОКВ – Оренбургское казачье войско
Оп. – опись
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ПСЗ-I – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1
ПСЗ-II – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2
ПСЗ-III – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3
РАН – Российская академия наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГИА – Российский государственный исторический архив
РКП(б) – Российская Коммунистическая партия (большевиков)
РО РНБ – Рукописный отдел Российской национальной библиотеки
РПЦ – Русская православная церковь
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СНК – Совет Народных Комиссаров
СПбДА – Санкт-Петербургская духовная академия
ТАССР – Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика
ТатЦИК – Татарский центральный исполнительный комитет
ТО – Татарский отдел
ТО ОГПУ – Татарский отдел Объединенного государственного политического управления
УИИЯЛ – Удмуртский институт истории, языка и литературы
УФСБ РФ по РТ Управление Федеральной службы безопасно-

Список сокращений

сти Российской Федерации по Республике Татарстан	ЦДУМ – Центральное духовное управление мусульман
Ф. – фонд	ЦК – Центральный Комитет
ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан	ЦСУ – Центральное статистическое управление
ЦГА РМ – Центральный государственный архив Республики Мордовия	GPU – State Political Administration
ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской Республики	NEP – New Economic Policy
ЦГАКО – Центральный государственный архив Кировской области	OGPU – United State Political Administration
	TASSR – Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic

**Институты общинного самоуправления в социальной
жизни многонационального крестьянства
Волго-Уральского региона (XVIII в. – 20-е гг. XX в.)**

Материалы Всероссийской научной конференции

Научное издание

Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева*

Подписано в печать 27.11.2019 г. Формат 60×84 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 14,0 Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «КОНСТАНТА»
308519, Белгородская обл., Белгородский р-н,
пос. Северный, ул. Березовая, 1/12
Тел./факс: (4722) 300–720, www.konstanta-print.ru

Сайт

Института истории
Академии наук РФ

Татаровед.рф